

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Удмуртский государственный университет»

На правах рукописи

Дулесов Евгений Павлович

МЕТАФОРА
В ПАРЛАМЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ
(на материале речей российских депутатов начала XX в.)

Специальность 10.02.19 — Теория языка

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
М.Г. Милютина

Ижевск — 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ПАРЛАМЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ.....	13
1.1. Теоретические проблемы изучения метафоры	13
1.1.1. Метафора как объект лингвистического исследования.....	13
1.1.2. Понятие метафорической модели	24
1.1.3. Метафора в политической коммуникации	31
1.2. Теоретические проблемы изучения парламентского дискурса.....	38
1.2.1. Парламентский дискурс как объект лингвистического исследования....	38
1.2.2. Особенности парламентского дискурса Российской империи	48
1.3. Метафорические модели в парламентском дискурсе Российской империи....	55
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	85
ГЛАВА 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В РЕЧАХ РОССИЙСКИХ ДЕПУТАТОВ НАЧАЛА XX ВЕКА: СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ.....	89
2.1. Теоретические основы тактико-стратегического анализа политической метафоры.....	89
2.2. Деструктивная стратегия.....	95
2.2.1. Тактика запугивания адресата.....	96
2.2.2. Тактика оскорбления и насмешки.....	101
2.2.3. Тактика обвинения.....	108
2.3. Конструктивная стратегия.....	111
2.3.1. Тактика аргументации	111
2.3.2. Тактика интеграции	116
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	122

ГЛАВА 3. ИНТЕРАКТИВНЫЙ АСПЕКТ МЕТАФОРЫ В ПАРЛАМЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ.....	125
3.1. Метафора в политическом диалоге	125
3.2. Способы нейтрализации прагматического потенциала метафоры политического противника.....	134
3.2.1. Указание на неуместность метафоры	135
3.2.2. Реметафоризация с использованием другой сферы-источника	143
3.2.3. Расширение метафоры.....	145
3.2.4. Ретаргетирование	158
3.2.5. Сочетание нескольких способов	160
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3	173
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	176
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	180

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование посвящено изучению особенностей функционирования политических метафор в парламентском дискурсе на примере речей российских депутатов начала XX в.

Актуальность темы исследования. Конец XX в. ознаменовался становлением новой научной парадигмы в языкознании — дискурсивно-когнитивной, в центре внимания которой оказались не системные свойства языка, а речь, «погруженная в жизнь» (Н.Д. Арутюнова). В связи с этим лингвистическое сообщество заинтересовала связь языка с прагматическими установками говорящего, мышлением, культурой, различными социальными институтами, т. е. лингвистика отказалась от идеи Ф. де Соссюра изучать язык «в самом себе и для себя самого», актуальным для нее стал учет экстралингвистических факторов в самом широком понимании.

Современная лингвистика все чаще обращается к реальным сферам функционирования языка, что обуславливает необходимость учитывать достижения других наук. Формируется широкое поле научной интеграции, в рамках которого активизируются междисциплинарные связи, возникают «зонтиковые» науки (Е.С. Кубрякова). На пересечении языкознания, политологии, истории, социальной психологии и некоторых других гуманитарных дисциплин возникает новая научная область — политическая лингвистика, или лингвополитология, представители которой устанавливают особенности концептуализации политической сферы в сознании человека через исследование языковых структур, а также выявляют способы речевого воздействия и манипуляции, задействованные в языке политики.

Одним из основных объектов изучения новой дисциплины закономерно стала метафора, поскольку, как показали исследования в русле когнитивной лингвистики, она является не просто украшением речи, риторическим приемом и способом формирования переносных значений, а базовой ментальной операцией, помогающей осмыслить окружающую действительность, и, кроме того, мощным средством речевого воздействия. В рамках политической лингвистики активно формируется особое направление — политическая метафорология.

Роль метафоры в политическом дискурсе сложно переоценить, поскольку она выполняет в нем целый спектр различных функций: с ее помощью политики пытаются осмыслить изменчивую политическую действительность, оценивают те или иные реалии, убеждают аудиторию в правильности своих взглядов и даже побуждают к определенным действиям.

Исследования политической метафоры проводятся на различном материале, при этом чаще всего анализируются тексты СМИ и личностные дискурсы широко известных политических лидеров. Значительно реже специалисты по метафорологии обращаются к особой разновидности институционального политического дискурса — парламентскому дискурсу. В то же время функционирование метафоры в данном типе дискурса обладает своими особенностями, поскольку парламент — это «место встречи» различных политических партий, и каждый парламентский оратор, будучи выразителем определенной идеологии, стремится воздействовать как на коллег-депутатов, так и на все общество в целом. В парламентском дискурсе сталкиваются разнонаправленные коммуникативные стратегии, и метафора приобретает роль одного из орудий политической борьбы.

Большинство метафорологических исследований выполнено на материале современного дискурса, и лишь немногие лингвисты рассматривают функционирование метафоры в историческом политическом дискурсе [Будаев, Чудинов, с. 80]. Вместе с тем анализ когнитивной метафоры в политическом дискурсе иных эпох представляется чрезвычайно важным: он позволяет реконструировать значимые для определенного периода концепты и языковую картину мира, характерную для отдельных политиков, общественно-политических течений и общества в целом, и тем самым вскрыть глубинные причины и закономерности важнейших исторических событий.

Начиная с 90-х гг. XX в. многие отечественные общественные и научные деятели подчеркивают необходимость изучения дореволюционного культурного наследия, забытого и запрещенного в советские годы. Однако тот богатый материал, который представляет собой дореволюционный политический дискурс, до

сих пор остается почти не изученным с точки зрения лингвистики. Между тем исследование исторического политического дискурса этого периода, наполненного, как никакой другой, борьбой за власть и ее удержание, знаменитого не только своими политическими баталиями, но и колоритными языковыми личностями политических деятелей, обязательно должно принести свои плоды. Общепризнанно, что «по семантике метафор можно изучать политическую историю страны» [Виноградов, с. 47], поэтому анализ особенностей мировидения российских политиков начала XX века, отразившихся в их «метафорическом зеркале», поможет лучше понять глобальные политические процессы, предопределившие судьбу нашего государства.

Таким образом, актуальность нашего исследования обусловлена, с одной стороны, бурным развитием политической метафорологии, предлагающей новые механизмы и методики осмысления языковой действительности, а с другой — неизученностью метафорических процессов, характерных для дореволюционного парламентского дискурса.

Степень разработанности проблемы. Теоретической базой для настоящего диссертационного исследования прежде всего послужили работы, выполненные в рамках когнитивной теории метафоры на материале политического дискурса. Впервые когнитивная трактовка метафоры была представлена как целостная концепция в книге американских исследователей Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» 1980 г. Эта «библия» когнитивного подхода к метафоре (так назвал ее А.Н. Баранов) подтолкнула ученых к анализу метафор в самых разных областях человеческой деятельности. Функционирование метафоры в политике стало объектом пристального внимания многих зарубежных исследователей (Дж. Лакофф, Х. де Ландтсхеер, А. Мусоллф, О. Санта Ана, Д. Фертессен, Й. Цинкен, Дж. Чартерис-Блэк, П. Чилтон, С. Яворска и др.). С 90-х гг. XX в. когнитивное исследование политической метафоры бурно развивается и в отечественном языкознании (Л.В. Балашова, А.Н. Баранов, Э.В. Будаев, М.Б. Ворошилова, Р.И. Зарипов, Ю.Н. Караулов, Р.Д. Керимов, И.М. Кобозева, О.Н. Кондратьева, О.А. Солопова, Ю.Б. Феденева, А.П. Чудинов и др.). Важно подчеркнуть, что

к анализу метафоры в языке политиков обращаются не только лингвисты, но и представители других гуманитарных наук: психологи, политологи, социологи и философы (М. Ландау, Дж.С. Мио, Р. Пэрис, Э. Рингмар и др.).

Большое значение для настоящей работы имели также труды, освещающие общие вопросы метафорологии, выполненные в рамках когнитивного и лексико-семантического направления (Л.М. Алексеева, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, О.Н. Лагута, С.Л. Мишланова, В.П. Москвин, З.И. Резанова, Г.Н. Складневская, Т.Г. Скребцова, В.Н. Телия).

Невозможно анализировать метафору «в чистом виде», как нечто изолированное от других языковых и когнитивных явлений. В связи с этим большую ценность для подготовки данного диссертационного исследования имели работы, посвященные различным аспектам функционирования политического дискурса: способам речевого воздействия и манипуляции, речевым стратегиям и тактикам, прецедентным феноменам, жанрам политической речи и т. д. (П. Бэйли, Т.А. ван Дейк, Т.А. Воронцова, М.В. Гаврилова, Д.Б. Гудков, О.С. Иссерс, С.Г. Кара-Мурза, О.Л. Михалева, О.Н. Паршина, Н.Б. Руженцева, Г.Г. Хазагеров, Е.И. Шейгал и др.). Отдельно необходимо выделить немногочисленные исследования, в которых представлен анализ дореволюционной парламентской коммуникации (М.В. Гаврилова, С.А. Громыко, А.В. Матвеев, О.А. Патрикеева, П.Б. Царьков).

Объектом диссертационного исследования являются метафоры, функционирующие в историческом парламентском дискурсе.

Предмет исследования — способы метафорического моделирования социально-политической реальности, а также метафорического воздействия и противодействия, используемые представителями разных политических партий и направлений.

Материалом диссертационной работы послужили стенограммы заседаний Государственной думы Российской империи, размещенные в оцифрованной форме на сайтах Российской национальной библиотеки (<http://nlr.ru>) и Президентской

библиотеки им. Б.Н. Ельцина (<https://www.prilib.ru>). Было проанализировано 250 речей депутатов, принадлежащих к разным политическим направлениям (правые, левые, кадеты, октябристы), и представителей правительства.

Цель работы — определить особенности функционирования когнитивных метафор в парламентском дискурсе и выявить их прагматический потенциал на примере речей российских депутатов начала XX в. Данная цель реализуется посредством решения следующих **задач**:

— на основе сопоставления существующих направлений и концепций выработать комплексный подход к анализу метафорики парламентского дискурса;

— установить особенности метафорического моделирования социально-политической жизни государства в речах парламентариев, принадлежащих к различным направлениям;

— показать роль когнитивной метафоры в реализации речевых стратегий и тактик;

— разработать классификацию способов дискредитации метафоры политического противника, выявить их роль в парламентском дискурсе.

Методология и методы исследования. Методологическую основу диссертации составили научные концепции, сложившиеся в рамках теории когнитивной метафоры: теория метафорического моделирования А.П. Чудинова (Уральская школа политической метафорологии), дескрипторная теория метафоры А.Н. Баранова, критический анализ метафоры Дж. Чартериса-Блэка. Кроме того, значительное влияние на данное исследование оказали методики лингвопрагматического анализа политического дискурса (О.С. Иссерс, О.Л. Михалева, О.Н. Паршина и др.).

В работе использованы как общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, систематизация, сопоставление), так и собственно лингвистические методы исследования: метод метафорического моделирования, дискурс-анализ, компонентный семантический анализ, контекстуальный анализ, лингвостатистический метод.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые современные методики исследования политической коммуникации используются для комплексного анализа метафорики исторического парламентского дискурса на примере парламентского дискурса Российской империи. Основные научные результаты, полученные автором и содержащие новизну, состоят в следующем:

— выработан комплексный подход к анализу политической метафорики в парламентском дискурсе, сочетающий несколько аспектов: когнитивный, сопоставительный, прагматический, риторический;

— определены особенности метафорического моделирования в историческом парламентском дискурсе, показана связь между языком и политической идеологией;

— установлена роль метафоры как инструмента реализации речевых стратегий и тактик;

— выявлен особый механизм нейтрализации прагматического потенциала метафоры — дискредитация метафоры политического противника, выработана классификация способов его применения.

В результате проведенного исследования сформулированы и выносятся на защиту следующие **положения**:

1. Анализ когнитивной метафоры в историческом парламентском дискурсе позволяет решить двойную задачу. С одной стороны, с его помощью можно реконструировать картину мира, характерную для отдельного политика, определенной политической группы, общества в целом в конкретный исторический период. С другой стороны, он позволяет показать, каким образом политики использовали язык с целью воздействия, манипуляции, вербуя сторонников в свои ряды и направляя их мысли и деятельность в нужное русло.

2. Политическая позиция, идеология отражается в языковой картине мира, в том числе с помощью метафорического моделирования. Обнаруженные в ходе исследования особенности метафорического представления социально-политической реальности показывают, что приверженцы разных политических взглядов в целом обращаются к одним и тем же сферам-источникам метафорической экспансии, при

этом можно отметить и ряд отличий. Во-первых, в дискурсе крайних политических течений, как правых, так и левых, чаще используются живые, креативные метафоры с целью воздействия на адресата, чем в речах представителей более умеренных взглядов. Во-вторых, политики разных направлений в некоторых случаях задействуют различные фреймы и слоты в составе одной и той же метафорической модели для профилирования нужных им смыслов. В-третьих, используя одинаковые метафорические модели, представители разных парламентских партий и фракций высвечивают разные смыслы, актуализируют наиболее значимые для их идеологии концепты.

3. В выступлениях правых депутатов метафора играет важную роль в формировании как деструктивной, так и конструктивной стратегии. Чтобы представить своих оппонентов в отрицательном свете (деструктивная стратегия), правые ораторы используют различные тактики: изображают их как серьезную опасность для русского народа (тактика запугивания адресата); оскорбляют, выставляют в смешном виде (тактика оскорбления и насмешки); обвиняют их в том, что они обманывают и эксплуатируют народ (тактика обвинения). В рамках конструктивной стратегии правые ораторы изображают существующий в Российской империи политический строй как логичный и закономерный (тактика аргументации), как естественный и гармоничный (тактика интеграции).

4. Эффективным средством нейтрализации прагматического воздействия речи политического противника является дискредитация его метафоры. С ее помощью оппонент не только опровергает аргумент пропонента, но и выставляет его в невыгодном свете — как неумелого оратора, как политика, намеренно вводящего аудиторию в заблуждение, как человека, преследующего свои корыстные цели. Дискредитация метафоры политического противника осуществляется с помощью нескольких способов: указания на неуместность метафоры, реметафоризации, расширения метафоры и ретаргетирования.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Результаты, полученные в ходе исследования, соответствуют формуле специальности 10.02.19 «Теория языка» по следующим указанным в паспорте определениям:

1. Теоретическая лингвистика: Язык и мышление, их взаимодействие. Когнитивный подход в современной лингвистике. Язык и коммуникация. Отражение коммуникативных целей в структуре языка.

6. Семантика: Метафора, метонимия, синекдоха как основные типы семантических корреляций между значениями многозначного слова и попытки их когнитивного моделирования.

12. Социолингвистика. Власть и язык. Язык и идеология.

Теоретическая значимость настоящего исследования состоит в выработке комплексного подхода к анализу метафоры в парламентском дискурсе, сочетающего выявление и классификацию метафорических моделей, сопоставление метафоры различных политических группировок, установление речевых стратегий и тактик, реализуемых с помощью метафоры, анализ метафоры в интерактивном аспекте.

Практическая значимость предлагаемой работы связана с тем, что ее результаты могут быть использованы в преподавании таких вузовских курсов, как политическая лингвистика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология, риторика, теория речевого воздействия и т. д. Кроме того, полученные выводы и собранный материал могут оказаться полезны для исследований в других гуманитарных науках: истории, политологии, социологии, психологии и т. п.

Апробация результатов. Основные положения диссертации обсуждались на заседаниях кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики Удмуртского государственного университета, а также были представлены автором на всероссийских и международных конференциях: Международной конференции «Язык и литература в научном диалоге» (Ижевск, 2016), Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Гуманитарное образование и наука в техническом вузе» (Ижевск, 2017), Всероссийской научной конференции молодых ученых с международным участием «Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура» (Ижевск, 2017), Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 2017), Международной научной конференции «Слово, высказывание, текст в

когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (Челябинск, 2018), IV Международной научно-практической конференции «Русский язык и русская речь в XXI веке: проблемы и перспективы» (Ижевск, 2018), Международной научной конференции «Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация» (Екатеринбург, 2018).

По теме диссертационного исследования опубликовано 16 работ, в том числе 7 статей в изданиях, рекомендованных ВАК РФ (одна из которых включена в базу данных Scopus).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, включающего 257 наименований, в том числе 29 на английском языке. Общий объем работы — 208 страниц. Во введении обозначены актуальность и научная новизна исследования, его теоретическая и практическая значимость, сформулированы цель, задачи и методы работы, определены объект, предмет и материал исследования. В первой главе изложены теоретические основания исследования, а также количественно и качественно охарактеризованы метафорические модели парламентского дискурса Российской империи. Во второй главе выявлена роль когнитивной метафоры в реализации речевых стратегий и тактик на примере выступлений правых дореволюционных парламентариев. В третьей главе подробно проанализирован особый прием нейтрализации прагматического потенциала когнитивной метафоры, значимый для описываемого дискурса, — дискредитация метафоры политического противника. В заключении представлены основные результаты работы, намечены перспективы дальнейшего исследования.

ГЛАВА 1. МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ПАРЛАМЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ

1.1. Теоретические проблемы изучения метафоры

1.1.1. Метафора как объект лингвистического исследования

С глубокой древности метафора оказывалась в центре пристального внимания писателей, поэтов, ораторов, философов, филологов и представителей других областей гуманитарного знания. Одним из первых к теоретическому осмыслению феномена метафоры обратился древнегреческий философ Аристотель. В «Поэтике» он дал ее классическое определение: «Метафора есть перенесение необычного имени или с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [Аристотель, с. 170]. Интерес к метафоре не только не ослабевает, напротив, он усилился в связи с когнитивным переворотом в лингвистике. Не случайно В.В. Петров называет метафору золотой жилой, в которой осталось еще много ненайденных самородков [Петров, с. 145]. В конце XX в. появляется даже особая дисциплина — **метафорология**. Существует мнение, что наиболее полное описание метафоры возможно только с учетом достижений разных наук, в связи с чем можно говорить о философской, логической, психологической и лингвистической метафорологии [Лагута, с. 6]. В рамках **лингвистической метафорологии**, или **лингвометафорологии**, выделяется несколько наиболее значимых направлений: стилистическое, семантическое (семасиологическое) и когнитивное [Резанова, с. 27].

Представления о метафоре и аспекты ее изучения не оставались всегда неизменными. От статичных теорий, рассматривающих метафору как средство стилистических ресурсов языка, произошел переход сначала к семантическим и интеграционным теориям, а позже к концептуальной и когнитивно-дискурсивной концепциям метафоры [Мишланова, Уткина, с. 13–14]. Традиционно метафора являлась и является предметом изучения **стилистики и риторики**. В рамках этих дисциплин исследуются средства выразительной речи, а именно: фигуры (акты использования

или образования номинативной единицы в целях усиления выразительности речи) и тропы («семантически двуплановые наименования, используемые в качестве декоративных средств художественной речи») [Москвин, с. 7]. К тропам, помимо метафоры, относят эпитет, сравнение, метонимию, синекдоху, иронию, олицетворение и т. д. С помощью риторических приемов — фигур и тропов — создается «пафос» речи, оказывается эмоционально-психологическое воздействие на адресата, поскольку предполагается, что «эмоционально-насыщенная речь обладает большей силой воздействия, чем речь, лишенная экспрессивности» [Скребцова, 2005, с. 43]. При таком подходе исследователей прежде всего интересует воздействующая сила метафоры и ее богатый экспрессивный потенциал.

С середины XX в. наметились семантические векторы исследования в лингвистике. В этот период метафора начинает интересовать семасиологов. В **семантическом направлении** механизм и результат метафорического переноса описываются посредством концепции значения [Петров, с. 135], соответственно метафора начинает пониматься в первую очередь как способ пополнения лексического инвентаря языка, как один из типов формирования переносного значения (наряду с метонимией, синекдохой и функциональным переносом). Лингвисты, принадлежащие к данному направлению, выделяют в семантической структуре многозначного слова отдельные значения (лексико-семантические варианты), подробно анализируют семный состав первичного (основного, буквального) и вторичного (метафорического, переносного) значения и определяют сему или совокупность сем первичного значения, которые актуализируются во вторичном значении. Г.Н. Складеревская ввела термин «символ метафоры» для обозначения признака, который в семантической структуре исходного значения является коннотативным, существует в виде потенциальной семы, а в метафорическом значении выдвигается на первый план, в денотативную часть и становится дифференциальной семой [Складеревская, с. 47]. Например, сема 'хитрый' в лексико-семантическом варианте *лиса* 'животное' является потенциальной (русский человек ассоциирует лису с хитростью), а в лексико-семантическом варианте *лиса* 'человек' становится дифференциальной, что отражается и в словарном определении ('льстец, хитрый обманщик' [Толковый

словарь русского языка]). При этом признак, связующий первичное и переносное значение, в одних случаях очевиден и эксплицирован в словарных дефинициях (*отдушина* ‘отверстие для **выхода** нагретого воздуха’ — ‘то, что дает **выход** каким-нибудь сдерживаемым чувствам, стремлениям, настроениям’ [Там же]), в других — основан на смешении чувственных восприятий (*сладкий чай* — *сладкая мелодия*) и на ассоциациях (*громкий голос* — *громкий процесс*) [Скляревская, с. 48–64]. Важно отметить, что методы, выработанные в рамках системно-структурного описания языка, оказываются задействованными и в лингвокогнитивных исследованиях метафоры [Резанова, с. 31].

С 70-х гг. XX в. в области гуманитарных наук начинается когнитивный переворот, приведший к возникновению когнитивной науки (когнитологии, когнитивистики) — комплекса наук, «в центре внимания которых находятся ментальные аспекты человеческой деятельности: познание мира, усвоение, хранение и переработка информации, классификация, категоризация и оценка действительности» [Будаев, Чудинов, с. 34]. В составе этой федерации наук наряду с другими дисциплинами (когнитивная психология, когнитивная нейрофизиология, когнитивная социология и т. д.) выделяется **когнитивная лингвистика**, в основе которой лежит «понимание и изучение языка как средства познания мира, формирования и выражения мысли, хранения и организации знания в человеческом сознании, обмена знаниями» [Болдырев, с. 14]. Центральное место в когнитивной лингвистике занимают понятия «картина мира», «концепт», «концептуализация» и «категоризация» [Киселева].

К наиболее известным достижениям когнитивной лингвистики принадлежит **теория концептуальной метафоры**. Ее создателями считаются американские ученые — лингвист Дж. Лакофф и философ М. Джонсон. Основы данной теории изложены в их книге «Метафоры, которыми мы живем» (*Metaphors We Live By*) (1980 г.) [Лакофф, Джонсон, 2004], которая, по образному выражению А.Н. Баранова, стала «библией когнитивного подхода к метафоре» [Баранов, 2004, с. 7]. Главная заслуга Дж. Лакоффа и М. Джонсона состоит в том, что они впервые представили когнитивную теорию метафоры систематически. Однако необходимо отметить, что

и до появления в свет их книги многие представители различных гуманитарных наук (филолог А.А. Ричардс [Ричардс], философы Х. Ортега-и-Гассет [Ортега-и-Гассет] и М. Блэк [Блэк], психолог Дж. Джейнс (см. [Будаев, 2007, с. 20–21]), политолог и социолог М. Эдельман [Edelman, 1971] и др.) неоднократно высказывали схожие мысли. Из классической теории концептуальной метафоры выросло несколько различных подходов и направлений, в том числе в отечественном языкознании: теория метафорического моделирования А.П. Чудинова (Уральская школа политической метафорологии), дескрипторная теория метафоры А.Н. Баранова и др.

Рассмотрим основные положения когнитивной теории метафоры.

Вторичность языковой метафоры по отношению к мышлению. Прежде всего, было переосмыслено само понятие метафоры. Если традиционно она рассматривалась как троп, риторический прием или один из типов переносных значений, то в когнитивной лингвистике подчеркивается, что метафора — это феномен не лингвистический, а ментальный, это не просто достояние человеческого языка, а общий способ наиболее эффективного познания [Ильина, с. 22], «необходимое орудие мышления» [Ортега-и-Гассет, с. 68], «одна из форм концептуализации, когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятия и без которого невозможно получение нового знания» [Краткий словарь когнитивных терминов, с. 55]. Дж. Лакофф и М. Джонсон отмечают: «Наше мышление, повседневный опыт и поведение в значительной степени обуславливаются метафорой» [Лакофф, Джонсон, 1990, с. 387]. Более того, по мнению А.А. Ричардса, мы бы давно погибли, если бы не обладали способностью подмечать сходство [Ричардс, с. 44]. Таким образом, «метафорично прежде всего мышление, а языковые метафоры — это всего лишь внешняя манифестация этого феномена» [Скребцова, 2011, с. 34]. Метафора, таким образом, вышла за пределы лингвистики и риторики и даже за рамки вербального поведения: как метафорические сегодня рассматриваются элементы ландшафта, предметы дизайна, исторические и социальные события, картины, здания, жесты, карикатуры, танцы, направления в развитии информационных техно-

логий и многое другое [Алешина, с. 5]. Однако именно языковые метафоры, воспринимаемые как «своеобразный „вход“ в когнитивные структуры» [Резанова, с. 29], остаются главным инструментом исследования когнитивной метафоры.

Типы концептуальной метафоры. Если определенные образы регулярно используются для описания того или иного явления, значит, в сознании носителей данного языка и культуры существует соответствующая **концептуальная метафора** (например, метафора «Спор — это война» в англоязычной культуре). Дж. Лакофф и М. Джонсон выделили три типа концептуальных метафор: 1) ориентационные, в основе которых лежат пространственные оппозиции типа «верх — низ», «внутри — снаружи», «центр — периферия» (примером может служить противопоставление правых и левых в политике); 2) онтологические, представляющие абстрактные сущности как физические предметы, вещества и живые существа (*инфляция съедает наши доходы*); 3) структурные — «случаи, когда один концепт метафорически структурирован в терминах другого» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 35]. В структурных метафорах одна понятийная область (**сфера-источник**) используется для категоризации другой понятийной области (**сферы-мишени**). В упомянутом выше примере «Война» — это сфера-источник, а «Спор» — сфера-мишень. Важно, что в сфере-мишени сохраняется «когнитивная топология» сферы-источника, т. е. сфера-мишень наследует от сферы-источника структурный каркас в виде набора основных элементов и отношений между ними [Скребцова, 2011, с. 35–36]. Этот тезис получил название **гипотезы инвариантности** (Invariance Hypothesis).

Роль метафоры в концептуализации абстрактных феноменов. Основное предназначение метафоры состоит в том, чтобы сложные и абстрактные области человеческого опыта представлять через более простые и конкретные: «метафора используется... для того, чтобы увеличить объем знаний относительно слабо понимаемой области путем переноса дополнительной информации из более известной ситуации» [Петров, с. 139]. В качестве сферы-мишени обычно выступают отвлеченные понятия, последствия действий, причинно-следственные отношения, т. е. то, что нельзя воспринять непосредственно; сферами-источниками, в свою очередь,

являются телесный опыт (*bodily experience*) (сохранение равновесия тела, отвращение к грязи и т. д.) или схемы обыденных событий (например, правила спортивных игр, этапы строительства и разрушения зданий) [Landau, Keefer, Swanson, p. 64]. В этой связи Х. Ортега-и-Гассет писал: «Объекты к нам близкие, легко постигаемые, открывают мысли доступ к далеким и ускользающим от нас понятиям. Метафора удлиняет „руку“ интеллекта» [Ортега-и-Гассет, с. 72]. Позже было обнаружено, что не всегда сфера-источник более конкретна, чем сфера-мишень. Так, А.Н. Баранов отмечает, что политическая сфера может метафорически представляться с помощью сфер-источников ЛИТЕРАТУРА, СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЕ СУЩЕСТВА, ИСТОРИЯ. В таких случаях мы не столько проясняем сферу-мишень, сколько переструктурируем ее [Баранов, 2014, с. 32].

Универсальное и национально-специфическое в метафоре. С одной стороны, процесс метафоризации детерминирован телесным опытом человека, и «анатомо-физиологическая общность представителей *homo sapiens*» [Методика диахронического анализа политической метафорики, с. 20] предопределяет существование универсальных, архетипичных метафор в разных культурах (например, представление о времени как о движущемся объекте). Как подчеркивает Н.Ф. Крюкова, в основе метафоризаций лежат «всеобщие когнитивно-логические связи, присущие ментальным структурам человека, что находит выражение в сходстве образов и метафорических переносов во времени и пространстве» [Крюкова, с. 216]. С другой стороны, концептуальные метафоры согласуются с определенной культурой и являются «специфической формой отражения национально-культурного наследия в языке» [Кондратьева, 2015b, с. 23]. Изучение процессов метафоризации позволяет глубже постичь особенности национального языкового сознания, национальной языковой картины мира, национального менталитета и формирующей его национальной культуры [Юрков, с. 125]. Уникальные условия и особенности быта, истории, культуры, религии, ландшафта, климата и т. д. приносят национальную специфику в процессы миромоделирования [Кондратьева, 2015b, с. 24]. Например, как указывают Дж. Лакофф и М. Джонсон, «в некоторых культурах будущее находится

как бы впереди нас, в других оно — за нами» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 35]. Особое внимание проблеме универсальности и специфичности метафоры уделяется в лингвокультурологии.

Способность метафоры подчеркивать и скрывать аспекты понятия.

Одно и то же понятие может осмысляться с помощью разных структурных метафор. Например, душа может уподобляться человеку, растению, сосуду, дому, зеркалу, музыкальному инструменту и т. д. [Кондратьева, 2015b, с. 17]. При этом «разные метафоры выделяют разные стороны одного и того же явления, и говорящий/пишущий каждый раз выбирает между ними, руководствуясь своими коммуникативными целями» [Скребцова, 2011, с. 42]. Иными словами, каждая метафора неизбежно подчеркивает, или «**высвечивает**» (профилирует), одни стороны понятия, и скрывает, или «**затемняет**», другие [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 31]. Идею Дж. Лакоффа и М. Джонсона развивают другие исследователи. А. Пайвио и М. Уолш сравнивают метафору с солнечным затмением, поскольку она скрывает объект исследования и в то же время, если использовать правильный телескоп, освещает его наиболее яркие и интересные характеристики [Paivio, Walsh, p. 307]. М. Ландау, Л. Кифер и З. Ротшильд иллюстрируют это свойство метафоры следующим примером. Когда банкротство компании метафорически осмысляется как транспортная авария, вина возлагается исключительно на генерального директора, поскольку именно он выступает в роли водителя, не справившегося с управлением. При этом не учитываются такие факторы, как действия других лиц (работников) или состояние национальной экономики [Landau, Keefer, Rothschild].

Вопрос о границах метафоры. Поскольку вербализованные метафоры представляют собой лишь «репрезентанты концептуальных метафор» [Резанова, Шилев, с. 221], существующих в сознании человека, лингвиста-когнитолога в меньшей степени интересует конкретная языковая форма, с помощью которой выражается концептуальная метафора. Соответственно когнитивная лингвистика предлагает предельно широкий взгляд на то, что обозначается термином «метафора». Возможны разные способы ее выражения: в едином континууме анализируются мета-

форы, принадлежащие к разным уровням языка (словесные метафоры, метафоризированные словосочетания — фразеологизмы, фразовые метафоры) и к разным частям речи (субстантивные, адъективные, глагольные и т. д.). В отличие от традиционного подхода в рамках когнитивной лингвистики к метафоре (в широком понимании этого термина) принято относить не только собственно метафоры (имплицитные сравнения), но и другие тропы (персонификация, метафорический эпитет, сравнение, метаморфоза, метафорическая перифраза, ирония, гипербола, литота и т. п.) [Кобозева, 2001; Резанова, с. 28; Чудинов, 2012]. Общим признаком, объединяющим все эти внешне различные языковые феномены, является «сдвоенность смысла на основе аналогического... уподобления предметов, признаков, процессов с выходом за пределы естественных родов в логических классификациях» [Резанова, с. 28].

В этой связи представляется интересной концепция представителей Пермской школы метафоры, которые рассматривают различные типы метафоры как отдельные этапы метафоризации. Так, в научно-популярном медицинском дискурсе С.Л. Мишланова и Т.И. Уткина обнаружили четыре этапа метафоризации:

- преддеривационный этап: сфера-источник и сфера-мишень описываются в разных предложениях, связанных параллельными или цепными связями;
- деривация сравнения: образуются конструкции сравнения с эксплицированным средством сравнения и глагольные метафоры; на первых двух этапах репрезентируется предикативная метафора;
- деривация вторичной номинации: образуются атрибутивные и номинативные метафоры;
- этап аллегории: в контексте значительной протяженности развертывается иносказательное описание сферы-мишени [Мишланова, Уткина, с. 119–131].

Несмотря на широкий подход к понятию «метафора», принятому в когнитивной лингвистике, многие исследователи подчеркивают, что от метафоры следует отличать метонимию. Так, Дж. Лакофф и М. Джонсон указывают на то, что метафора и метонимия — это разные виды процессов: функция метафоры — обеспече-

ние понимания одной вещи в терминах другой, функция метонимии — референциальная, т. е. она позволяет одной сущности заменять другую [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 62]. Такой же точки зрения придерживается И.М. Кобозева, причисляющая к метафороподобным выражениям «все образные построения, имеющие в качестве когнитивной основы уподобление объектов, относящихся к разным областям онтологии». При порождении и понимании метафоры взаимодействуют две разные понятийные сферы, непосредственно не связанные между собой в базе знаний о мире, в то время как при метонимии когнитивная операция производится в пределах одной понятийной структуры [Кобозева, 2001]. Кроме того, если метонимический перенос осуществляется на базе объективных связей между явлениями, то метафора антропоцентрична, поскольку в ее основе лежит субъективная связь, устанавливаемая между объектами именно в человеческом сознании [Балашова, 2015, с. 171; Телия, с. 4]. Большинство лингвистов, таким образом, отвергают необоснованно широкий взгляд на метафору, согласно которому к ней относится любой перенос слов с одного объекта на другой, в том числе метонимия, синекдоха, различные типы внутриклассовых переносов (с рода на вид, с вида на род, функциональный перенос, прономинация и т. п.). Н.Д. Арутюнова, в частности, обращает внимание на размывание границ концепта метафоры: «Метафорой стали называть любой способ косвенного и образного выражения смысла, бытующий в художественном тексте и в изобразительных искусствах — живописи, кинематографе, театре» [Арутюнов, 1999b, с. 372].

Любопытным в этой связи является подход, использованный Н.Ф. Крюковой, которая рассматривает метафоризацию как процесс пробуждения рефлексии всеми текстовыми средствами, противоположными средствам прямой номинации. Соответственно выделяются тропеические, фонетические, лексические, синтаксические и другие средства метафоризации [Крюкова].

Разграничение живых и мертвых метафор. Еще один принципиальный вопрос, обсуждаемый в метафорологии, — это различие метафор с точки зрения образности, целостности их внутренней формы. В лексико-семантическом направлении в связи с этим принято говорить о нескольких типах метафор. Еще Ш. Балли

во «Французской стилистике» выстроил градационную классификацию метафор, опираясь на наличие/отсутствие такого признака, как чувственность, конкретность образа. Исследователь разделил метафоры на три типа: конкретные образы (будят воображение и рисуют картину), эмоциональные образы (вызывают лишь смутные представления, но сохраняют свою выразительность), мертвые образы (воспринимаются чисто логически, их образность можно восстановить только с помощью этимологического анализа) [Балли, с. 226–230].

Следуя логике Ш. Балли, В.П. Москвин по степени освоенности системой языка различает мертвые (*глаз* ‘орган зрения’ из *глаз* ‘шарик’) и живые (образные) метафоры, последние, в свою очередь, делятся на окказиональные (*березовый си-тец*) и узуальные (*царица ночи, кредит доверия*) [Москвин, с. 131–135].

В центре внимания Г.Н. Складневской находится языковая метафора — «вторичная косвенная номинация при обязательном сохранении семантической двуплановости и образного элемента» [Складневская, с. 12], которую, по мнению исследовательницы, необходимо решительно отмежевать как от художественной (индивидуально-авторской), так и от генетической метафоры [Там же, с. 12–13].

Большинство лингвистов, придерживающихся когнитивной трактовки метафоры, обращаются к единому пространству метафор (языковых и речевых, «мертвых» и «живых», узуальных и окказиональных, конвенциональных и креативных) [Баранов, 2014; Резанова, с. 28; Чудинов, 2012]. Так, А.П. Чудинов отмечает, что в большинстве отечественных диссертаций по политической метафорологии вообще нет четких указаний на характер отбора метафор [Чудинов, 2013, с. 74]. Между тем И.М. Кобозева считает, что в работах по политическому дискурсу нужно проводить четкую границу между мертвой и живой метафорой [Кобозева, 2010]. Мертвая метафора — это метафора лексикализованная, прочно вошедшая в лексико-семантическую систему языка и, как правило, зафиксированная в толковых словарях как переносное значение (*политическая арена, рыночный механизм*). Лексикализованная метафора потеряла главное свойство живой метафоры — семантическую двойственность, она не обладает риторическим потенциалом, в то время как живая метафора запускает в действие механизм концептуальной реконструкции денотата в

терминах сферы-источника. И.М. Кобозева перечисляет критерии для различения лексикализованной и живой метафоры: лексикализованную метафору можно заменить на буквальное выражение без каких-либо потерь; она высокочастотна. Кроме того, в узком контексте не могут встречаться две живые метафоры, относящиеся к разным сферам-источникам. Если две метафоры, восходящие к разным сферам-источникам, встретились в узком контексте, то либо они обе являются лексикализованными, либо только одна из них является живой. Среди живых метафор, в свою очередь, исследовательницей выделяются традиционные (конвенциональные) метафоры, «намеренно гоняющие сознание адресата по уже неоднократно пройденному им пути между двумя концептосферами» (*акулы пера*), и креативные метафоры, «которые торят новые дорожки» (*финансы — это градусник*). И.М. Кобозева подчеркивает, что именно креативные метафоры должны быть объектом политической лингвистики: «Хотелось бы, чтобы... таким метафорам уделялось больше внимания, чтобы они не тонули в массе конвенциональных и лексикализованных метафор» [Там же, с. 45].

А.Н. Баранов вступает в дискуссию с И.М. Кобозевой и утверждает, что риторический потенциал — это понятие риторики, в то время как политическая лингвистика должна изучать не только эксплицитные способы речевого воздействия, но и имплицитные, которые не осознаются адресатом (а иногда и говорящим) и передаются в скрытых слоях плана высказывания и текста [Баранов, 2014, с. 84]. Поэтому «неучет конвенциональных метафор... не только ограничивает возможности объяснения феноменов речевой коммуникации, суживает возможности анализа мышления и сознания участников, но и приводит к искажению роли метафоры как средства познания и концептуализации действительности» [Там же, с. 87–88].

Вместе с тем А.Н. Баранов противопоставляет различные типы метафор с точки зрения силы образности и воздействия. Рассчитывая параметр креативности, лингвист приписывает разный вес разным метафорам: наименьший вес — стертым (фиксированным в толковых словарях как переносные значения), средний — кон-

венциональным (частотным метафорам, не фиксированным словарями), наивысший — абсолютно новым, креативным [Баранов, 2014, с. 219–224]. Аналогичный принцип ранее был использован Х. де Ландтсхеер (см. [Там же, с. 216–218]).

Другие исследователи утверждают, что, наоборот, языковые, конвенциональные метафоры обладают большим воздействующим потенциалом, чем метафоры креативные, индивидуально-авторские. Так, американский лингвист О. Санта Ана считает, что метафора оказывает наибольшее влияние на аудиторию как раз тогда, когда она не привлекает к себе внимания. При этом адресат воспринимает общепринятую метафору (*prose metaphor*) бессознательно, он автоматически, не задумываясь, выводит из нее следствия, и связь, устанавливаемая между двумя концептосферами, оказывается более крепкой, чем в случае креативной метафоры [Santa Ana, 1999, p. 217]. Проводя критический анализ дискурса, британский лингвист Дж. Чартерис-Блэк также отдает предпочтение конвенциональным метафорам, поскольку они содержат более скрытые способы оценки [Charteris-Black, 2004, p. 35–36]. Как отмечает М. Эдельман, постоянное повторение избитых фраз и клише притупляет критическое мышление и служит для получения необходимой адресанту реакции [Edelman, 1985, p. 124].

В данном диссертационном исследовании, определяя метафоричность речей и продуктивность метафорических моделей, мы подсчитывали количество только живых метафор, для описания самых продуктивных метафорических моделей принимался во внимание весь массив метафор (живых и конвенциональных) (см. § 1.3).

1.1.2. Понятие метафорической модели

Мнение об исключительной прихотливости метафоры, ее значительно меньшей регулярности, нежели система метонимических переносов [Резанова, Катунин, Мишанкина, с. 170], опровергается возможностью выделения метафорических моделей. Важно подчеркнуть, что идея о системной организации метафор в языке не была открытием зарубежной когнитивной лингвистики. В.Н. Телия обращает вни-

мание на то, что проблема регулярности метафорических процессов и их взаимосвязи с семантикой исходного образа активно разрабатывалась в советском языкознании [Телия, с. 7]. Поэтому современная российская метафорология учитывает достижения как западной когнитивистики, так и отечественной лингвистической традиции, и подобный подход оказывается весьма перспективным [Кондратьева, 2015b, с. 11]. Так, А.П. Чудинов открыто указывает, что в основе его концепции лежит синтез идей когнитивной теории метафоры и теории регулярной многозначности (Ю.Д. Апресян, Д.Н. Шмелев и др.) [Чудинов, 2001, с. 8, 30].

Советские лексикологи провели аналогию между регулярной полисемией и словообразованием: как в словообразовании можно выделить типы и модели, так и в семантике существуют регулярные типы переносов [Апресян, с. 187]. Прежде всего такая регулярность отмечалась в области метонимических переносов (например, действие — результат действия, действие — место действия, материал — изделие, вместилище — его содержимое и т. п.). Хотя и подчеркивалось, что метафорические соотношения между значениями слов трудно подвести под более или менее устойчивые формулы, однако отмечались и некоторые закономерности в области метафорических переносов [Шмелев, 1977, с. 96]. Например, Ю.Д. Апресян среди типов регулярной многозначности называл такие, которые основаны на метафоре: ‘животное’ — ‘человек, похожий на него’ (*баран, бегемот, ворона* и т. п.), ‘издавать характерный (для определенного животного) звук’ — ‘говорить, издавая подобные звуки’ (*блеять, верещать, каркать* и т. п.), ‘относящийся к X-у’ — ‘похожий на X’ (*бархатное платье — бархатная кожа, деревянная ложка — деревянное лицо* и т. п.) [Апресян, с. 203, 210, 215].

Д.Н. Шмелев впервые употребил термин «модель» для обозначения однотипных семантических преобразований слов, входящих в одно семантическое объединение [Шмелев, 1964, с. 64]. Описывая модель регулярной многозначности в области метафоры, необходимо охарактеризовать лексико-семантические группы, к которым относятся соответствующие слова в первичных и вторичных значениях, а также типовой компонент семантики, служащий основой для развития вторичных

значений, и семы первичного значения, которые актуализируются во вторичном значении [Чудинов, 2001, с. 39].

В работе «Метафора в семантическом представлении эмоций» В.Ю. Апресян и Ю.Д. Апресян обращают внимание на то, что эмоции в русском языке часто уподобляются физическим состояниям, в связи с чем выделяются своеобразные аналогии: страх — холод (*дрожать, холодеть от страха, страх леденит кровь*), отвращение — неприятный вкус (*поморщиться, тошнит, плевать от отвращения*), жалость — физическая боль (*жалость кольнула, острая жалость*) и т. д. В результате выстраивается последовательная система концептуализации эмоций в языке. Указанные мотивирующие образы объясняют многие метафорические сочетания и, более того, подобно всякой другой продуктивной модели, обладают предсказательной силой. Например, не встречающееся в узусе выражение *его знобило от страха* может быть легко понято и проинтерпретировано, поскольку эксплуатирует правильный образ, опирающийся на массовое языковое сознание (страх подобен холоду) [Апресян, Апресян, с. 31–33].

Анализируя языковую метафору как системное явление, Г.В. Складаревская использует термин «метафорическое поле», под которым понимается сконцентрированная вокруг одной архилексемы совокупность лексических единиц, имеющих метафорические значения. Исследовательницей было проанализировано метафорическое поле ВОДА. Г.В. Складаревская отмечает, что «метафорические переносы в языке подчинены достаточно жесткой закономерности и осуществляются в определенных направлениях от одной семантической сферы к другой» [Складаревская, с. 80]. Лингвист выделила следующие типы регулярных метафорических переносов в русском языке: ПРЕДМЕТ — ПРЕДМЕТ (*гора книг*), ПРЕДМЕТ — ЧЕЛОВЕК (*кремень, тюфяк*), ПРЕДМЕТ — ФИЗИЧЕСКИЙ МИР (*автодорожная пробка*), ПРЕДМЕТ — ПСИХИЧЕСКИЙ МИР (*камень на сердце*), ПРЕДМЕТ — АБСТРАКЦИЯ (*море проблем*), ЖИВОТНОЕ — ЧЕЛОВЕК (*индюк* ‘глупый, надменный человек’), ЧЕЛОВЕК — ЧЕЛОВЕК (*актер* ‘притворщик’), ФИЗИЧЕСКИЙ МИР — ПСИХИЧЕСКИЙ МИР (*свет знаний, буря восторга*). Подход, использованный Г.В. Складаревской, во многом пересекается с процедурой распределения метафор по

метафорическим моделям, принятой в отечественной политической метафорологии.

В когнитивной лингвистике акцентируется мысль о том, что регулярность метафорических переносов в языке — это всего лишь отражение согласованной системы метафорических концептов, организованных в нашем сознании и влияющих на наше мышление и поведение. Так, Дж. Лакофф и М. Джонсон показали, что целый ряд метафорических выражений (*его замечания били точно в цель, я разгромил его аргументацию, он стал мишенью для нападок со всех сторон* и т. д.) составляют концептуальную метафору «Спор — это война» и формируют систему описания военной стороны спора [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 26, 28].

По мнению Э.В. Будаева, «по существу только в российской лингвистике разработана методика последовательного и детального описания когнитивной структуры метафорической модели с помощью фреймово-слотового анализа, классифицированы основные методики комплексного исследования метафорических моделей, инвентаризированы сферы онтологии, задействованные в метафорических проекциях» [Будаев, 2006, с. 29–30]. При этом принятый в отечественной метафорологии термин «метафорическая модель» несколько по-разному трактуется в работах российских лингвистов. Свои варианты процедуры метафорического моделирования различных типов дискурсов предлагают Л.В. Балашова [Балашова, 2011], А.Н. Баранов [Баранов, 2014], З.И. Резанова и ее коллеги [Резанова, 2010; Резанова, Катунин, Мишанкина; Резанова, Шиляев], представители Уральской школы политической лингвистики [Будаев, 2006; Феденева, 1997; Чудинов, 2001], представители Пермской школы метафоры [Алексеева, Мишланова; Мишланова, Уткина; Полякова]. Остановимся на концепциях ведущих специалистов в области политической метафоры — А.П. Чудинова и А.Н. Баранова.

В понимании А.П. Чудинова **метафорическая модель** — это существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между исходной понятийной областью (сферой-источником) и новой понятийной областью (сферой-мишенью). Связь эту можно представить формулой: «X — это Y» [Чудинов,

2006, с. 131], где X — это сфера-мишень, а Y — сфера-источник, например, «Политическая деятельность — это война». Выделение сфер-источников метафорической экспансии («Война», «Болезнь», «Театр», «Мир животных») во многом аналогично выделению семантических полей, под которыми понимаются самые крупные группировки слов разных частей речи на основе общего признака — интегральной семы [Хашимов, с. 211]. На это, в частности, указывает и З.И. Резанова: «Структура и содержательное наполнение модели задаются номинативными значениями лексем и их организацией в структуре соответствующего семантического поля» [Резанова, с. 37–38].

По А.П. Чудинову, сфера-источник структурируется с помощью фреймов, сценариев, слотов и концептов. **Фрейм** (англ. frame ‘рамка’) — это «структура знаний, представляющая собой пакет информации об определенном фрагменте человеческого опыта (объекте, (стереотипной) ситуации)» [Кобозева, 2000, с. 65]. Например, в составе военной метафорической модели («Политика — это война») А.П. Чудинов выделяет следующие фреймы: «Война и ее разновидности», «Организация военной службы», «Военные действия и вооружение», «Начало войны и ее итоги», «Воинские символы и атрибуты», «Ранение, выздоровление или смерть». В некоторых случаях система фреймов функционирует как **сценарий**, отражающий представления о типичной последовательности развертывания модели. Примером может служить метафорическая модель болезни, предполагающая следующий сценарий развертывания: заболевание — выявление симптомов — определение диагноза — лечение — выздоровление (или смерть). В свою очередь, часть фрейма, конкретизирующая какой-то его аспект, называется **слотом**. Так, в составе фрейма «Организация военной службы» выделяются слоты «Специализация воинов», «Иерархические отношения военнослужащих», «Воинские подразделения». Составляющими слота являются **концепты** — единицы ментального лексикона, для обозначения которых используются слова естественного языка. Слот «Специализация воинов» образуют такие концепты, как *разведчики, гвардейцы, десантники, диверсанты, стратеги, партизаны* и т. п. Фреймово-слотовую структуру военной метафоры см. в [Чудинов, 2001, с. 104–114].

В концепции А.П. Чудинова метафорическая модель характеризуется не только с точки зрения структуры (фреймово-слотовой организации), но и по таким параметрам, как продуктивность, частотность, доминантность, эмотивная окраска, прагматический потенциал (типовые особенности воздействия на адресата) и т. д.

Все метафорические модели, функционирующие в политическом дискурсе, А.П. Чудинов объединяет в более крупные группы. Выделяется четыре разряда политической метафоры: антропоморфная (человек моделирует политическую реальность по своему подобию), природоморфная (политические реалии осознаются в концептах природы), социоморфная (мир политики структурируется по образцу других сфер социальной деятельности человека) и артефактная (политическая сфера моделируется по аналогии с вещами, созданными человеком) [Чудинов, 2003, с. 77–78]. Э.В. Будаев выделил еще и пятый разряд — идеоморфную метафору [Будаев, 2011, с. 113], представляющую мир политики как ирреальный мир и объединяющую сферы-источники «Религия», «Мифология», «Литература» и т. д. Для сравнения можно привести Пермскую школу метафоры, в которой выделяется два самых крупных домена — ЧЕЛОВЕК и ПРИРОДА, причем первый состоит из таксонов Человек как биологическое существо и Человек как социальный субъект, а второй — из таксонов Живая и Неживая природа [Мишланова, Уткина].

Другой специалист в области политической метафорологии А.Н. Баранов разработал **дескрипторную теорию метафоры**, позволяющую описывать большой массив метафор и обрабатывать собранную информацию с помощью компьютерных методов. Для описания метафоры ученый предлагает дескрипторную модель [Баранов, 2014, с. 27–62]. Сферу-источник он называет областью отправления, а сферу-мишень — областью прибытия (назначения), между ними устанавливается функция отображения. Область отправления функции описывается совокупностью сигнификативных дескрипторов. Каждой метафоре приписывается, как правило, несколько сигнификативных дескрипторов, упорядоченных по степени абстрактности — от более конкретного к более абстрактному. Представители Пермской школы метафоры, придерживаясь подобного подхода, рассматривают метафориче-

скую модель как таксономический фрейм, организованный в виде иерархии элементов, объединенных на основе родо-видовых, видо-видовых отношений. Соответственно в составе метафорической модели выделяются домены, базовые, видовые, подвидовые, терминальные таксоны, группы метафор и единичные метафоры [Мишланова, Уткина, с. 56–57]. Например, метафорическому выражению *идеологический цемент* (*Объединенная Европа в поисках идеологического цемента*) А.Н. Баранов приписывает следующие сигнификативные дескрипторы — <цемент / связующее вещество / строительный материал / строительство>. Иерархическая организация сигнификативных дескрипторов во многом напоминает фреймово-слотовую структуру метафорической модели А.П. Чудинова. Область прибытия, в свою очередь, описывается А.Н. Барановым с помощью денотативных дескрипторов — выражений, репрезентирующих политические, экономические и социальные феномены. Каждая метафора также имеет кортеж иерархически упорядоченных денотативных дескрипторов. Например, для метафоры *идеологический цемент* он выглядит так: <идея / идеология / европейская интеграция / ЕС>.

Метафорическая модель — это базовое понятие для дескрипторной теории метафоры. А.Н. Баранов понимает под этим термином тематически связанные поля сигнификативных дескрипторов. Именем метафорической модели становится слово, являющееся родовым по отношению к словам, представляющим элементы ее понятийной области. Исследователь выделяет метафорические модели МЕХАНИЗМА, ОРГАНИЗМА, ФАУНЫ, РАСТЕНИЯ-ДЕРЕВА, РЕЛИГИИ-МИФОЛОГИИ, ТЕАТРА, ИГРЫ и др. Таким образом, метафорическая модель у А.Н. Баранова характеризует структуру сферы-источника, соответственно название метафорической модели дается именно по исходной понятийной области (такого же подхода придерживаются представители Пермской школы метафоры [Мишланова, Уткина, с. 55–56]). В концепции же А.П. Чудинова метафорическая модель обозначает связь между сферой-источником и сферой-мишенью и ее название включает имена обеих понятийных областей в виде формулы. Например, А.Н. Баранов выделяет метафорическую модель ТЕАТР, в то время как А.П. Чудинов говорит о метафорической модели «Политика — это театр».

Исследуя метафорику определенного дискурса, лингвист, по мысли А.Н. Баранова, должен выполнить две основные задачи — выявить все использующиеся метафорические модели и определить, какие из них являются **дискурсивными практиками**. К дискурсивным практикам относятся такие метафорические модели, которые типичны для данного дискурса, формируют его как таковой, как специфический и отличающийся от других типов дискурсов [Там же, с. 16].

Важно подчеркнуть, что при всех отличиях в метаязыке двух проанализированных концепций результаты описания метафорических моделей оказываются во многом схожи. Так, сопоставляя фреймово-слотовую структуру фитоморфной модели А.П. Чудинова [Чудинов, 2001, с. 145–153] и дерево сигнификативных дескрипторов метафорической модели ФЛОРЫ (РАСТЕНИЯ-ДЕРЕВА), описанной А.П. Барановым [Баранов, 2014, с. 589–591], можно обнаружить множество параллелей. А.П. Чудиновым охарактеризованы четыре фрейма: «Состав царства растений», «Части растений», «Жизненный цикл растений и участие в нем человека», «Места произрастания растений». В свою очередь, А.Н. Баранов выделяет такие нетерминальные (неконечные) сигнификативные дескрипторы, как ДЕРЕВО, ПЛОДОВОЕ ДЕРЕВО, РАСТЕНИЕ, ЦВЕТОК (ср. фрейм «Состав царства растений» у А.П. Чудинова), ЧАСТЬ РАСТЕНИЯ-ДЕРЕВА, РОСТ И ВЫРАЩИВАНИЕ РАСТЕНИЙ-ДЕРЕВЬЕВ, МЕСТО ВЫРАЩИВАНИЯ РАСТЕНИЙ-ДЕРЕВЬЕВ.

1.1.3. Метафора в политической коммуникации

Традиционно в центре внимания исследователей находилась прежде всего поэтическая метафора. Книга Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» подтолкнула многих ученых к анализу метафор в самых разных областях человеческой деятельности. Регулярно появляются метафорологические исследования различных видов дискурса: научного, научно-популярного, художественного, политического, педагогического, экологического, экономического, массмедийного, медицинского, рекламного, религиозного и т. д. Особое внимание уделяется дискурсивным особенностям метафорики. В частности, разные виды дискурса

характеризуются разной степенью метафорической плотности: нулевая метафоричность присуща деловому дискурсу, средняя — научному, высокая — художественному, политическому, религиозному [Кондратьева, 2015b, с. 31].

Кроме того, в разных дискурсах метафора выполняет различные функции. Так, в религиозном дискурсе метафора делает доступными широкому кругу адресатов основные понятия теологии, создает яркие зримые образы таких ненаблюдаемых понятий, как вера, душа, грех, рай, ад и т. д. (когнитивная функция), оказывает дидактический эффект (педагогическая функция), выступает мощным средством воздействия (прагматическая функция) [Кондратьева, 2015a, с. 101–102]. Главные функции метафоры в поэтическом тексте — «эстетическая (метафора как украшение речи) и активационная (метафора как средство активизации восприятия адресата)» [Кобозева, 2001]. В научном дискурсе важна аргументативная функция: метафора служит средством убеждения в правильности выдвигаемых тезисов или постулатов. Но на первый план выходит познавательная, эвристическая функция: метафора позволяет осмыслить новый объект исследования, опираясь на знания о других типах объектов [Там же], и направляет процесс научного поиска в определенное русло. Л.М. Алексеева подчеркивает, что «научная метафора дает возможность говорящему формулировать свое открытие, а слушающему — понимать новизну знания и одновременно выстраивать новые стратегии интерпретации исследуемого явления» [Алексеева, с. 13]. Иными словами, «метафора подготавливает явления для исследования и обеспечивает словарь для этого исследования» [Крюкова, с. 248]. При этом, как отмечает З.И. Резанова, «метафорические модели, являющиеся, с точки зрения большей части научного сообщества, удачными, становятся интертекстуальными и занимают позицию парадигмальной модели, определяющей методологию и систему методик на определенном этапе развития научной области» [Резанова, с. 41]. Такую модель называют ключевой, корневой [Москвин, с. 161], фундаментальной метафорой (строение атома — это солнечная система, мышление — это процесс обработки информации) [Опарина, с. 74–75]. Каждый этап развития науки знаменуется сменой корневых метафор. Например, в сравнительно-историческом языкознании язык понимался как организм (ср. живые и

мертвые языки) и как член семьи языков, в структурном языкознании — как конструкт, система и структура, в генеративной грамматике — как порождающее устройство, в концепции М. Хайдеггера — как дом бытия [Арутюнова, 1999b, с. 379; Степанов].

Особый интерес представляют исследования, в которых сопоставлено функционирование метафоры в различных типах дискурсов, связанных тематически. Так, М.В. Суворова определила, что от научного дискурса (адресат — эксперт) к научно-популярному (адресат — непрофессионал-взрослый) и затем к популярному (адресат — непрофессионал-ребенок) возрастает количество маркированных метафор, т. е. метафор прямых (эксплицитно указывающих взаимодействие концептуальных областей с помощью специальных слов-маркеров), новых и намеренных. Именно такие метафоры активируют механизм сравнения, способствуя осуществлению воспринимающим метафорической проекции, и облегчают взаимодействие эксперта и непрофессионала [Суворова].

А.П. Чудинов называет четыре основные функции метафоры в политическом дискурсе: когнитивную, коммуникативную, прагматическую и эстетическую [Чудинов, 2003, с. 59].

Когнитивная функция заключается в том, что метафора служит «средством осмысления постоянно меняющейся политической реальности и формулирования новых политических программ» [Кобозева, 2001]. Иными словами, метафора позволяет представить абстрактную и сложную политическую сферу в более простых, конкретных и понятных образах, например, государство может пониматься как дом, здание, а его изменение — как перестройка. Можно сказать, что политический мир в определенной степени представляет собой конструкцию, созданную с помощью коммуникации [Mio, 1997, p. 114], и метафора играет немаловажную роль в этом процессе конструирования политической реальности. При этом она не только отражает существующую социальную практику, но и выполняет прогностическую функцию — подсказывает, настраивает, наводит на определенный тип решения и поведения [Гаврилова, 2004a, с. 104].

Коммуникативная функция метафоры позволяет ей передавать информацию в более удобной для адресата или адресанта форме. Так, метафора может способствовать эвфемизации речи: когда говорящий не хочет передавать свою мысль прямо, метафора сглаживает наиболее опасные политические высказывания и минимизирует ответственность говорящего за возможную буквальную интерпретацию его слов адресатом [Кобозева, 2001]. Тем самым в метафоре проявляется такой системообразующий признак политического дискурса, как смысловая неопределенность [Шейгал, с. 37].

Выполняя **прагматическую функцию**, метафора служит мощным средством, с помощью которого можно преобразовать существующую в сознании адресата картину мира, изменить его политические воззрения, сформировать необходимое эмоциональное состояние и даже побудить к определенным действиям [Чудинов, 2013, с. 23]. Прагматический потенциал метафоры обусловлен тем, что, апеллируя к фонду общих знаний, метафора создает у партнеров по коммуникации общую платформу, опираясь на которую субъект речи может более успешно вносить в сознание адресата необщепринятые мнения [Кобозева, 2001].

Наконец, значение **эстетической функции** метафоры — в том, что она служит украшением речи, делает сообщение более ярким и запоминающимся. Данная функция метафоры реализуется прежде всего в поэтических текстах, но и в политическом дискурсе она может играть немаловажную роль.

Еще в начале 1970-х гг. политолог и социолог М. Эдельман объяснял значимость метафоры в политике ее способностью одновременно скрывать и выделять качества объекта: каждая метафора активизирует выбранную политиком модель восприятия реальности и отбрасывает все остальные, позволяя тем самым ненавязчиво подчеркнуть то, во что мы хотим верить, и уклониться от того, с чем мы не желаем сталкиваться [Edelman, 1971, p. 67]. Современный интерес к политической метафоре обусловлен, по мнению Т.Г. Скребцовой, с одной стороны, когнитивным переворотом в лингвистике, с другой — внешними факторами: бурным развитием информационных технологий, возрастающей ролью средств массовой информации, тенденцией к глобализации [Скребцова, 2011, с. 50].

Применение теории концептуальной метафоры к языку политики началось со статьи ее основателя — Дж. Лакоффа [Скребцова, 2005, с. 37]. Исследователь выявил, что аргументы, которые использовали власти США в 1990–1991 гг. для оправдания войны в Персидском заливе, во многом опирались на метафоры, что, по мнению лингвиста, являлось манипуляцией общественным мнением, ведь метафора не осознавалась адресатом и намеренно «затемняла» ужасы войны. Представители американского истеблишмента эксплуатировали следующие метафоры: ВОЙНА-КАК-БИЗНЕС (подсчет абстрактных затрат и выгод скрывает такие реальные последствия войны, как ранения, смерти, потерю близких), ГОСУДАРСТВО-КАК-ОРГАНИЗМ (всему американскому обществу приписываются одни желания, намерения, цели), ВОЙНА-КАК-АЗАРТНАЯ ИГРА, ВОЙНА-КАК-СПОРТИВНАЯ ИГРА, СКАЗКА О СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЕ (Ирак изображался жестоким злодеем, Кувейт — невинной жертвой, США — доблестным спасителем) и т. д. [Lakoff].

Зарубежные исследования в области политической метафорологии часто проводятся в рамках **критического дискурс-анализа**, целью которого являются «разоблачение неравенства и несправедливости, лишение идеологий их естественности, раскрытие отношений доминирования и власти и сообщение об этих отношениях тем, кто страдает от угнетения» [Водак, с. 287]. Предметом лингвистической рефлексии становится метафора в различных типах националистических, расистских и ксенофобских дискурсов, в разных странах и в разные исторические периоды [Charteris-Black, 2011, p. 109–137; Jaworska; Musolff, 2008; Santa Ana, 1997; Santa Ana, 1999]. Эти работы показали, что в интолерантных дискурсах этнические меньшинства изображаются как «чужие», и для их вербального умаления оказываются задействованными различные средства, в том числе метафора. Они изображаются как чужеродные тела, паразиты, опасные заболевания, стихийные бедствия, солдаты вражеской армии, преступники, сорняки, животные и т. п. При этом лингвисты обращают внимание на то, что некоторые политики и журналисты, не явля-

ясь открытыми расистами, используют в своих речах и текстах зооморфные, милитарные и морбиальные метафоры в отношении этнических меньшинств и тем самым формируют расистский дискурс [Santa Ana, 1999, с. 217].

Британский лингвист Дж. Чартерис-Блэк выделяет отдельную область исследований — критический анализ метафоры (*critical metaphor analysis*), в рамках которого с помощью исследования метафоры выявляются интенции и идеологические установки политиков [Charteris-Black, 2011, р. 45]. Данный подход предполагает анализ в три этапа: идентификацию метафоры (сбор примеров языковых метафор, использованных для представления определенной темы), ее интерпретацию (обобщение отдельных языковых метафор в виде концептуальной метафоры) и объяснение (выявление моделей понимания и мышления, которые конструируют или ограничивают убеждения и действия) [Charteris-Black, 2004, р. 34]. Иными словами, критический анализ метафоры помогает определить, какие метафоры были использованы, и объяснить, почему эти метафоры были использованы, т. е. показать, каким образом они участвуют в формировании политического мифа [Charteris-Black, 2011, р. 47]. Политолог К. Флад рассматривает **политический миф** как одну из форм выражения идеологии и дает ему следующее определение: «идеологически маркированное повествование, претендующее на статус истинного представления о событиях прошлого, настоящего и прогнозируемого будущего и воспринятое социальной группой как верное в основных чертах» [Флад, с. 43]. Например, на основе анализа военных речей У. Черчилля Дж. Чартерис-Блэк приходит к выводу, что британский премьер-министр конструировал героический миф, согласно которому Британия и ее союзники представлялись как силы добра, а Германия — как сила зла. Одним из главных инструментов создания этого мифа явилась когнитивная метафора: с помощью персонификации («Нация — это человек») Британия интерпретировалась как герой, борец, Германия — как злодей, Франция — как жертва; метафоры путешествия были призваны поднять боевой дух, придать военным усилиям целенаправленность и представить американцев как

попутчиков; связанные с христианской символикой метафоры света и тьмы противопоставляли борющиеся стороны и давали им четкую оценку [Charteris-Black, 2011, p. 77–78].

Первыми крупными исследованиями отечественной политической метафоры стали работы А.Н. Баранова и Ю. Н. Караулова «Русская политическая метафора (материалы к словарю)» (1991 г.) и «Словарь русских политических метафор» (1994 г.) [Баранов, Караулов], в которых описана политическая метафорика перестройки и первых лет президентства Б.Н. Ельцина. Метафоры последнего десятилетия XX в. анализируются в монографии А.П. Чудинова «Россия в метафорическом зеркале» [Чудинов, 2001]. По мнению Т.Г. Скребцовой, эти три работы «представляют собой ценный материал, позволяющий проследить эволюцию посттоталитарного политического дискурса в России» [Скребцова, 2005, с. 38]. Также к исследованию русской политической метафоры обращались Л.В. Балашова [Балашова, 2013; Балашова, 2014; Балашова, 2017], Т.С. Вершинина [Вершинина], Л.Е. Веснина [Веснина, 2009; Веснина, 2010а; Веснина, 2010b], М.Б. Ворошилова [Ворошилова, 2012а; Ворошилова, 2012b; Ворошилова, 2014], М.В. Гаврилова [Гаврилова, 2018], О.Н. Кондратьева [Кондратьева, 2016; Кондратьева, 2017], Е.А. Нахимова [Нахимова], З.И. Резанова [Резанова, Шилиев], А.Б. Ряпосова [Ряпосова], Ю.Б. Феденева [Феденева], Н.М. Чудакова [Чудакова] и многие другие. Сопоставительному метафорологическому анализу русской и зарубежной политической коммуникации посвящены работы Э.В. Будаева [Будаев, 2006; Будаев, 2011], М.Ю. Калыгиной [Калыгина], А.А. Касловой [Каслова], О.А. Солоповой [Солопова], О.А. Шаовой [Шаова], Н.Г. Шехтман [Шехтман] и др.

Для исследователя политической метафоры важно не только представить перечень метафорических моделей, существующих в определенный исторический период, и рассмотреть их структуру, но и охарактеризовать их прагматический потенциал. Так, А.П. Чудинов выделяет основные концептуальные векторы, характерные для метафорических моделей, задействованных в политическом нарративе «Федеральные выборы в России» (1999–2000): жестокость, агрессивность и сопер-

ничество (милитарная, криминальная, спортивная, зооморфная метафоры); отклонение от естественного для человека порядка вещей (морбиальная, криминальная, зооморфная метафоры); неправдоподобие происходящего, неискренность и несамостоятельность публичных политиков (театральная, игровая и спортивная метафоры) [Чудинов, 2003, с. 229].

А.Н. Баранов для обозначения группы метафорических моделей, сходных по своим метафорическим следствиям и, следовательно, по прагматическому потенциалу, вводит термин **«конstellляция метафор»**. В русском политическом дискурсе эпохи перестройки лингвист выделил следующие конstellляции метафор: 1) метафоры рационального (СТРОИТЕЛЬСТВО, МЕХАНИЗМ, ТРАНСПОРТ, ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ); 2) метафоры конфликта (ВОЙНА, СПОРТ, ИГРА); 3) органистические метафоры (ОРГАНИЗМ, РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО, МЕДИЦИНА); 4) метафоры нереального (РЕЛИГИЯ-МИФОЛОГИЯ, ТЕАТР, СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ СУЩЕСТВО) [Баранов, 2014, с. 316].

1.2. Теоретические проблемы изучения парламентского дискурса

1.2.1. Парламентский дискурс как объект лингвистического исследования

Специалисты в области политической метафорологии подчеркивают важность сочетания когнитивного и дискурсивного подходов к метафоре, т. е. необходимость объединить «описание роли метафоры в категоризации и концептуализации политического мира с рассмотрением особенностей ее функционирования в реальной коммуникации» [Будаев, 2006, с. 44]. При дискурсивном подходе «преобладает изучение метафор в дискурсе, в тесной взаимосвязи с условиями их возникновения и функционирования, с учетом авторских интенций и прагматических характеристик, на широком социально-политическом фоне» [Чудинов, 2013, с. 84].

Хотя, безусловно, имеет право на существование феминистический слоган «Личное — это политическое» (The Personal is Political) и межличностное общение на любую тему представляет собой дискурс с возможным политическим эффектом

(discourse-with-possible-political-effects [Van Dijk, 1998, p. 15]), необходимо ограничить рамки понятия «политический дискурс». В лингвистике на этот счет не выработано единого мнения. В узком смысле к политическому дискурсу относится только «дискурс политиков» [Гаврилова, 2004b, с. 128], включающий «лишь те речевые образования, которые были произведены в рамках профессиональных отношений между политиками, а именно в ситуациях официального публичного политического общения» [Громыко, 2011b, с. 53]. Речевая деятельность профессиональных политиков реализуется в таких жанрах, как парламентские и телевизионные дебаты, правительственные совещания, партийные программы, выступления в ходе избирательной кампании и т. п. В этом ракурсе политический дискурс рассматривается как вид институционального дискурса, обладающий специфической целью — завоевание и удержание власти [Карасик, с. 11]. В более широком смысле под политическим дискурсом понимаются «как институциональные, так и неинституциональные формы общения, в которых к сфере политики относится хотя бы одна из трех составляющих: субъект, адресат или содержание общения» [Шейгал, с. 45]. Иными словами, политический дискурс включает не только «дискурс политиков», но и «дискурс реагирования», т. е. «любой дискурс, произведенный в качестве реакции на дискурс политика» [Плотникова, Домышева, с. 104]. Кроме того, «обозначилась тенденция рассматривать любой публичный дискурс, даже не связанный с политической проблематикой, как потенциально политический, поскольку любое публичное использование языка может оказаться политически значимым для граждан» [Скребцова, 2005, с. 42]. По мнению М.В. Гавриловой, широкое понимание политического дискурса как языка публичной сферы обусловлено сразу несколькими факторами: растущей властью масс-медиа, развитием новых коммуникационных технологий, расширением процессов глобализации и процессом коммерциализации политической коммуникации [Гаврилова, 2004b, с. 11].

По всей вероятности, наиболее удачным можно считать полевой подход к определению границ политического дискурса. Так, Е.И. Шейгал определяет степень центральности или маргинальности жанров политической коммуникации, учитывая такие параметры, как: 1) выраженность основной интенции (борьба за

власть); 2) первичность/вторичность; 3) отсутствие пересечения с другими типами дискурса или, наоборот, двойственность природы. С этой точки зрения прототипными жанрами признаются парламентские дебаты, публичная речь политика, лозунг. Жанры, находящиеся на периферии политического дискурса, представляют собой вторичные тексты и вбирают в себя функции других дискурсов, к ним относятся бытовые разговоры о политике, интервью, анекдоты, аналитические статьи, мемуары, письма читателей, граффити, карикатура и т. д. [Шейгал, с. 320–322]. Другие исследователи полагают, что одним из основных критериев определения границ политического дискурса является признак публичности коммуникации, поэтому, например, бытовой диалог о политике не входит в его сферу, на периферии же в этом случае оказывается аппаратная (внутренняя бюрократическая) коммуникация, которая в той или иной степени отражается в публичной речевой деятельности политиков [Громыко, 2007, с. 23].

Как мы видим, при любой трактовке парламентская коммуникация входит в ядро жанрового поля политического дискурса: она в полной мере соответствует основной интенции политической коммуникации — борьбе за власть; как институциональная форма она доступна только для «профессионалов»; наконец, в ней рельефно проявляется такая черта политической коммуникации, как состязательность, агональность [Шейгал, с. 44, 110, 388]. По мнению П. Бэйли, парламентская дискуссия — это наиболее формальная и институализированная форма политического языка [Bailey, p. 1]. Ряд исследователей в составе политического дискурса наряду с другими разновидностями (президентский дискурс, митинговый дискурс, масс-медийный политический дискурс) выделяют парламентский дискурс [Cross-cultural perspectives on parliamentary discourse; Гаврилова, 2013; Громыко, 2007; Матвеева, Зюбина, Лесняк; Правикова, 2018; Сапрыкина; Ширяева, Черноусова; Ширяева, Черноусова, Триус].

Т. ван Дейк настаивает на том, что специфика парламентского дискурса заключается не в особенностях его текста, а в категориях контекста, проявляющихся на макро- и микроуровне. К категориям макроуровня относятся: 1) область обще-

ственных отношений — политика; 2) глобальные действия — законотворческая деятельность, представление своего электората, управление страной, оппозиционная деятельность, реализация программы партии, разработка политического курса; 3) институциональные субъекты — политические партии, правительство, оппозиция. Среди контекстных категорий микроуровня, формирующих парламентский дискурс, Т. ван Дейк называет следующие: 1) место и время — здание парламента, конкретная дата и время заседания; 2) локальные действия — дискуссия, включающая речи, отдельные реплики, вопросы и т. д.; 3) участники — парламентарии как исполнители определенных ролей (коммуникативных, социальных, гендерных, политических и т. д.); 4) когнитивные категории — знания, цели, намерения, мнения и т. д. [Van Dijk, 2004].

Парламентский дискурс — это особая разновидность институционального политического дискурса, для которой характерны следующие особенности: специфическая интенциональная основа, специфический адресат и адресант, неоднородность, четкая регламентированность, протокольность, полемичность.

1. **Специфическая интенциональная основа** — не столько победа одного или нескольких участников, сколько согласование различных точек зрения, достижение консенсуса путем публичного обсуждения законопроектов и голосования [Константинова, с. 7, 25]. В парламентском дискурсе сочетаются партийно-политическая борьба и законотворчество [Сапрыкина, с. 5].

2. **Специфический адресат и адресант.** Выступающий с речью депутат обычно выражает не столько свое собственное мнение, сколько позицию определенной политической партии, к которой он принадлежит, поэтому правомерно говорить об «индивидуально-коллективном адресанте» [Зых, Капела, с. 396]. С.А. Громыко говорит о коллективном авторстве всей дискуссионной речи в целом, отражающем коллективную политическую ответственность депутатов [Громыко, 2007, с. 30–32]. Являясь публичным полилогом, парламентский дискурс имеет двойную адресацию: прямую (адресат — непосредственный речевой партнер) и опосредованную (адресат — массовая аудитория) [Воронцова, 2011, с. 35]. Иначе говоря, с одной стороны, его адресатом является «внутренняя общественность»

(участники заседаний, а также лица, не присутствующие на данном заседании, но имеющие доступ к его материалам), с другой — «наружная общественность» (граждане страны, информируемые о деятельности парламента через средства массовой информации, а также представители других государств) [Константинова, с. 8]. Л.Г. Шамугия выделяет трех адресатов парламентской речи: эксплицитного адресата (непосредственный оппонент), легитимного вердиктивного адресата (парламентарии как законодатели) и легитимного конклюдивного адресата (общество, избиратели) [Шамугия, с. 59]. Кроме того, для общения в парламенте характерна постоянная смена ролей: депутат выступает в роли то адресанта, то адресата [Спирidonовский, с. 1569].

3. **Неоднородность.** Во-первых, некоторые исследователи в составе парламентского дискурса, помимо публичной речи, которая обычно и является предметом исследования лингвистов, выделяют кулуарную и аппаратную речь [Константинова, с. 3], обсуждение в парламентских комитетах [Bailey, p. 2]. Во-вторых, парламентский дискурс формируют различные жанры: доклад (информационный жанр, в котором ставится проблема, описываются возможные пути ее решения, аргументируется выбор предлагаемого пути), дискуссионное выступление (монологическая речь, содержащая элементы полемики), реплика (краткое возражение, замечание, высказывание с места по содержанию речи оратора), а также официальный депутатский запрос, вопрос, информация и др. [Гаврилова, 2013; Константинова, с. 9–12; Лазуткина; Ширяев]. Кроме того, парламентские речи существенно отличаются по таким признакам, как информативность, доказательность, экспрессивность, в связи с чем Л.К. Граудина говорит о следующих функционально-смысловых типах: речи информационного характера (вступительное слово председателя, открывающего заседание сессии, принесение присяги, поздравление), речи аргументативно-аналитического характера (доклад) и речи императивного характера (некоторые дискуссионные выступления и реплики) [Граудина]. По мнению Е.И. Шейгал, «соотношение информативности и эмотивности/экспрессивности зависит от тематики обсуждения»: информативность превалирует в ходе рутинной законотворческой деятельности, экспрессивность выходит на первый план, когда в

повестке дня стоят «горячие» вопросы, например, утверждение кандидатуры нового премьер-министра [Шейгал, с. 66].

4. **Четкая регламентированность, протокольность:** смена ораторов производится по заранее установленному порядку; парламентарии могут говорить только в том случае, когда председатель предоставляет им слово [Шамугия, с. 15]; председатель организует и направляет ход дебатов с помощью особых реплик (оглашение повестки дня, предоставление слова, призыв к порядку и т. д.) [Сапрыкина, с. 8]; на парламентское выступление накладывается ограничение времени; в определенных ситуациях используются одни и те же клишированные фразы и т. д. В парламентах разных стран существуют свои ритуалы и нормы, регулирующие коммуникацию. Так, членам Палаты общин запрещается зачитывать подготовленный текст, при выступлении они имеют право пользоваться только записями. Кроме того, они могут напрямую обращаться только к председателю, но не к своим коллегам [Bauley, p. 14]. Т. ван Дейк считает, что в связи с тем, что парламентские речи «предназначены для протокола», они редко имеют спонтанный характер и, как правило, готовятся загодя [Ван Дейк, с. 180]. По мнению С.А. Громыко, парламентский текст, напротив, отличается высокий уровень спонтанности высказываний, вызванный необходимостью незамедлительной реакции депутатов на предшествующие выступления. Такую разницу в позиции ученых можно объяснить, на наш взгляд, двумя факторами. Во-первых, материалом исследования Т. ван Дейка послужили дебаты в современных европейских парламентах, в то время как С.А. Громыко анализирует дореволюционный российский парламент, в котором парламентская культура еще только формировалась. Во-вторых, уровень «спонтанности/подготовленности» высказывания варьируется в зависимости от конкретного жанра парламентского дискурса. Например, доклад должен быть тщательно подготовлен, реплика с места содержит непосредственную реакцию на произносимую речь, текст дискуссионного выступления продумывается заранее, но корректируется в связи с предыдущими речами.

5. **Полемичность.** С одной стороны, парламентский дискурс частично монологичен, поскольку в нем «не происходит спонтанной смены коммуникативных ролей и резкой смены тем, преобладает монологическая речь (доклады, сообщения и т. п.)» [Шамугия, с. 16]. Однако необходимость обмена мнениями делает этот дискурс полемичным: «высказывание в парламенте должно обязательно содержать согласие либо несогласие с уже высказанными точками зрения и намечать дальнейшую дискуссию, оставляя оппонентам возможность возразить либо, наоборот, согласиться» [Громыко, 2007, с. 30]. Кроме того, выступление оратора может быть прервано репликами, выкриками с места, и монолог в таком случае переходит в особого рода диалог [Шамугия, с. 17–18]. Иначе говоря, парламентский дискурс формально состоит из серии монологов на одну и ту же тему, но в сущности имеет диалогическую природу [Bauley, p. 25].

П. Бэйли размышляет над вопросом, почему необходимо изучать парламентский дискурс. С одной стороны, исследователь обращает внимание на то, что в современных западных государствах парламенты несколько утратили свое политическое значение, в результате чего рядовые граждане мало им доверяют, а СМИ не уделяют должного внимания их деятельности. Такое положение дел объясняется тем, что функции, которые раньше исполнял парламент, перешли к другим институтам: сегодня реальные политические решения принимаются правительством, а роль главного органа распространения политических идей играют СМИ. Тем не менее парламент остается местом для дискуссий, дебатов, а его деятельность можно рассматривать как речевую деятельность. В парламентской коммуникации вырабатываются семантические и символические категории, с помощью которых осмысляются важные социальные и политические вопросы [Bauley].

Большинство исследований парламентского дискурса выполнены в рамках дискурсивного, лингвопрагматического, коммуникативного, риторического направлений. На материале разных языков лингвисты изучают различные аспекты функционирования парламентской коммуникации: речевые стратегии [Вознесенская; Соловьева; Спиридовский; Ширяева, Черноусова, Триус], речевые акты [Ши-

ряева, Черноусова], способы снижения интенсивности высказывания [Китик], способы репрезентации речевого действия «обвинение» [Сапрыкина], средства отрицательной характеристики противника [Piie], особенности жанровой системы [Матвеева, Зюбина, Лесняк], функционально-прагматические характеристики реплик [Bevitori; Шамугия], аргументативные свойства парламентских дебатов, ограниченных определенной тематикой [Правикова, 2005], и т. д. Так, Т. ван Дейк рассматривает парламентские дебаты в ракурсе критического дискурс-анализа. Ученый отмечает, что в связи с публичностью и официальностью этой сферы политического дискурса в ней ограничено употребление эксплицитных оскорблений и явно предвзятой лексики. С одной стороны, в парламентских дебатах принято постулировать свою толерантность и осуждать расизм, с другой — в них систематически реализуется стратегия негативной презентации других и в скрытой форме воспроизводятся этнические и расовые стереотипы, предубеждения и иные формы подавления [Ван Дейк, с. 145–147].

Помимо универсальных характеристик парламентской коммуникации выделяются и национально-специфичные черты. Как отмечает П. Бэйли, социальные и институциональные нормы и прежде всего культурные особенности данного общества влияют на язык, который используется в парламенте [Bauley, p. 14]. По наблюдениям Т. ван Дейка, «во Франции дебаты могут быть очень ожесточенными, оратора могут прерывать и перебивать, используются различные риторические стили, тогда как в Нидерландах и Испании парламентские дебаты являются формальными и основанными на вежливости» [Ван Дейк, с. 147]. С. Бевитори обращает внимание на то, каким образом и с какой целью парламентарии прерывают речь оратора: если в британской Палате общин реплики в места обычно имеют форму вопросов, выполняющих различные дискурсивные функции, то итальянские депутаты, прерывая выступающего, используют императивные и восклицательные конструкции, что часто приводит к вспышкам речевой агрессии и взаимным оскорблениям [Bevitori]. По наблюдениям М.В. Китик, британских парламентариев отличает стремление избежать категоричности высказывания, прямой оценки [Китик]. В британском парламентском дискурсе даже отрицательное отношение к оппоненту

выражается строго в рамках этикета: «обращаясь к заклятому политическому противнику, член палаты вынужден говорить “Honourable”, выказывая таким образом свое уважение к месту проведения дебатов» [Минаева, с. 402–403]. К иным выводам приходит К. Или, сопоставляя британский и шведский парламентский дискурс. По ее мнению, в Палате общин горячая дискуссия часто переходит в межличностную вербальную дуэль, нередки эмоциональные вспышки, перебивание оратора, выкрики, смех, что не характерно для шведского Риксдага. Дискредитируя своего политического соперника, британские парламентарии часто прибегают к шуткам, высмеиванию, переходят на личности. Депутаты Риксдага, негативно оценивая своих оппонентов, напротив, опираются на здравый смысл и факты. Более того, парламентарии разных стран по-разному реагируют на оскорбления. В ответах британцев встречаются новые оскорбления, ирония, прием доведения до абсурда, шведы же осуждают использование оскорблений и морализируют о недопустимости подобного поведения [Ilie].

Как отмечает А.С. Константинова, публичная парламентская коммуникация «может рассматриваться как объективный показатель культурного уровня политической коммуникации» [Константинова, с. 3]. М.В. Гаврилова обращает внимание на особенности научного осмысления российской парламентской коммуникации: «В мировой практике парламентский дискурс является основным объектом исследования теоретиков политической коммуникации, однако в России в связи со спецификой ее парламентаризма, а также определенным тяготением парламентской коммуникации к аппаратным формам она оказывается изученной недостаточно и, более того, привлекает куда меньший интерес по сравнению с публичной коммуникацией» [Гаврилова, 2013].

Тем не менее «интерес к изучению частной риторики парламентской речи наблюдался в начале 90-х гг. XX в. и был вызван становлением новой политической системы» [Гаврилова, 2017, с. 10]. В этот период вышла коллективная монография «Культура парламентской речи», в которой были представлены и прокомментированы отклонения от норм русского языка в публичных выступлениях депутатов,

касающиеся произношения, образования грамматических форм и словоупотребления (в том числе иностранных слов), а также даны соответствующие рекомендации [Культура парламентской речи].

В ряде работ российская парламентская коммуникация исследуется в сравнении с материалом других языков. Так, в центре внимания А. Зых и Э. Капелы оказываются виды и функции интертекстуальных отсылок в речах российских и польских парламентариев [Зых, Капела]. М.А. Сивенкова сопоставляет русско- и англоязычные речевые ходы (подготовительные, этикетные, оценочные), которыми выступающие сопровождают ответы на парламентские вопросы [Сивенкова]. Целью работы А.С. Константиновой стало сопоставление немецкой и русской публичной парламентской речи по ее функционально-стилистическим и коммуникативно-прагматическим характеристикам [Константинова]. Среди немногочисленных исследований, выполненных исключительно на материале современной российской парламентской коммуникации, назовем работу Е.В. Соловьевой, проанализировавшей кооперативную и конфронтационную речевые стратегии в докладах депутатов Госдумы [Соловьева].

Особый интерес для нашего исследования представляет статья С.И. Виноградова «Выразительные средства парламентской речи», автор которой обращает внимание на «царицу тропов» метафору, перечисляет формы выражения метафоры (слово, словосочетание, предложение, фрагмент текста), характеризует ее функции (аргумент и инструмент коммуникации, освобождающий от бремени строго рационального и логически последовательного описания объекта и оставляющий простор для множественной интерпретации сказанного), выделяет типы метафор, характерные для парламентского речевого обихода (военные, механистические, метафоры болезни) [Виноградов].

1.2.2. Особенности парламентского дискурса Российской империи

Зачастую специалисты по политической метафорологии ограничивают материал своего исследования, и эти ограничения носят дискурсивный характер: «рассматривается не политическая метафора вообще, а политическая метафора в определенном виде дискурса» [Будаев, Чудинов, с. 79]. Разновидностью политического дискурса является исторический политический дискурс. Специфика его изучения состоит в невозможности непосредственно наблюдать за субъектами и объектами политической деятельности и, как следствие, необходимости воссоздания речемыслительной деятельности политиков на основе письменных источников [Макарова, с. 114]. Объектом подобных исследований становились, к примеру, дискурс ирландских политических организаций середины XIX в. [Макарова], дискурс немецких националистических организаций начала XX в. [Jaworska], большевистский дискурс [Кегеян; Коробкова] и др. Обзор исследований политической метафоры в историческом дискурсе представлен в [Будаев, Чудинов, с. 95–104]. Лингвистическое исследование исторического политического дискурса позволяет реконструировать значимые для определенного периода концепты и языковую картину мира, характерную для отдельных политиков, общественно-политических течений и общества в целом, и тем самым вскрыть глубинные причины и закономерности важнейших исторических событий.

К сожалению, приходится констатировать малую изученность традиций отечественного парламентского общения [Гаврилова, 2017, с. 10], парламентский дискурс Российской империи не часто оказывается в фокусе лингвистической рефлексии. В этой связи особую ценность представляют работы С.А. Громыко. В своей кандидатской диссертации «Русский политический дискурс начала XX века» исследователь подчеркивает, что в 1906 г. произошло рождение не только новой для России отрасли светского красноречия — парламентской риторики, но и публичной политической коммуникации в целом [Громыко, 2007, с. 5–6]. Перед депутатами первого парламента стояла сложная задача — выработать модель публичного речевого поведения в рамках нового института. По мнению С.А. Громыко, первые

русские парламентарии во многом заимствовали принципы и механизмы общения, характерные для площадной митинговой речи, что обусловило деструктивный характер коммуникации в I Государственной думе (перебивание оратора выкриками с места, освистывание, скандирование лозунгов, угрозы в адрес правительства, высокий уровень речевой агрессии, нерациональная аргументация и т. д.) [Там же, с. 197–203]. В статье [Громыко, 2011b] исследователь выделяет специфические черты парламентской коммуникации в I и II Государственной думе: существование сословных дискурсных формаций (крестьянской, духовной и элитарной), митинговость, ключевую роль речевой агрессии, нацеленность депутатов на скрупулезное формулирование политической повестки дня и, как следствие, доминирование публичного обсуждения власти над публичным ее осуществлением.

Используя предложенную В.И. Карасиком схему характеристики институционального дискурса [Карасик], С.А. Громыко перечисляет основные компоненты парламентского дискурса начала XX в. [Громыко, 2007, с. 34–43]. Поскольку исследователь в своей диссертационной работе анализировал парламентский дискурс I Государственной думы 1906 г., а материалом нашей работы стали думские речи всех четырех дореволюционных парламентов, некоторые компоненты требуют уточнения.

1. Основные **участники** — депутаты, имевшие разные политические убеждения и принадлежавшие к разным сословиям, а также представители правительства [Там же, с. 34–36]. В нашем исследовании особую значимость получает связь языка и идеологии, в связи с чем сопоставляются речи депутатов, относящихся к трем группам — левым (социалисты и трудовики), правым (монархисты и националисты) и кадетам. Также привлекаются выступления октябристов и представителей правительства.

2. **Хронотоп** — 1906–1917 гг., Таврический дворец в Санкт-Петербурге. Дума I созыва была открыта 27 апреля 1906 г., Дума IV созыва была официально распущена указом Временного правительства 6 октября 1917 г.

3. **Цель** — борьба представителей различных социальных групп за доступ к власти или за расширение властных полномочий данных групп путем коллективного принятия компромиссных решений [Там же, с. 36–38].

4. **Ценности** — достижение, сохранение и распределение власти. Как подчеркивает В.И. Карасик, ценности того или иного дискурса сконцентрированы в его ключевых концептах [Карасик]. Среди ключевых слов дискуссии I Государственной думы С.А. Громыко называет следующие: «власть», «народ», «земля», «кровь», «государство», «амнистия», «крестьяне», «закон», «страдание», «правительство», «слово», «дело» [Громыко, 2007, с. 38]. По нашим наблюдениям, кроме базы общих ключевых слов дореволюционного парламентского дискурса, существуют концепты, наиболее значимые для разных политических групп: для правых — это «православие», «самодержавие», «народность», «патриотизм», «русский народ» и др.; для кадетов — «закон», «право», «свобода», «конституция» и др.; для левых — «революция», «эксплуатация», «реакция», «классовая борьба» и др. Выделению ключевых слов, среди прочего, способствует метафорический анализ: чем чаще какой-либо концепт политической/социальной сферы метафорически характеризуется в определенном дискурсе, тем большей значимостью он обладает.

5. **Основные стратегии** — саморепрезентации (закрепление в сознании других участников дискурса своей принадлежности к какой-либо политической или социальной силе), дискредитации (понижение политического статуса оппонента в глазах аудитории) и угрозы (прежде всего в адрес правительства со стороны левых депутатов) [Там же, с. 38–39, 156–176; Громыко, 2012].

6. **Тематика** парламентского дискурса зависит от политических, социальных и экономических проблем в стране, которые должен решать конкретный парламент. Основной темой дискуссий в I Государственной думе, по указанию С.А. Громыко, был так называемый аграрный (земельный) вопрос [Громыко, 2007, с. 39–40]. В последующих парламентах, кроме аграрного, наиболее активно обсуждались такие вопросы, как положение национальных окраин (Финляндии, Польши, Кавказа), образование, реформирование судебной системы, деятельность Министерства внутренних дел и полиции, рабочий вопрос и др.

7. Основные **жанры** — дискуссионное выступление, доклад, реплика. При этом, как указывает С.А. Громыко, поскольку у дореволюционных депутатов отсутствовали микрофоны, функцию реплики выполняли различные возгласы с места по ходу выступления (*Долой! В отставку! Bravo!* и т. п.), к которым примыкали невербальные действия (аплодисменты, свист и т. п.) [Там же, с. 40–42].

8. **Прецедентные тексты** — во-первых, тексты, созданные вне парламента, без участия депутатов (законы, письма и указы депутатам простых граждан, статистические справки), во-вторых, дискуссионные речи, произнесенные с трибуны ранее [Там же, с. 42–43]. Необходимо отметить, что подобные тексты очень важно учитывать в ходе метафорического анализа, поскольку многие участники парламентского дискурса в своих речах так или иначе реагировали на метафоры, прозвучавшие в речах их коллег или представителей правительства.

9. **Дискурсивные формулы.** Среди специфических дискурсивных формул, характерных для полемики в I Государственной думе, С.А. Громыко называет бинарную тема-рематическую модель «вы утверждаете — мы возражаем» [Там же, с. 43]. Наш материал показывает, что дискурсивными формулами, характерными для конкретной политической группы, могут стать метафоры, выполняющие роль «опознавательных знаков политической и социальной принадлежности депутата» [Там же, с. 104]. Например, в речах левых депутатов ограничения, которые власти накладывают на развитие народа, регулярно представляются с помощью метафор *путь, тиски, цепи, оковы*: (1) *Вы четыре года, в союзе с правительством, **ковали цепи** для русского народа* (И.А. Покровский. 30.10.1911) [СЗС5Ч1¹, стб. 899].

Объектом нескольких исследований стал язык определенной политической группы, входившей в состав Государственной думы Российской империи. Так, в своей диссертации П.Б. Царьков изучил языковой портрет конституционного демократа в дореволюционном российском парламенте. В частности, исследователь выделил ключевые слова либерального дискурса («конституция», «демократия»,

¹ Названия источников (стенографических отчетов) даются в сокращенной форме: первая буква *С* означает созыв, вторая буква *С* — сессию, буква *Ч* — часть, буква *Т* — том.

«право», «закон», «свобода», «граждане», «самоуправление», «личность», «население», «народ»), проследил истоки красноречия ораторов-кадетов, выявил приемы речевого воздействия в думских речах Л.И. Петражицкого, И.И. Петрункевича, Ф.И. Родичева [Царьков].

В рамках грантового проекта «Риторика русского национализма: воздействие, аргументация, образы» С.А. Громыко и его коллеги анализируют публичную речевую деятельность крайне правых политиков начала XX в. Рождение русской националистической риторики исследователи относят к 1907 г., когда правые радикалы вошли в состав II Государственной думы и произнесли несколько резонансных речей [Громыко, 2016с, с. 217]. Большое влияние на формирование парламентской риторики черносотенцев оказали неинституциональные формы коммуникации — воззвания и листовки [Громыко, 2017с], однако правым депутатам приходилось считаться с институциональными ограничениями, которые накладывал на их речь думский дискурс [Громыко, 2016b; Громыко, 2016d]. Выделяются следующие важнейшие особенности парламентской риторики русского национализма:

- при наличии рациональных аргументов (*ad rem*) [Громыко, 2017b] значительное преобладание аргументов *ad hominem*, среди которых особую важность имеют аргумент к истории, с помощью которого националисты «присваивали» семантическое поле русской истории как типично патриотический дискурс [Громыко, 2017а, с. 113], и «национальный аргумент» — апеллирование к ментальным категориям, связанным с этнической идентификацией (национальное сознание, дух, характер, национальная идентичность) [Громыко, 2018, с. 84];
- высокий уровень речевой агрессии, которая проявлялась прежде всего в иронии, переходящей в издевку и осмеяние [Громыко, 2016а, с. 138], выстраивание образа врага и его демонизация;
- интертекстуальность, свидетельствующая о высоком интеллектуальном и культурном уровне крайне правых депутатов [Громыко, 2018, с. 84–85].

Большое значение, на наш взгляд, имеет лингвистическое исследование наиболее значимых выступлений в дореволюционном парламенте. Так, М.В. Гаврилова провела лингвокогнитивный и риторический анализ речи П.Н. Милюкова 1

(14) ноября 1916 г., повлиявшей на развитие политической ситуации в России накануне Февральской революции, ставшей «штурмовым сигналом» к началу революции. Были проанализированы тематическая структура, композиция, коммуникативные стратегии и тактики, особенности аргументации, изобразительно-выразительные средства политической речи. Лингвист заключает, что лидер партии кадетов не доказывал, а убеждал и внушал, а основными коммуникативными стратегиями речи стали дискредитация противников и повышение личного статуса. По мнению М.В. Гавриловой, опираясь на анализ исторической речи П.Н. Милюкова, лингвисты могут осуществлять мониторинг деструктивного речевого поведения политиков, чтобы уменьшить возможность формирования управляемой толпы [Гаврилова, 2017].

Необходимо отметить, что к анализу дореволюционного парламентского дискурса в филологическом аспекте обращаются также историки. По мнению О.Л. Патрикеевой, способ подачи и форма изложения думских выступлений начала XX в. должны стать предметом отдельного рассмотрения. Исследовательница выделяет три стиля в речах ведущих ораторов Партии народной свободы: эмоционально-экспрессивный стиль «русского Мирабо» Ф.И. Родичева, любимым риторическим приемом которого была метафора; рационально-аналитический стиль П.Н. Милюкова и Л.И. Петражицкого, речи которых отличали спокойный тон, академичность, выдержанность в строгих логических категориях; синтетический стиль В.А. Маклакова и В.Д. Набокова, сочетающий логически строгий анализ и эмоциональные взлеты, последовательность научной речи и страстное, горячее обращение к аудитории [Патрикеева, 2013; Патрикеева, 2014].

Исследуя думскую риторику В.М. Пуришкевича, А.В. Матвеев указывает на такие ее черты, как активную эксплуатацию идеологемы «русский» [Матвеев, 2016a], формирование образа внешнего и внутреннего врага [Матвеев, 2016b; Матвеев, Игумнова], широкую представленность различных прецедентных явлений [Матвеев, 2017b], характерные паралингвистические особенности речи (громкий голос, переходящий в крик, быстрый темп и вызывающий тон речи, странная манера держаться). А.В. Матвеев делает вывод о том, что В.М. Пуришкевич воплощал

собой особый поведенческий тип эпатажного политика-provokatora, «политического безумного» и даже «политического юродивого» [Матвеев, 2017a].

Таким образом, дореволюционный парламентский дискурс предоставляет исследователю богатый языковой материал, который до сих пор остается малоизученным. С.А. Громыко наметил основные направления лингвистического исследования речи в Государственной думе Российской империи:

- лексикологическое: стенограммы рассматриваются как источник изучения лексики начала XX в., прослеживается динамика развития русской общественно-политической лексики и финансово-экономической терминологии;
- риторико-стилистическое: изучаются истоки русского парламентского красноречия, в частности, влияние на него юридического, академического и религиозного красноречия; устанавливается зависимость стилистики речи от сословной принадлежности депутата;
- коммуниктивно-дискурсивное: выявляется соотношение установки на достижение политического компромисса и речевой агрессии;
- когнитивное: анализируются метафорические модели и ключевые концепты [Громыко, 2011a].

Настоящее диссертационное исследование выполнено в рамках двух последних из обозначенных С.А. Громыко направлений, т. е. в когнитивно-дискурсивном ракурсе. Анализ когнитивной метафоры в дореволюционной парламентской коммуникации, на наш взгляд, поможет выполнить двойную задачу. С одной стороны, он покажет, как в нарождавшемся российском политическом дискурсе происходила концептуализация общественно-политической сферы, отношений между разными социальными группами и национальностями, истории государства, его будущего. Исследуя метафору, мы сможем восстановить картину мира, характерную для отдельного политика, определенной политической группы, всего дореволюционного российского общества. Тем самым в зеркале метафоры отразится сложный и противоречивый период отечественной истории. Одновременно мы сможем увидеть, каким образом дореволюционные парламентарии использовали язык с целью

воздействия, манипуляции, вербуя своих сторонников и направляя их мысль и деятельность в нужное русло.

В нашей работе анализ метафорики в парламентском дискурсе включил следующие этапы: 1) сбор контекстов употребления метафор (учитывая широкий подход к метафоре, выработанный в когнитивной лингвистике) и распределение их по метафорическим моделям; 2) сопоставление речей представителей разных политических групп в количественном (частотность живых метафор) и качественном аспекте (установление специфики использования одних и тех же метафорических моделей разными политическими группами); 3) определение речевых стратегий и тактик, реализуемых с помощью метафоры; 4) анализ различных способов дискредитации метафоры политического противника

1.3. Метафорические модели в парламентском дискурсе Российской империи

Одним из ведущих направлений современной политической лингвистики является **контент-анализ**, задача которого «сводится к выявлению связи между социально-политической жизнью общества и использованием политического языка, к поиску закономерностей функционирования политического дискурса, выраженных в статистической форме» [Современная политическая лингвистика, с. 26–27]. Уже в период становления политической лингвистики как самостоятельного направления У. Липпманн, П. Лазарсфельд, Г. Лассвелл использовали квантитативные методы в анализе политических текстов [Там же, с. 8–12]. С помощью контент-анализа лингвисты реконструируют по частоте употребления лексем ценностные ориентации общества, выявляют актуальные темы публичной политики, оценивают динамику изменения тематики политических дискуссий и т. д. [Малышева].

Важное место количественные методы заняли и в исследованиях по политической метафорологии: «политическая метафора представляет собой инструмент воздействия на социальное сознание, и характеристики этого воздействия, имеющие сугубо субъективную природу, нуждаются в числовом выражении, привязке к

точным показателям» [Зарипов, с. 141]. По мнению А.Н. Баранова, «лингвостатистический анализ метафорики текстов позволяет сделать вывод о языковых способах обсуждения тем, существующих в политическом дискурсе, и о том, какое влияние они оказывают на формирование коллективных политических предпочтений и установок граждан» [Баранов, 2014, с. 109]. Говоря о количественных исследованиях метафоры, в первую очередь нужно назвать работы К. де Ландтсхеер и ее коллег, в которых была выявлена корреляция между количественными показателями политических метафор и экстралингвистическими факторами (рост безработицы, приближение выборов, финансовый кризис и т. д.) [Vertessen, Landtsheer; Баранов, 2014, с. 216–218; Теория и методика лингвистического анализа политического текста, с. 232–237]. К. де Ландтсхеер и Д. Фертессен [Vertessen, Landtsheer] вычисляют индекс силы метафоры (*metaphor power index*), включающий три показателя: частотность метафор, их интенсивность (креативность [Баранов, 2014], экспрессивность [Зарипов]) и содержание метафорики (конфликтогенность [Зарипов]). Кроме того, лингвистов интересуют такие количественные показатели метафорических моделей, как частотность [Веснина, 2010а; Керимов, 2005], продуктивность [Будаев, 2011; Веснина, 2010а; Керимов, 2005], доминантность [Керимов, 2005], конгруэнтность [Будаев, 2011], денотативное и сигнификативное разнообразие, денотативная и сигнификативная стабильность, мощность, разветвленность и глубина [Баранов, 2014], «резонанс сфер-источников» (*resonance of source domains*) [Charteris-Black, 2004, p. 89] и т. д.

При использовании количественных методов в первую очередь следует четко определить, что берется в качестве единицы подсчетов. Напомним, что в когнитивной лингвистике в качестве объекта метафорологического исследования рассматриваются единицы, обладающие различной степенью образности (индивидуально-авторские, узуальные и генетические метафоры) и принадлежащие разным уровням языковой системы (не только лексические, но и словообразовательные и фразеологические единицы, которые строятся на метафоре), различные тропы (сравнение, метафорический эпитет, метаморфоза, ирония, гипербола, литота, режа — метонимия) [Резанова, с. 28; Резанова, Катунин, Мишанкина, с. 167; Чудинов, 2012,

с. 89–90]. Вместе с тем в конкретном исследовании выборка может иметь как сплошной, так и целенаправленный характер, в последнем случае используются те или иные ограничения при отборе метафор [Чудинов, 2013, с. 73]. Прежде всего это касается разграничения живых (креативных, окказиональных, речевых, индивидуально-авторских, контекстных) и мертвых (конвенциональных, узуальных, языковых, лексикализованных, стертых) метафор. Для количественного анализа дореволюционного парламентского дискурса мы выбрали в качестве единицы подсчетов только живую метафору. На наш взгляд, квантитативный анализ всего массива языковых и креативных метафор в большом корпусе текстов представляется проблематичным. Всегда существует вероятность того, что исследователь-лингвист не заметит, пропустит узуальную метафору, и тогда количественные показатели не смогут отразить объективную картину. На другую трудность сплошной выборки указывает А.П. Чудинов: «при таком подходе приходится рассматривать слишком много однообразных примеров» [Там же, с. 74].

Подсчитывая параметр креативности, отражающий силу образности и воздействия метафор на аудиторию, А.Н. Баранов вслед за К. де Ландтсхеер присваивает стертым метафорам наименьший вес [Баранов, 2014, с. 113–114]. По мнению И.М. Кобозевой, «только живая метафора отражает сознательно проведенную ГПС [говорящим политическим субъектом] когнитивную операцию концептуализации области-цели в категориях области-источника» [Кобозева, 2010, с. 43]. Использование окказиональной, контекстной, живой метафоры свидетельствует о наличии у говорящего определенных коммуникативных мотивов и намерений [Саиф, с. 165]. Таким образом, используя в качестве единицы подсчетов именно живую метафору, мы определяем, насколько часто политик **сознательно** обращается к той или иной сфере-источнику для метафорического представления политической реальности, а значит, и для воздействия на сознание адресата.

Итак, проводя количественный анализ дореволюционного парламентского дискурса, мы не учитывали стертые метафоры. Однако, как подчеркивает Дж. Чартерис-Блэк, граница между конвенциональными и неконвенциональными метафо-

рами не всегда четко очерчена, что объясняется разницей в индивидуальном языковом опыте [Charteris-Black, 2004, p. 17]. Поэтому в качестве формального критерия определения метафоры как лексикализованной будем считать фиксацию переносного значения в толковом словаре. Приведем примеры:

(2) *Найдет ли Россия в себе силу справиться с этой **язвой** произвола...?* (Ф.И. Родичев. 23.02.1909) [СЗС2Ч2, стб. 2256]. (3) *Спешино в период междудумья отбирались правительством все те существенные **завоевания**, которые сделаны были* (И.П. Покровский. 16.11.1907) [СЗС1Ч1, стб. 322]. (4) *Церковная школа принадлежит церкви, а потому не пытайтесь распространять сюда свои **аппетиты**...* (Н.Е. Марков. 25.10.1910) [СЗС4Ч1, стб. 478–479].

Все выделенные слова являются языковыми метафорами, прочно вошедшими в лексико-семантическую систему языка. Эти метафорические значения отмечены в словарях: *язва* — ‘зло, вред’, *завоевание* — ‘достижение, приобретение’, *аппетит* — ‘желание, стремление (преимущ. чувственное), жадность’ [Толковый словарь русского языка]. Хотелось бы особо подчеркнуть, что мы не умаляем значения подобных языковых, конвенциональных метафор, в которых «фиксирован общепринятый, стандартный способ осмысления некоторого понятия» [Баранов, 2014, с. 87]. Мы исключаем их из количественного анализа по вышеназванным причинам, но обязательно учитываем при характеристике метафорических моделей. Так, метафора *язва* относится к морбиальной метафорической модели, *завоевание* — к военной, а *аппетит* — к физиологической.

Обозначим, что мы понимаем под живой метафорой, т. е. метафорой, которая запускает в действие механизм концептуальной реконструкции денотата в терминах сферы-источника [Кобозева, 2010, с. 45]. В качестве единицы количественных подсчетов мы учитываем следующие случаи:

1. Одиночные метафоры, не фиксированные в толковых словарях: (5) *Началась медленная **гангрена** государственности...* (П.Н. Милюков. 22.05.1910) [СЗС3Ч4, стб. 2084]. (6) *Но впервые раздается возглас: «долой само-*

державие», «да здравствует конституция» — **залп** народовластия (В.М. Пуришкевич. 13.11.1907) [СЗС1Ч1, стб. 152]. Стоит отметить, что таких случаев не так много. Гораздо чаще живая метафора бывает представлена в развернутой форме, тогда мы имеем дело с «сюжетизацией» или «мифологизацией» метафоры [Мишланова, Уткина, с. 127]

2. Креативные развернутые метафоры (7) ...Если вы все эти национализмы **погрузите на левый борт** русского государственного **корабля**, этот **корабль опасно накренится и опрокинется**. И для того, чтобы исправить беду, вы должны, вы обязаны **на правый борт** русского государственного **корабля в противовес погрузить** русский государственный национализм; только тогда русский государственный **корабль станет прямо на ровный киль**, и только тогда **кормчие** получат возможность **вести этот корабль безбоязненно по бурному** житейскому **морю** (А.И. Савенко. 08.12.1912) [С4С1Ч1, стб. 417]. Вся развернутая метафора считается нами как один случай живой метафоры. Такого же подхода придерживается, в частности, Дж. Чартерис-Блэк [Charteris-Black, 2011, p. 60].

3. Различные способы оживления языковой метафоры [Баранов, 2014, с. 98–103], включающие прежде всего «контекстную поддержку со стороны неконвенциональных, живых метафор» [Кобозева, 2010, с. 43] и «актуализацию метафоры в идиоме» [Баранов, 2014, с. 100]: (8) ...Еще 10 лет с лишком тому назад наш Сенат вынес им [земским начальникам] самый суровый приговор, назвав их **язвой** страны. И в течение последнего десятилетия не могли удосужиться **вывести** эту **язву** из народного **тела**... (Т.О. Белоусов. 06.11.1909) [СЗСЗЧ1, стб. 1434–1435] (за счет введения компонентов **вывести из тела** оживляется лексикализованная метафора **язва**). (9) Я уже говорил, что депутат Вязигин здесь выступал в связи с вопросом об ассигнованиях и их отвержении, но депутат Вязигин выступал, так сказать, вскользь, речь и заявление его прошли совершенно незаметно. Это, так сказать, в данном деле была **первая ласточка**, или, вернее, **летучая мышь**, ...**которая сумерек еще не сделала** (И.П. Покровский. 31.03.1910) [СЗСЗЧЗ, стб. 2488–2489] (дефразеологизации подвергается пословица **одна ласточка весны не делает** за счет замены компонентов **ласточка — летучая мышь, весны — сумерек**).

4. Употребление в узком контексте нескольких лексикализованных метафор, относящихся к одной метафорической модели. Хотя этот случай не отличается той образностью и яркостью, которая характерна для рассмотренных выше случаев, на наш взгляд, его также можно отнести к живой метафоре. Поскольку говорящий использует две (или более) языковые метафоры, связанные одной метафорической моделью, их семантическая двойственность активизируется, в сознании говорящего и адресата восстанавливается живая связь между сферой-источником и сферой-мишенью и происходит «сюжетизация» метафоры: (10) *...Не говорите, что народное представительство завоевано, не говорите, что оно явилось результатом побед, потому что ваши завоевания, ваши победы кончились полным поражением* (Л.В. Половцов. 31.03.1910) [СЗСЗЧЗ, стб. 2499]. Несмотря на то, что в данном контексте используются только лексикализованные метафоры (*завоевать* ‘добиться чего-н., овладеть чем-н., приобрести борьбой, настойчивостью, умением’, *победа* ‘успех в каком-н. деле, достижение в результате преодоления, борьбы’, *поражение* ‘неудачный исход каких-н. действий, проигрыш в состязании, споре’ [Толковый словарь русского языка]), их совместное употребление активизирует милитарную метафорическую модель, подающую политическую борьбу как военные действия (ср. *завоевать* ‘приобрести войною, покорить посредством военных действий (чужую территорию)’, *победа* ‘боевой успех, поражение войск противника в бою, в сражении’, *поражение* ‘военная неудача, разгром’) [Там же].

5. Случаи актуализации метафоры с помощью прецедентных феноменов, среди которых выделяют прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентную ситуацию, прецедентное имя и др. [Гудков]. В дореволюционном парламентском дискурсе регулярно используется литературная метафора, в рамках которой мир политики рассматривается сквозь призму художественной литературы: (11) *...Русское правительство и реакционные элементы чувствуют, что они скоро очутятся в положении того волка, который «в деревню забежал, не в гости, а живот спасая»* (Н.С. Чхеидзе. 24.05.1910) [СЗСЗЧ4, стб. 2232] (отсылка к басне И.А. Крылова «Волк и кот»).

Уточнив характер выборки метафор, можно перейти к обсуждению количественных показателей. Прежде всего нас интересовал вопрос: существует ли связь между идеологией и особенностями метафорического представления реальности? Дж. Чартерис-Блэк полагает, что идеология влияет на использование языка, а значит, политические партии по-разному используют метафору [Charteris-Black, 2004, р. 65]. Л.В. Балашова также подтвердила это положение, обратив внимание на разницу в метафорическом моделировании концептов «свой» и «чужой» в дискурсах современных российских оппозиционеров — коммунистов и либеральных демократов [Балашова, 2014].

Обратимся к термину «идеология». Согласно «Новейшему политологическому словарю», идеология — это «система политических, правовых, религиозных, философских представлений, взглядов и идей, отражающих интересы, мировоззрение, идеалы людей, социальных групп, политических партий, общественных организаций и общества в целом» [Новейший политологический словарь, с. 100]. К основным политическим идеологиям относят консерватизм, либерализм и социализм. Выделяются следующие функции идеологии: ориентационная (задает направление общественного развития), мобилизационная (побуждает общество, социальные группы к активной политической деятельности), интеграционная (создает единое политическое сообщество), коммуникативная (формирует систему политического общения между представителями той или иной социальной группы) [Там же, с. 101]. К этим функциям можно добавить еще и когнитивную, поскольку «идеология — это коллективно вырабатываемая ценностно-смысловая сетка, помещенная между индивидом и миром и опосредующая его отношение к этому миру» [Косиков].

С.А. Громыко указывает: если в I и II Государственной думе основные различия в риторике депутатов носили сословный характер, то уже в III Думе «на смену сословным дискурсным формациям приходят собственно политические, так как начинают выделяться черты дискуссионной речи, характерные для кадетов, членов консервативно-охранительных партий, членов партий социалистического толка» [Громыко, 2011b, с. 84].

Для установления связи между использованием метафоры и политической идеологией нами было проанализировано 250 выступлений в Государственной думе Российской империи, при этом было взято по 70 речей правых (монархистов и националистов), левых (социалистов и трудовиков) и кадетов, придерживавшихся либеральных взглядов. Эти три группы наиболее сильно различаются по политической идеологии. Так, П.Б. Царьков отмечает, что на первом этапе развития российского парламентаризма (1906–1917 гг.) «либеральный дискурс думских политиков был противопоставлен государственно-монархическому дискурсу консерваторов и социал-демократическому дискурсу эсеров и большевиков» [Царьков, с. 58]. Чтобы представить общую картину дореволюционного парламентского дискурса, также было исследовано 15 речей представителей правительства (председателей Совета министров И.Л. Горемыкина, П.А. Столыпина, В.Н. Коковцова и министра юстиции И.Г. Щегловитова) и 25 речей октябристов.

Методом целенаправленной выборки были выделены все случаи использования живой метафоры — 1408 случаев, из них 491 случай был зафиксирован в речах правых, 414 — в речах левых и 318 — в речах кадетов. Три анализируемые группы далее были сопоставлены по такому количественному показателю, как **частотность живых метафор**. Вычисляя частотность метафор, К. де Ландтсхеер и Д. Фертессен делят общее количество зафиксированных метафор на количество слов в тексте [Vertessen, Landtsheer]. Поскольку в качестве материала нашего исследования использовались оцифрованные стенограммы, проблематично было посчитать количество слов в каждой речи и в расчет бралось количество столбцов (в одном столбце примерно 250–330 слов). Чтобы определить метафоричность речей определенной политической группы, количество живых метафор мы разделили на общее количество столбцов. В результате был получен почти одинаковый индекс метафоричности правых и левых — 0,58 и 0,57 соответственно. Иными словами, на 100 столбцов в речах правых приходится примерно 58 живых метафор, в речах левых — 57. Индекс метафоричности в речах кадетов гораздо ниже — 0,37 (в полтора раза меньше, чем у правых и левых). Наши результаты подтверждают распространенный тезис о том, что дискурсы крайних политических направлений схожи с

точки зрения языковых особенностей. На это, в частности, указывает Т.С. Вершинина: «...Представители более радикальных политических течений (независимо от того, “правый” это или “левый” уклон) прибегают к более ярким, последовательно выстроенным, развернутым метафорическим построениям, нежели представители умеренных взглядов, у которых метафоры носят, как правило, автономный, стертый характер» [Вершинина, с. 196]. В этой связи примечательно, что до революции черносотенцев часто называли «революционерами справа». Несмотря на то, что представители Конституционно-демократической партии находились в оппозиции к правительству, стиль их выступлений в целом был более спокойным и нейтральным. Центральное место в их речах занимали рациональные аргументы, скрупулезный анализ документов и законов, как определил это П.Н. Милюков, «строго юридическая аргументация», поэтому к живым метафорам они прибегали реже. Тем не менее следует отметить, что нельзя говорить о каком-то едином стиле ораторов-кадетов [Патрикеева, 2013; Патрикеева, 2014]. Наши данные также показывают, что и в их речах встречаются яркие, развернутые метафоры, особенно в выступлениях Ф.И. Родичева.

Кроме показателя плотности живых метафор, нас интересовал вопрос, к каким сферам-источникам сознательно обращались дореволюционные парламентарии для концептуализации социально-политической действительности. Поэтому все примеры живых метафор мы распределили по метафорическим моделям. В основу этой процедуры была положена классификация метафорических моделей, представленная в монографии А.П. Чудинова [Чудинов, 2001]. В ней были выделены следующие метафорические модели: физиологическая, морбиальная (болезни), родства (семейная), криминальная, милитарная (войны), игровая, зооморфная (животная, анималистическая), фитоморфная (растительная), дома, механизма. В связи с тем, что сексуальные и театральные метафоры, отмеченные А.П. Чудиновым, в дореволюционном парламентском дискурсе мало представлены, в нашей классификации они вошли в состав физиологической метафоры и метафоры искусств соответственно. Кроме того, этот перечень был дополнен метафорой неживой

природы (натурморфной) [Кондратьева, 2015b; Чудакова], религиозной [Кондратьева, 2014; Романова], пути (объединенной с метафорой транспорта), литературной [Баранов, 2014], гастрономической (еды), текстильной (одежды) [Керимов, 2005], а также несколькими другими малочастотными моделями: квисквилиарной, т. е. мусорной [Дзюба], экономической, педагогической и т. д. В целом в дореволюционном парламентском дискурсе нами было выделено 25 метафорических моделей.

Важным признаком метафорической модели является **продуктивность** — «возможность появления все новых и новых вторичных значений, соответствующих модели» [Чудинов, 2001, с. 178]. Разные исследователи по-разному производят расчеты этого показателя. Р.Д. Керимов подсчитывает, сколько лексем могут получать вторичное значение в соответствии с данной моделью [Керимов, 2005, с. 61], Э.В. Будаев называет этот показатель индексом продуктивности [Будаев, 2011, с. 178]. Л.Е. Веснина же определяет продуктивность той или иной метафорической модели не по количеству метафорически переосмысленных наименований, а по количеству задействованных фреймов и слотов [Веснина, 2010а, с. 68–69]. По нашему мнению, на продуктивность метафорической модели также может указывать количество относящихся к ней живых метафор. Чем чаще политики сознательно обращаются к определенной сфере-источнику для создания живых метафор, тем продуктивнее будет соответствующая метафорическая модель.

В табл. 1 представлено распределение живых метафор по 15 наиболее продуктивным метафорическим моделям в дореволюционном парламентском дискурсе в целом и в трех группах (правые, левые, кадеты).

Из табл. 1 видно, что наиболее продуктивными метафорическими моделями в дореволюционном парламентском дискурсе являются физиологическая, милитарная, морбиальная и неживой природы. Чуть меньшей продуктивностью обладают метафоры литературы, дома и зооморфная. Эти семь метафорических моделей, обладающие частотностью выше 5 % в дискурсе в целом, представлены в первой десятке и в каждой отдельной политической группе (правые, левые, кадеты), поэтому в качестве наиболее продуктивных метафор дореволюционного парламентского дискурса они будут охарактеризованы далее.

Продуктивность метафорических моделей в дореволюционном парламентском дискурсе

Метафорическая модель	Дореволюционный парламентский дискурс в целом (1408 примеров — 100 %)	Правые (491 пример — 100 %)	Левые (414 примеров — 100 %)	Кадеты (318 примеров — 100 %)
1. Физиологическая	11,7 %	12,0 %	15,0 %	8,8 %
2. Милитарная	11,0 %	12,6 %	8,2 %	15,1 %
3. Морбиальная	10,2 %	6,7 %	10,1 %	15,4 %
4. Неживой природы	9,7 %	12,4 %	7,5 %	7,5 %
5. Литературная	6,8 %	6,7 %	8,7 %	5,3 %
6. Дома	6,8 %	5,3 %	5,4 %	7,2 %
7. Зооморфная	6,6 %	7,1 %	8,4 %	6,0 %
8. Семейная	4,4 %	6,5 %	3,7 %	2,8 %
9. Криминальная	4,3 %	4,3 %	5,2 %	4,1 %
10. Искусств	4,2 %	3,7 %	4,2 %	2,5 %
11. Пути	3,9 %	4,7 %	1,6 %	5,7 %
12. Религиозная	3,8 %	3,1 %	5,2 %	3,5 %
13. Фитоморфная	3,6 %	3,1 %	1,9 %	5,3 %
14. Одежды	2,0 %	2,2 %	2,1 %	2,2 %
15. Экономическая	2,0 %	1,0 %	1,6 %	4,4 %

Как отмечает А.П. Чудинов, «каждая историческая эпоха приносит новую систему концептуальных политических метафор» [Чудинов, 2013, с. 104], поэтому любопытно сопоставить метафорику дореволюционного парламентского дискурса с метафорику постсоветского политического дискурса, опираясь на исследования отечественных лингвистов [Баранов, 2014; Будаев, 2006; Феденева; Чудинов, 2001]. В общем и целом можно сказать, что наиболее продуктивные сферы-источники метафорической экспансии совпадают («Организм», «Война», «Болезнь», «Мир неживой природы», «Дом, здание», «Мир животных»). С одной стороны, нельзя выделить такую метафорическую модель, которая была бы особенно продуктивна в дореволюционном политическом дискурсе, но мало встречалась бы в современном, что может свидетельствовать о преемственности отечественной политической коммуникации. С другой стороны, есть такие метафорические модели, которые ча-

стотны и продуктивны в современном политическом дискурсе, но редко использовались в дореволюционном. Это относится прежде всего к театральной, спортивной и механистической метафоре. Примеры театральных метафор встречаются в речах дореволюционных парламентариев, но не настолько часто, поэтому мы рассматривали их в составе общей метафорической модели искусств. На метафору механизма приходится только 1 % живых метафор, при том что лексикализованные метафоры, относящиеся к этой модели (*двигатели хозяйственной жизни, правительственный механизм, государственная машина*), достаточно частотны. Наконец, в дореволюционном парламентском дискурсе представлены только единичные примеры спортивной метафоры, такой популярной в современном политическом дискурсе. По всей вероятности, активизация этих трех метафорических моделей в более поздний период была обусловлена экстралингвистическими факторами, однако наши выводы носят характер попутных замечаний и не претендуют на окончательность и безусловность, поскольку «выявление особенностей миромоделирования русской нации на разных этапах ее развития» — сложная и многогранная проблема, являющаяся предметом диахронической метафорологии [Кондратьева, 2015b], а в нашем исследовании представлен ретроспективный анализ, направленный на изучение явлений, характерных для определенного исторического периода [Методика диахронического анализа политической метафорики, с. 18].

Хотелось бы подчеркнуть, что, на наш взгляд, не следует абсолютизировать роль количественных методов в метафорологических исследованиях. В подобных подсчетах неустраним фактор субъективности: «детальные подсчеты — вещь довольно условная, здесь слишком многое зависит от того, что считать и как считать» [Чудинов, 2001, с. 180]. Однако, как справедливо замечает Р.И. Зарипов, «результаты расчетов стремятся к более объективным числовым характеристикам при увеличении количества метафорических единиц в выборке» [Зарипов, с. 152]. При достаточном объеме анализируемого корпуса текстов статистические показатели могут служить вспомогательным средством при анализе метафорики, демонстрируя самые общие закономерности и намечая возможные пути исследования.

Итак, сферами-источниками, к которым чаще всего обращаются политики разных направлений для создания живых метафор, являются следующие понятийные области: «Организм», «Война», «Болезнь», «Мир неживой природы», «Литература», «Дом», «Мир животных». На эти семь метафорических моделей приходится примерно 63 % всех живых метафор в речах правых и левых и 65 % в речах кадетов. Таким образом, соответствующие метафорические модели обладают наибольшей продуктивностью в дореволюционном парламентском дискурсе. Еще раз подчеркнем, что осуществляя количественные подсчеты, мы учитывали только живые метафоры. Однако необходимо иметь в виду, что «окказиональные метафоры базируются на общеязыковых моделях аналогического межкатегориального уподобления и лишь на основании привлечения этих данных могут быть проинтерпретированы» [Резанова, Катунин, Мишанкина, с. 165–166]. Поэтому, переходя к характеристике конкретных метафорических моделей, будем рассматривать единый континуум метафор — от лексикализованных до креативных. Лексикализованные метафоры являются общепринятыми и высокочастотными, они составляют каркас той или иной метафорической модели. В свою очередь, креативные метафоры расширяют уже используемые части модели или относятся к ее неиспользованной части.

Физиологическая метафора. Как отмечает А.П. Чудинов, «физиологическая метафора — одна из наиболее традиционных и детально структурированных в отечественном политическом дискурсе. <...> Исходная сфера русской политической метафоры рассматриваемого типа — это „наивные“ представления человека о своем теле, его частях (органах), их функциях и физиологических действиях» [Чудинов, 2001, с. 59]. Государства, партии, различные организации сравниваются с человеческим организмом, а действия и состояния в социально-политической сфере — с физиологическими процессами: дыханием, питанием, сном и т. п. Поскольку рассматриваемая метафорическая модель занимает первое место по продуктивности и, кроме того, она способна профилировать самые различные прагматические смыслы, остановимся на ней более подробно. Используя структуру фи-

зиологической модели, предложенную А.П. Чудиновым в [Там же, с. 59–68], охарактеризуем ее фреймы и слоты, наиболее типичные для дореволюционного парламентского дискурса.

Фрейм «Тело (организм) человека». Представление государства как человеческого тела является одной из древнейших политических метафор [Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 22, с. 96]. В состав данного фрейма входит высокочастотная лексикализованная метафора *организм* ('всякое сложное единство, в своих специфических признаках не сводимое к составным частям' [Толковый словарь русского языка]): (12) *Я говорю о России в совокупности, не об отдельных частях ее государственного **организма*** (В.А. Маклаков. 07.12.1912) [С4С1Ч1, стб. 328].

Главная идея, высвечиваемая метафорами фрейма «Тело человека», — единство, нераздельность российского государства — особенно важна для дискурса правых, в политических программах которых выражен следующий тезис: «Все попытки к расчленению России под каким бы то ни было видом недопустимы. Россия едина и неделима» [Черная сотня, с. 7]. Эта идея представляется и с помощью «оживления» языковой метафоры *государственный организм*:

(13) *...Пусть же сами инородцы, населяющие Российскую империю, смотрят... на себя как на **нераздельную часть единого живого государственного организма***... (епископ Евлогий. 04.12.1909) [С3С3Ч1, стб. 2998].

В рамках метафоры организма любые сепаратистские тенденции рассматриваются как попытка отрубить от тела какую-то его важную часть. Активно эта метафора используется при осмыслении украинского вопроса, наиболее болезненного для правых:

(14) *...Если, господа, им удастся **вбить клин в живое и целое тело русского народа**, если им удастся расколоть русский народ на две различных враждебных части, то это грозит, господа, **смертельной опасностью** великому русскому государству* (А.И. Савенко. 01.06.1913) [С4С1Ч3, стб. 606].

Фрейм «Физиологические органы». Концептуальная метафора «Государство — это организм» представляет каждый социальный класс как определенный

орган человеческого тела и устанавливает жесткую иерархию общественных отношений. Чтобы организм нормально существовал, все его части должны слаженно работать [Ringmar]. К метафорам данного фрейма искони обращались представители политических элит для удержания власти. Так, согласно легенде, древнеримский сенатор Агриппа умиротворил взбунтовавшихся плебеев, сравнив государство с организмом, в котором мозг — это патриции, а руки — это плебеи: «И если человек погибнет, когда его органы перестанут слушать голову и выполнять ее приказы, то и государство погибнет, если его граждане не будут выполнять то, что является их естественной обязанностью, перестанут исполнять приказы головы, которой являются патриции» [Невельская-Гордеева, Шестопап, с. 77].

Рассуждения, построенные на той же метафоре, что и у древнеримского сенатора Агриппы, находим в речах правых депутатов Государственной думы, оправдывавших традиционное сословное деление русского общества:

(15) Ведь если в нашем стремлении к справедливости... перейти известные пределы, то его можно будет уподобить тому, как если бы руки и ноги вашего тела заявили рту: это несправедливо, что ты кушаешь, а мы только работаем. Это было бы нелепо, ибо руки, ноги и рот суть члены одного живого тела, как землевладельцы и земледельцы и все прочие классы суть члены одного живого государственного тела (Н.Е. Марков. 06.11.1908) [СЗС2Ч1, стб. 926].

Фрейм «Физиологические действия». Данный фрейм, состоящий из слотов «Питание, пищеварение и смежные процессы», «Сон (и его фазы)», «Рождение, смерть и смежные концепты», «Дыхание» и др., является наиболее продуктивным в рассматриваемой модели, к нему активно обращаются представители разных политических направлений.

Слот «Рождение, смерть и смежные концепты». Поскольку политики сравнивают различные организации и учреждения с человеческим организмом, их возникновение часто представляется как рождение (16), а прекращение их деятельности — как смерть (17):

*(16) Не отстают от них [крайне правых] и та часть населения, которая представлена в стенах Государственной думы **новорожденной** фракцией русских*

националистов (Е.П. Гегечкори. 13.11.1909) [СЗСЗЧ1, стб. 1888]. (17) ...*Земство* исчезло, земские собрания не собираются, никакая сила в мире не в состоянии их *оживить*. ...*Земство*, как орган, здесь *умерло*, и в тех его старых рамках здесь *воскресить* его не удастся... (А.И. Шингарев. 08.12.1912) [С4С1Ч1, стб. 437].

Метафора рождения также может высвечивать каузативные отношения — причинно-следственную связь одного события с другим. Оппозиционные депутаты (кадеты и левые) считали незаконными изменения избирательной системы («третьеиюньский переворот»), принятые после досрочного роспуска Думы II созыва и дававшие приоритет избирателям с высоким имущественным цензом. Третью Государственную думу оппозиционеры рассматривали как организм, рожденный незаконной избирательной реформой:

(18) ...*Счастье наше, что вы не являетесь народными представителями, что вы, господа, рожденные* незаконным актом 3 июня, *рожденные в беззаконии*, и можете совершать только беззакония... (А.А. Булат. 22.05.1910) [СЗСЗЧ4, стб. 2103]. (19) *Господа, здесь дело идет о законности вашего рождения. Третья дума во грехе была зачата, она была зачата* после акта 3 июня, который само правительство признает беззаконным. «*В беззакониях зачат есмь*», — могли бы сказать про себя вожди Третьей Государственной думы (Ф.И. Родичев. 23.01.1913) [С4С1Ч1, стб. 987]. В примере (19) кадетский депутат усиливает негативно окрашенную метафору рождения с помощью прецедентного высказывания — слов из 50-го псалма («Се бо в беззакониях зачат есмь, и во гресех роди мя мати моя»), что должно подчеркнуть изначальную греховность, порочность III Думы.

Российский политик начала XX в. мыслит антитезами, и одним из доминантных становится противопоставление «живое — мертвое». Все, что ассоциируется с жизнью, оценивается положительно, со смертью — отрицательно. Поэтому с помощью метафоры смерти депутаты создают пейоративный образ своего политического противника: политика, которую тот защищает, ведет к гибели государства. Например, в рамках метафоры смерти левые депутаты описывают наступившую после революции 1905 г. реакцию:

(20) ...*Вся страна приведена в состояние, можно сказать, бездыханного трупа...* (Н.С. Чхеидзе. 09.03.1911) [СЗС4Ч3, стб. 433]. (21) ...*Теперь, в период безвременья, ...всякая общественность на Руси погибла, ...над мертвым полем общественности реет только кровавый дух полицейской государственности...* (И.П. Покровский. 28.11.1909) [СЗСЗЧ1, стб. 968].

В данных контекстах оппозиционные политики задействуют тактику, которую Н.Б. Руженцева называет тактикой создания «образа похорон»: политическая ситуация представляется как безнадежно устаревшая, отжившая и достойная лишь «погребения» [Руженцева, с. 188]. При этом, по мнению левых, «могильная тишина» реакции непременно должна смениться возрождением — революцией:

(22) ...*И настанет, господа, година свободы, и сметет грозное народное движение этот гнусный старый порядок; и там, где было кладбище, возродится жизнь свободная...* (Т.О. Белоусов. 21.02.1909) [СЗС2Ч2, стб. 2181].

Слот «Сон (и его фазы)». В рамках понятий сна — пробуждения политики характеризуют этапы общественной пассивности и активности. Опасно находиться в состоянии сна, поскольку в это время враг может нанести удар. Сон может означать смерть.

Как спящий организм правые парламентарии обычно описывают правительство, не обращающее должного внимания на революционную деятельность: (23) *Что же делало правительство в такой момент? Оно спало, и мы видим из дальнейшего, что сон его был настолько глубокий, что события, которые развивались после 1903 г., не могли разбудить его и заставить положить предел этому революционному движению* (В. М. Пуришкевич. 16.02.1911) [СЗС4Ч2, стб. 2169]. С точки же зрения левых депутатов, долгое время спали общественные силы, не проявлявшие достаточной энергии для борьбы с правительством, но после революции 1905 г. они активизировались, проснулись: (24) *Неудивительно ли, господа, что душа народа, имеющего тысячелетнюю историю, душа эта спала почти непробудным сном, но стоило только подняться революционной волне, как душа эта вздрогнула и проснулась?* (Н.С. Чхеидзе. 27.04.1911) [СЗС4Ч3, стб. 2978].

Перед лицом надвигающейся опасности нужно быть бдительным и собранным как никогда, поэтому прагматически обдуманым оказывается выбор функций, приписываемых участникам политических действий. Себя оратор, опираясь на слот «Сон», может позиционировать как того, кто призывает к активным действиям, будит общественное сознание (25, 26). В свою очередь, противник изображается им как субъект, во что бы то ни стало пытающийся ввести общество в состояние сна, загипнотизировать, чтобы в нужный момент уничтожить (27):

(25) ...Мы хотим, чтобы запросы наши... были тем **momento mori**, которое бы напоминало стране, что мы **бодрствуем** и никогда **не просним** той страницы русской истории, которая может обернуться нам на вечную **погибель** (В.М. Пურიшкевич. 13.05.1908) [СЗС1ЧЗ, стб. 704]. (26) Пусть обличающий голос представителей народа пронесется по всей стране и **разбудит** к борьбе всех тех, которые еще не **проснулись**. Дума законодательным путем организует и спланирует **пробужденные** массы (И.Г. Церетели. 06.03.1907) [С2С2Т1, стб. 126]. (27) ...Им нужны, господа, **гипнотизеры, усыпляющие** народную совесть и затемняющие народное самосознание... (Н.С. Чхеидзе. 09.03.1911) [СЗС4ЧЗ, стб. 433].

Стоит отметить, что традиция использования гипнотических метафор (сна и бодрствования) восходит к Священному Писанию [Кондратьева, 2015b, с. 92]. В Библии со сном по большей части ассоциируются негативные образы, он сравнивается с состоянием греховности и распущенности, в то же время дух бодрствования превозносится как добродетель, в частности потому, что он позволяет быть внимательным к слову Божьему. Кроме того, бодрствование отождествляется с воскресением в противоположность состоянию сна — смерти [Словарь библейских образов, с. 914, 1125–1126].

Слот «Питание, пищеварение и смежные процессы». Данный слот характеризуется концептуальным вектором жестокости, агрессивности и используется прежде всего для указания на непомерные и незаконные желания политического противника. Наиболее частотной при этом оказывается языковая метафора *аппетиты*, причем в представлении правых ненасытным аппетитом обладают национальные меньшинства, стремящиеся расширить свою автономию (28), в то время

как оппозиционеры подобным образом изображают правительство и консерваторов, желающих урезать права граждан (29, 30):

(28) ...Русскому правительству невозможно обещать интересы русского народа, права русского государства и **удовлетворить аппетиты** финляндских сепаратистов (Н.Е. Марков. 12.05.1908) [СЗС1Ч3, стб. 387]. (29) Но в том-то и дело, что **аппетит приходит во время еды**, в том-то и дело, что ваши требования будут увеличиваться прямо пропорционально уступчивости финляндских властей (Е.П. Гегечкори. 12.05.1908) [СЗС1Ч3, стб. 408]. (30) Но нам говорят, что у Финляндии была вековая конституция. Тем лучше — отвечают нам на это, мы, говорят, простите за выражение, одну свою конституцию уже **слопали**, а теперь позвольте **сожрать** и финляндскую конституцию (Н.С. Чхеидзе. 24.05.1910) [СЗСЗЧ4, стб. 2223]. В примере (30) агрессивный характер действий противника подчеркивается с помощью использования стилистически сниженных, экспрессивно окрашенных глаголов *слопать* и *сожрать*.

Слот «Дыхание». Данный слот особенно часто задействуется в речах левых депутатов. Человек дышит тогда, когда у него есть возможность пользоваться своими правами и свободами, в свою очередь, в бесправном обществе он задыхается. Представление концепта «свобода» как жизненно важной функции организма свидетельствует о его особой значимости именно в оппозиционном дискурсе:

(31) ...Наше правительство не может вынести, чтобы какой-нибудь народ свободно **дышал** и не был угнетен экономически и духовно (А.А. Булат. 22.05.1910) [СЗСЗЧ4, стб. 2101]. (32) ...[После объявления автономии] **высшая школа... вздохнула** свободно с устранением полицейской опеки, с изгнанием шпионажа и сыска, с изгнанием атмосферы полицейщины (Е.П. Гегечкори. 23.02.1911) [СЗС4Ч2, стб. 2720]. (33) ...Русскому гражданскому обществу необходимы правовые нормы, чтобы оно не **задохлось** и не погибло окончательно (И.П. Покровский. 20.01.1909) [СЗС2Ч2, стб. 38–39].

Остальные продуктивные метафорические модели опишем более кратко, не останавливаясь на их фреймово-слотовой структуре и выявляя прежде всего их прагматический потенциал.

Милитарная метафора. А.П. Чудинов отмечает: «Милитарная метафора навязывает обществу конфронтационные стереотипы решения проблем, ограничивает поиск альтернатив в социальном развитии» [Чудинов, 2001, с. 105]. Тем не менее она является одной из наиболее частотных и продуктивных метафорических моделей отечественного политического дискурса, как современного, так и советского и дореволюционного. Возможно, причина этого кроется в том, что политика — это всегда борьба, спор за власть, а спор зачастую воспринимается как сражение двух соперников не только в англоязычной культуре, как показали Дж. Лакофф и М. Джонсон [Лакофф, Джонсон, 2004], но и в других западных культурах, в том числе и русской. Политическая сфера полна конфликтов и столкновений, и именно милитарная метафора лучше всего «схватывает» это представление о непримиримой борьбе.

В речах дореволюционных парламентариев всех политических направлений борьба различных общественных сил регулярно представляется как война, но при этом по-разному распределяются роли нападающей и обороняющейся стороны. В речах правых политиков революционеры и представители национальных меньшинств, борющиеся за свои права, изображены как вражеская армия, напавшая на Россию. Подчеркивается, что революционеры и инородцы наступают по всему фронту, занимают центральные позиции, правительство же и русские патриоты терпят поражения, отступают, вместо того чтобы укреплять позиции, обороняться, не уступать ни пяди, *высоко держать знамя русской государственной идеи*:

(34) *Ведь когда борются две стороны, когда одна, революция, **нападает**, другая, власть, кое-как **обороняется**, то, очевидно, добрую волю должна проявить прежде всего та сторона, которая **нападает**. <...> Да, мы боремся, но, я утверждаю, мы ведем **оборонительную войну**, на нас **наступают**, — **воинствующими** являются другие, мы только культурно **обороняемся*** (А.И. Савенко. 08.12.1912) [С4С1Ч1, стб. 410].

В свою очередь, в оппозиционном дискурсе правительство — это нападающая сторона, а простой народ и представители национальных меньшинств изображены как жертва военной агрессии:

(35) Дело ясно, что инородцам вообще **объявлена война по всей линии** (Н.С. Чхеидзе. 08.03.1910) [СЗСЗЧЗ, стб. 36]. (36) **Против национальностей, входящих в состав Российской империи, объявлен крестовый поход**: Финляндия лишена конституции; против евреев воздвигаются такие гонения, которых не знали даже в Средние века (Е.П. Гегечкори. 23.02.1910) [СЗСЗЧЗ, стб. 2722]. (37) ... Что побуждает правительство устраивать «**мамаево побоище**» этих профессиональных союзов? (П.В. Герасимов. 28.10.1909) [СЗСЗЧЗ, стб. 975].

При этом оппозиционеры, в особенности социалисты, сами готовы вести активные военные действия с властью:

(38) ...Социал-демократия, **под знаменем** которой была **одержана** первая **блестящая победа**, должна взять на себя и инициативу защиты или **удержания за собой отвоеванной позиции** (Е.П. Гегечкори. 26.03.1910) [СЗСЗЧЗ, стб. 1975]. (39) Российская социал-демократия является **отрядом** международной **армии** социалистического пролетариата (Р.В. Малиновский. 07.12.1912) [СЗСЗЧЗ, стб. 321].

Морбиальная метафора. Государство изображается как огромный живой организм, которому угрожает болезнь. Как отмечают З.И. Резанова и К.С. Шиляев, «в данной модели значимыми являются смыслы деструкции, повреждения, что в сочетании с антропоморфными смыслами актуализирует смысл „боль“, имплицитно модулирующий модусы сочувствия, сопереживания субъекту» [Резанова, Шиляев, с. 223]. В составе морбиальной модели много лексикализованных, высокочастотных метафор. Социально-политические проблемы метафорически обозначаются как *больной вопрос, больное место, болезнь, разложение, язва, яд, отравка, угар, паралич, недуг, гнойник, зараза, рецидив, рана* и т. д. Наиболее болезненные вопросы облачаются в форму развернутой метафоры:

(40) В новый правовой организм **вторглось инородное тело, вонзилась заноза**, которая грозит **отравить кровь и расстроить кровообращение**. Дума рано или поздно должна будет эту **занозу вынуть**, она должна будет вернуть Россию на путь законности [о третьеиюньском перевороте] (П.Н. Миллюков. 13.11.1907)

[СЗС1Ч1, стб. 149]. (41) ...*Вопрос [о провокации] старый, вопрос застарелый, процесс **хронически** длительный, **язва** чересчур глубоко проникла, приняла омерзительный, гадкий вид и грозит **заразить** весь правительственный **организм**, поэтому дальше медлить нельзя, необходимо применить радикальную **операцию*** (И.П. Покровский. 20.01.1909) [СЗС2Ч2, стб. 37].

Сфера-мишень морбиальной метафоры зависит от политической позиции говорящего. Правые политики как болезненные явления изображают прежде всего «разлагающее влияние» инородцев, революционное и сепаратистское движение (*революционная саркома, революционный угар, яд пропаганды*). В свою очередь, в речах оппозиционеров в терминах болезни осмысляются деятельность правительства, правых партий, полицейский произвол, национализм (*яд доносительства, рецидив крепостнических взглядов, обнажающаяся язва административных приемов, психоз национализма*). Особое внимание левые уделяют эксплуатации трудящихся масс (*помещики — паразиты, которые живут на народном теле и высасывают из него народные соки*), а кадеты — нарушению закона (*гипертрофия полиции и атрофия закона*).

Морбиальная метафорическая модель включает в себя сценарий: если государство больно, ему следует незамедлительно поставить диагноз и назначить правильное лечение, при этом процесс выздоровления может оказаться длительным и тяжелым. Политический курс, предлагаемый оратором, предстает как комплекс мер по оздоровлению организма:

(42) *Для того, чтобы излечить какую-либо болезнь, надо правильно поставить ей диагноз, надо узнать причины этой болезни. Корни того злого недуга, который грозит смертью холмскому русскому народу, уходят в глубь истории* (епископ Евлогий. 25.11.1911) [СЗС5Ч1, стб. 2654]. (43) ...*Вся Россия отдана на разгром жандармам и полиции, сыщикам и тюремщикам; и мы думаем, что нужно более радикальное средство для лечения России от этого недуга* (И.П. Покровский. 10.12.1908) [СЗС2Ч1, стб. 2499–2500]. (44) *Государственный переворот иногда ведет к благу, как хирургическая операция к выздоровлению* (В.А. Маклаков. 29.10.1911) [СЗС5Ч1, стб. 820].

Метафора неживой природы. В составе обширной метафорической модели неживой природы выделяются субмодели, фреймы и слоты, существенно различающиеся по прагматическому потенциалу и выражаемой оценке. Особое место занимает метафорика стихийных бедствий, в рамках которой общественно-политические события изображаются как разрушительные природные явления. Объектом метафорического осмысления в речах членов Государственной думы Российской империи регулярно выступает революция, как уже свершившаяся (революция 1905–1907 гг.), так и та, которую одни с нетерпением ждут (левые), а другие боятся (правые). Примечательно, что революционные события образно представляются в виде стихийного бедствия как революционерами, так и консерваторами (*пожар революционной борьбы, революционная буря, ураган революции, молния революции, революционная волна* и т. д.), но если для правых это сила разрушительная, губительная (45), то для левых — скорее, очищающая атмосферу и уничтожающая старое (46):

(45) ...Тогда [во время революции] придет **девятый вал**, который **сметет** и октябристов, и националистов, и правых (В.М. Пуришкевич. 07.12.1912) [С4С1Ч1, стб. 312]. (46) Но наступил, господа, злосчастный для вас 1905 год, и **блеснула прекрасная, как гроза в весеннюю пору, революция**, и душа гиганта **вздрогнула и проснулась** (Н.С. Чхеидзе 27.04.1911) [С3С4Ч3, стб. 2979].

Важно, что в примере (46) метафора «Революция — это гроза» сочетается с антропоморфной метафорой «Народ — это проснувшийся организм». Как уже было сказано, вступление в активную политическую борьбу метафорически представляется как пробуждение, и именно революция вызывает его.

Литературная метафора. Й. Цинкен указывает, что, кроме корреляционных метафор, проецирующих телесный опыт на абстрактные сферы, существуют метафоры интертекстуальные, с помощью которых новые события сопоставляются с определенными культурно значимыми явлениями. В качестве источника таких метафор выступает семиотический опыт, а именно стереотипы, культурно значимые тексты, фильмы, произведения искусства, школьные знания и т. д. [Zinken, p. 509].

Значительная часть интертекстуальных метафор связана с прецедентными текстами, под которыми понимаются тексты, фиксированные в сознании носителей языка данной языковой общности, представляющие факт культуры и актуализирующие некоторую ситуацию [Баранов, 2014, с. 101]. По словам Д.Б. Гудкова, «прецедентный текст знаком любому среднему члену лингвокультурного сообщества, в когнитивную базу входит инвариант его восприятия, обращение к нему многократно возобновляется в процессе коммуникации через связанные с этим текстом высказывания и символы» [Гудков, с. 406]. По нашим наблюдениям, в качестве главных источников интертекстуальных метафор в дореволюционном парламентском дискурсе используются такие прецедентные тексты, как басни (прежде всего И.А. Крылова) и библейский текст, реже парламентарии обращаются к произведениям Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.С. Пушкина, народным сказкам, античной мифологии. Подобные случаи осмысления политической сферы сквозь призму художественного или библейского текста мы относим к литературной метафоре (метафорическая модель литературы, в частности, выделена в [Баранов, 2014, с. 513–547]). Приведем примеры «басенных» метафор:

(47) *И вот, господа, если вы вникнете в эти взаимоотношения, то не увидите фактически объединенного кабинета, вы увидите то, что **Крылов рисовал в басне «Лебедь, рак и щука»**, вы увидите полное отсутствие единства...* (В.М. Пуришкевич. 07.12.1912) [С4С1Ч1, стб. 304]. (48) *...Каждый раз он [Маклаков] попадает в **положение крыловского повара**. Сколько раз он был очевидцем того, что у господ октябристов от их конституции остаются только **объедки**, но Василий Алексеевич не унывал. Теперь, что же он видит? Он видит, что конституционные **васьки** за стенами Таврического дворца припали и уже трудятся над финляндским конституционным **курчонком**, и что же, господа, он опять-таки не унывает* (Н.С. Чхеидзе. 24.05.1910) [С3С3Ч4, стб. 2223–2224].

В примере (48) левый депутат Н.С. Чхеидзе иронически представляет ту роль, которую играют в Думе кадеты, в частности В.А. Маклаков: наблюдая, как октябристы во всем идут навстречу правительству и урезают права граждан, представители Партии народной свободы тем не менее продолжают увещать их, ссылаясь на

конституцию. Эта ситуация напоминает Н.С. Чхеидзе сюжет крыловской басни «Кот и повар», ставшей источником прецедентного высказывания «А Васька слушает, да ест», которое цитируется как упрек в адрес тех, кто тратит свое красноречие там, где нужно просто «власть употребить» [Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений, с. 8]. Таким образом, конституция и права граждан изображаются как курчонок, которого поедает кот Васька (правительство и поддерживающая его часть Думы). Кадеты же играют смехотворную роль повара, который напрасно пытается образумить кровожадное правительство. В тех случаях, когда сферой-источником литературной метафоры выступают басни, мы обычно имеем дело с сочетанием метафорических моделей. Так, в примере (48), помимо литературной метафоры, используются зооморфная, физиологическая (слот «Питание») и гастрономическая метафора.

Если «басенные» метафоры имеют преимущественно ироническую окраску, то сопоставления современных политических событий с сюжетом Библии чаще всего служат созданию пафосного образа. Причем задействуются они весьма активно в речах не только правых (49), но и социалистов (50):

(49) *Мы не боимся суда вашего, ибо мы уверены, что **трубы** ваши, как бы они ни были громки, они не иерихонские трубы и что **трубы** ваши не заставят пасть русскую государственность...* (В.М. Пуришкевич. 17.11.1907) [СЗС1Ч1, стб. 375]. (50) *Видя, господа, это препирательство и грызню между господами союзниками и администрацией, мне вспоминается одно место из Евангелия, где сказано, что распявшие Его делили одежды Его, бросая жребий, кому что **взять**. Да, господа, вы и ваше правительство в продолжение веков **распинали** трудящиеся массы не только на Кавказе, но и во всей России* (Н.С. Чхеидзе. 21.01.1909) [СЗС2Ч2, стб. 72].

Активное использование библейских образов в дореволюционной парламентской коммуникации С.А. Громыко связывает с тем, что она испытывала значительное влияние духовного красноречия [Громыко, 2007, с. 187–188].

Метафора дома. В терминах данной метафорической модели законодательная и вообще политическая деятельность регулярно осмысливается как строительство. «Со времен Маркса, — пишет Н.Д. Арутюнова, — стало принято представлять себе общество как некоторое здание, строение (Aufbau). Эта метафора позволяет выделять в обществе базис (фундамент), различные структуры (инфраструктуры, надстройки), несущие опоры, блоки, иерархические лестницы» [Арутюнова, 1999b, с. 379]. По мнению А.Н. Баранова, исследовавшего дискурс перестройки, метафорическое осмысление государства как здания помогает конструктивно осмыслить действительность и высвечивает идеи «рациональной деятельности (рационального поведения), контроля и создания оснований для нового — для новой политики, новой страны, новых отношений между людьми и т. д.» [Баранов, 2014, с. 304]. В дореволюционном парламентском дискурсе высокой частотностью обладают лексикализованные архитектурные метафоры *строить* ‘организовывать, создавать, устраивать, налаживать’, *строительство* ‘организация, создание’, *фундамент* ‘база, опора’, *краеугольный камень* ‘основа, главная идея, исходная точка зрения’ [Толковый словарь русского языка]. При этом разные политические силы в качестве основы государства, его фундамента, цемента выбирают разные концепты: если для правых это прежде всего «патриотизм», «русская культура», «имперская идея», «церковь», «дворянское сословие» (51), то для кадетов — это «закон», «право», «конституция», «манифест 17 октября», «справедливый суд», «доверие к народу» (52, 53):

(51) *Господа, все эти слова не могут поколебать того основного цемента, который вложен в Третью Государственную думу и который скрепляет ее на основах патриотизма и любви к отечеству* (А.А. Бобринский. 24.05.1910) [СЗСЗЧ4, стб. 2248]. (52) *Краеугольным камнем нового строя является манифест 17 октября...* (М.С. Аджемов. 16.11.1909) [СЗСЗЧ1, стб. 1968]. (53) *...Только законность и право могут послужить основанием прочного государственного строительства* (О.Я. Пергамент. 20.11.1907) [СЗС1Ч1, стб. 502].

Зооморфная метафора. Лексико-семантические исследования метафоры показали, что в русском языке существует регулярный метафорический перенос «животное — человек», играющий роль одного из самых сильных экспрессивных средств, причем обычно такие номинации направлены на дискредитацию предмета речи и обладают яркой пейоративной окраской (*индюк, кабан, медведь*) [Скляревская, с. 90]. Материал дореволюционного парламентского дискурса также демонстрирует, что метафоры, относящиеся к зооморфной модели, чаще всего используются политиками для отрицательной характеристики своих противников.

Так, в оппозиционном дискурсе конвенциональным метафорическим обозначением крайне правого политика является лексема *зубр* ‘консервативный до дикости, упорный в своей закоснелости человек’ [Толковый словарь русского языка]. Перенос здесь, очевидно, осуществлен на основании признака ‘вымирающий, исчезающий’: уже в начале XX в. зубры находились под угрозой исчезновения, правые же политики, по мнению оппозиционеров, придерживались устаревших, отживших взглядов и были приговорены историей к смерти. Кроме того, с помощью этого метафорического обозначения левые депутаты намекали на то, что царское правительство тщательно опекало черносотенцев, относилось к ним как к редкому, вымирающему виду животных [Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений, с. 282]. Рассмотрим пример, в котором обыгрываются прямое и переносное значения данной лексемы. Описывая атмосферу несвободы, царящую в университетах, депутат-социалист Н.С. Чхеидзе иронизирует над тем, что слово *зубр*, употребленное преподавателем зоологии на лекции в прямом значении, может быть воспринято как политическая метафора, и в результате лектор может быть привлечен к ответственности:

(54) ...*Представьте себе профессора зоологии, трактующего, описывающего образ жизни, обычаи и т. д. зубров, причем профессор указывает на те условия, в силу которых **зубры теперь исчезают** — что же, я спрашиваю, господа, такая лекция может ли послужить основанием к запросу или нет? Я глубоко уверен, что для запроса и здесь было бы основание и у депутата Маркова 2, и у депутата Владимира Бобринского* (Н.С. Чхеидзе. 09.03.1911) [СЗС4ЧЗ, стб. 430].

Другая лексикализованная зооморфная метафора *рептилия* в речах оппозиционеров имела значение ‘буржуазная газета, буржуазное публицистическое произведение, с угодливостью проводящее чьи-н. мнения из корыстных побуждений’, а также ‘журналист или публицист, субсидируемый капиталистическим правительством’ [Толковый словарь русского языка]. В данном случае, вероятнее всего, появление такого метафорического значения у лексемы *рептилия* связано с тем, что ее синоним *пресмыкающееся* родственен глаголу *пресмыкаться*, имеющему переносное значение ‘раболепствовать, подличать, унижаться, ища покровительства, выпрашивая какую-н. милость’ [Там же].

(55) *Ни одна **рептилия**, ни одна нанятая совесть, ни одна фальшивая душа... не поднимают в данное время голоса против формулировки целей школы, которая поставлена в законопроекте о всеобщем обучении* (Т.О. Белоусов. 25.10.1910) [СЗС4Ч1, стб. 453]. (56) ***Рептильная** пресса и другие бутербродные прихвостни еще вчера воспевали мудрость правового уклада русского государства, а ныне песни иные* (Т.О. Белоусов. 06.11.1909) [СЗСЗЧ1, стб. 1431].

В речах политиков разных направлений употребляются языковые зооморфные метафоры *стадо* ‘толпа, неорганизованное сборище’, *хищник* ‘тот, кто наживается на эксплуатации и ограблении кого-н., на расхищении общественного имущества’, *паразит* ‘человек, эксплуатирующий чужой труд, живущий чужим трудом’ [Толковый словарь русского языка]:

(57) *...Есть Россия эксплуататоров, **хищников**, **паразитов**...* (Чхеидзе. 14.12.1912) [СЗС5Ч1, стб. 810]. (58) *...Доказывать [указывая влево] этим господам что-нибудь не приходится, ибо мы имеем дело не с людьми, которые хотят считаться с тем или иным мнением, с силой этого мнения, а мы имеем дело со **стадом** оголтелых господ...* (В.М. Пуришкевич. 29.10.1911) [С4С1Ч1, стб. 805–806].

Для дискредитации оппонентов также используются живые зоометафоры:

(59) *Когда уничтожается действительно сильная власть, опирающаяся на доверие, на нравственные основы права, тогда неизбежно **выползает из нор** нечто низменное, нечто подлое, и это **змеиное шипение** слышится во всех проявлениях власти, сверху донизу* (М.М. Винавер. 26.06.1906) [С1С1Т2, стб. 1734].

(60) ...*Это выступление [купечества] имело большое симптоматическое значение даже у представителей того класса, который привык как **верный пес заглядывать в глаза своему хозяину**...* (Е.П. Гегечкори. 23.02.1910) [СЗС4Ч2, стб. 2728].

(61) ...*Мы знаем эту проповедь о социальном мире, когда мирно будут уживаться рядом промышленники с рабочими, когда вкуче будут **пастись овцы с волками**; но мы не верим в такой мир, мы думаем, что **овцы** будут **пастись** мирно тогда, когда не будет **зубастых волков*** (И.П. Покровский. 28.11.1909) [СЗСЗЧ1, стб. 967].

Гораздо реже зооморфные метафоры имеют мелиоративную окраску. В речах правых депутатов распространено представление Российской империи как орла: (62) *После воссоединения Юго-Западного края с Россией не сразу улучшилось положение русского населения **под могучими крыльями** российского **орла*** (Г.Т. Маньковский. 11.05.1910) [СЗСЗЧ4, стб. 1084]. (63) ...***Реет** над великой русской землей **двуглавый** русский государственный **орел**, пусть он одним **крылом** прикрывает льдины Северного океана, а другим — берега Черного моря. Железным **клювом**, стальными **когтями**, могучей, мужественной **грудью** он защитит и охранит все народы, все национальности...* (С.Н. Алексеев. 25.10.1910) [СЗС4Ч1, стб. 452].

В данном случае мы наблюдаем взаимодействие метонимии и метафоры. На первом этапе происходит метонимический перенос по формуле «герб — страна» (двуглавый орел как символ России), затем Россия наделяется качествами, присущими орлу (величием, силой, красотой и т. д.), т. е. используется зооморфная метафора. Для обозначения процесса взаимодействия и взаимопроникновения метафоры и метонимии используется термин «метафтонимия» [Милявская; Ремянникова, Мишланова].

Итак, мы видим, что приверженцы разных политических идеологий (социалистической, либеральной, консервативной) в целом обращаются к одним и тем же сферам-источникам метафорической экспансии. Тем не менее можно отметить ряд отличий в использовании метафорических моделей. Во-первых, политики разных направлений в некоторых случаях задействуют различные фреймы и слоты одной и той же метафорической модели для профилирования нужных им смыслов.

Например, в составе физиологической метафорической модели, с одной стороны, выделяются фреймы и слоты, широко представленные в речах всех трех анализируемых групп (относящиеся к фрейму «Физиологические действия» слоты «Рождение, смерть и смежные концепты», «Сон (и его фазы)», «Питание, пищеварение и смежные процессы»), с другой стороны, некоторые составляющие элементы этой модели связаны с определенной идеологией. Так, у правых политиков в приоритете оказываются фреймы «Тело человека» и «Физиологические органы», помогающие осмыслить государство как единый организм, в котором существует четкая иерархия между социальными классами. В речах левых, в свою очередь, активно эксплуатируются метафоры, сопоставляющие осуществление гражданских прав с дыханием. Кроме того, используя одинаковые метафорические модели, представители разных парламентских партий и фракций высвечивают разные смыслы, метафорически характеризуют разные реалии, актуализируя наиболее значимые для их идеологии ключевые концепты. Так, для правых основополагающей идеей становится сохранение существующего строя и защита интересов русского народа, поэтому с помощью метафор прежде всего создается негативно окрашенный образ врага (революционера, оппозиционера, представителя национальных меньшинств) и позитивный образ существующего строя. Левые депутаты в первую очередь стремятся выставить в неприглядном свете правительство и правящие классы, а также угрожают им революцией. В либеральной идеологии важную роль играют такие понятия, как «право», «закон», «конституция», «свобода» и т. д., данные концепты и получают прежде всего метафорическую характеристику; в свою очередь, те, кто покушается на закон и право (правительство, правые депутаты), подвергаются жесткой критике.

Любопытно, что к подобным выводам приходит и Дж. Чартерис-Блэк. Проанализировав манифесты двух ведущих британских партий, Лейбористской (левые) и Консервативной (правые), исследователь установил, что они особо не отличаются ни по частотности метафор, ни по употребительности сфер-источников, однако одну и ту же метафору противоборствующие партии используют по-разному, конструируя те смыслы, которые отражают их идеологическую позицию [Charteris-

Black, 2004, p. 68–69]. Более того, А. Мусолфф показал, что в британских и немецких дискуссиях, посвященных проблемам интеграции стран ЕС, задействуются одинаковые источники метафорической экспансии («Семья», «Путь», «Организм», «Дом»), однако одна и та же сфера-источник может эксплуатироваться для продвижения противоположных политических позиций [Musolff, 2004, p. 5–6].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Исследования в русле когнитивной лингвистики показали, что метафора — это не просто декоративное средство художественной речи, риторический прием и способ формирования переносного значения, а базовый когнитивный процесс, в ходе которого одна понятийная область (сфера-мишень) понимается и интерпретируется с помощью другой понятийной области (сферы-источника). Когнитивный подход к метафоре включает несколько важных установок:

1) метафоры, существующие в языке, отражают процессы, происходящие в мышлении человека, и являются важным инструментом исследования когнитивной метафоры;

2) с помощью метафоры человек способен осмыслить сложные и абстрактные явления, обращаясь к более простым и конкретным областям своего опыта;

3) наряду с универсальными метафорами, детерминированными телесным опытом человека, существуют культурно обусловленные метафоры, передающие специфику национальной картины мира;

4) любая метафора одновременно выделяет, «высвечивает» одни аспекты понятия и скрывает, «затемняет» другие, в связи с чем она может служить мощным средством речевого воздействия и манипуляции;

5) в едином континууме представлены различные по форме языковые выражения, объединенные тем, что все они отображают процесс взаимодействия двух понятийных сфер;

6) исследование когнитивной метафоры предполагает обращение к единому пространству языковых (мертвых, узуальных, конвенциональных, лексикализованных) и речевых (живых, окказиональных, креативных) метафор, при этом по-разному решается вопрос, какой тип метафор обладает большей силой воздействия;

7) существование когнитивных метафор в сознании человека обуславливает системность метафор в языке; анализ регулярных метафорических переносов позволяет выделить иерархически устроенные метафорические модели.

Сложно переоценить роль метафоры в политическом дискурсе, поскольку она выполняет в нем целый спектр различных функций: с ее помощью политики пытаются осмыслить изменчивую социально-политическую действительность, формулируют свои программы, оценивают те или иные реалии, убеждают аудиторию в правильности своих взглядов, побуждают к определенным действиям, манипулируют общественным сознанием. Иными словами, метафора играет основополагающую роль в конструировании политической реальности и создании политических мифов.

Парламентский дискурс — особая разновидность институционального политического дискурса. Для него характерна, с одной стороны, усиленная борьба различных политических сил за власть и, как следствие, состязательность, агональность, повышенная полемичность, с другой стороны — стремление согласовать различные точки зрения и достичь консенсуса.

Парламентский дискурс Российской империи не часто оказывается в фокусе лингвистической рефлексии. Вместе с тем именно с появлением первого российского парламента в 1906 г. зародилась публичная политическая коммуникация в нашей стране. Анализируя дореволюционную парламентскую речь, мы видим, как выработывалась модель публичного речевого поведения в рамках нового института.

Анализ когнитивной метафоры в дореволюционной парламентской коммуникации выполняет двойную задачу. С одной стороны, с его помощью реконструируется картина мира, характерная для отдельного политика, определенной политической группы, всего дореволюционного российского общества. Исследование

особенностей мировидения политиков тех лет, отразившихся в их языке, помогает во многом лучше понять глобальные политические процессы, предопределившие судьбу нашего государства. С другой стороны, когнитивный анализ метафоры показывает, каким образом дореволюционные парламентарии использовали язык с целью воздействия, манипуляции, вербуя своих сторонников и направляя их мысль и деятельность в нужное русло.

В ходе количественного анализа метафорики политического дискурса можно использовать как сплошную, так и целенаправленную выборку. В частности, подсчет только живых, креативных метафор позволяет определить, насколько часто политик сознательно обращается к той или иной сфере-источнику для метафорического представления политической реальности, а значит, и для воздействия на сознание адресата. Иными словами, количество живых метафор в составе той или иной модели свидетельствует о степени ее продуктивности.

Для выявления связи между использованием метафоры и политической позицией нами были сопоставлены речи дореволюционных парламентариев, относящихся к трем группам (правым, левым и кадетам), по таким количественным показателям, как частотность живых метафор и продуктивность метафорических моделей. Удалось установить, что представители крайних политических направлений — правые и левые — используют креативные метафоры чаще, чем кадеты, придерживающиеся более умеренных взглядов. С другой стороны, не было обнаружено значительных отличий в продуктивности метафорических моделей. Иными словами, стало ясно, что приверженцы разных политических идеологий в целом обращаются к одним и тем же сферам-источникам метафорической экспансии. Наибольшей продуктивностью в речах разных дореволюционных парламентариев обладают физиологическая, милитарная, морбиальная модель и модель неживой природы. Чуть менее продуктивны литературная, архитектурная и зооморфная метафорическая модель.

Вместе с тем, анализируя метафорику трех политических групп, можно отметить и ряд отличий в метафорическом моделировании. Во-первых, политики разных направлений в некоторых случаях задействуют различные фреймы и слоты в

составе одной и той же метафорической модели для профилирования нужных им смыслов. Во-вторых, используя одинаковые метафорические модели, правые, левые и кадеты высвечивают разные смыслы, характеризуют наиболее значимые для их идеологии концепты.

ГЛАВА 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В РЕЧАХ РОССИЙСКИХ ДЕПУТАТОВ НАЧАЛА XX ВЕКА: СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ

2.1. Теоретические основы тактико-стратегического анализа политической метафоры

По мнению Дж. Чартериса-Блэка, теория метафоры должна включать, помимо когнитивного и семантического, прагматический ракурс, в котором использование говорящим метафоры интерпретируется с точки зрения коммуникативной цели, в рамках конкретного дискурсивного контекста, с учетом экстралингвистических (идеологических, культурных, исторических) факторов [Charteris-Black, 2004, p. 247–248]. Общеизвестно, что когнитивная метафора обладает большой силой воздействия. Это объясняется различными факторами: метафора упрощает, делает более доступными для понимания абстрактные и сложные процессы; она опирается на символическую систему, скрытую в сознании человека; в ней соединено рациональное и иррациональное, логическое и эмоциональное [Mio, 1997, p. 121]. Прагматический потенциал метафоры оказывается востребованным в политическом дискурсе, поскольку она не только и не столько помогает осваивать социальную реальность и отражает ее, сколько «сама активно формирует нужные политэлите представления у адресата речи о свойствах социально-политической действительности, достраивает и порой искажает социальную картину мира» [Керимов, 2013, с. 157]. Отмечается, что «лексические метафоры — репрезентанты концептуальных метафор в тексте — выступают в качестве сильнейшего средства манипулятивного воздействия» [Резанова, Шиляев, с. 221]. Обладая мощным прагматическим потенциалом, метафора служит одним из важных когнитивных и языковых инструментов реализации речевых стратегий и тактик в политической коммуникации.

Термин «стратегия» по-разному трактуется в современной лингвистике: им обозначают «определенную направленность речевого поведения в данной ситуации в интересах достижения цели коммуникации» [Паршина, с. 19]; «способ струк-

турирования речевого поведения в соответствии с коммуникативной целью участника общения» [Денисюк, с. 16]; «цепь решений говорящего, коммуникативных выборов тех или иных речевых действий и языковых средств» [Макаров, с. 192]. При этом, по мнению В.А. Мишланова и Н.С. Нецветаевой, «определения стратегии и тактики как коммуникативных понятий в лингвистике... не могут быть расценены как достаточно ясные, логичные» [Мишланов, Нецветаева, с. 6]. Мы вслед за О.С. Иссерс под **речевой стратегией** будем понимать «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Иссерс, 2008, с. 54] — «глобального намерения». В связи с тем, что в большинстве случаев существует несколько способов достижения коммуникативной цели, в составе одной стратегии выделяются различные **речевые тактики**. Так, желая побудить адресата к совершению какого-либо действия, говорящий может использовать тактики приказа, просьбы, уговоров, угрозы и т. д. Выбор конкретной тактики или комбинации тактик обусловлен ситуацией общения, необходимостью оперативно реагировать на изменения в поведении речевого партнера.

О.С. Иссерс отмечает: «Политическая жизнь, с ее реальной борьбой за власть, столкновением интересов, манипуляцией фактами и мнениями, дает возможность наблюдать целый спектр речевых стратегий и тактик. Политические интересы требуют, во-первых, положительной самопрезентации партии, общественно-политического течения или конкретного лидера, во-вторых, побуждения общественных групп к каким-либо действиям, в-третьих, разграничения “своих” и “чужих” и т. д.» [Там же, с. 160]. Важно заметить, что при выделении речевых стратегий, реализуемых в политической коммуникации, практически каждый исследователь намечает свою классификацию [Громыко, 2007, с. 154]. В табл. 2 представлены некоторые из существующих в отечественной лингвистике моделей.

Из табл. 2 видно, что во всех лингвопрагматических исследованиях политического дискурса отражено сосуществование двух коммуникативных целей — повышения личного статуса (и, как следствие, привлечения союзников) и дискредитации противников. В связи с этим Е.В. Соловьева выделяет кооперативную и конфронтационную «макростратегии» политической коммуникации, реализующие

два разнонаправленных начала — сотрудничества (кооперации) и борьбы (конфронтации) участников, представляющих разные политические силы [Соловьева, с. 240]. Оппозиция «свои» — «чужие» является фундаментальным ценностным противопоставлением для политического дискурса [Шейгал, с. 225]: политик пытается сплотить «своих» и отмежеваться от «чужих». Обладая огромным манипулятивно-прагматическим потенциалом, эта дихотомия играет ведущую роль в построении конвенциональных стереотипов, речевых тактик и стратегий, политических мифов [Кишина, с. 48].

Таблица 2

Речевые стратегии в политической коммуникации

Автор	Стратегии	Суть стратегии
О.Л. Михалева [Михалева]	стратегия на понижение	развенчать позиции соперника
	стратегия на повышение	максимально увеличить значимость собственного статуса
	стратегия театральности	создать из политического события зрелище, разыгрываемое для потенциального избирателя
Н.Б. Руженцева [Руженцева]	стратегия дискредитации	умалить авторитет конкурента
	стратегия презентации	превознести политических союзников или заказчиков текста
	стратегия самопрезентации	повысить собственный статус
Ю.В. Вознесенская [Вознесенская]	стратегия дискредитации	понизить авторитет адресата в глазах третьих лиц
	стратегия манипуляции	скрыто воздействовать на адресата
	стратегия самопрезентации	улучшить имидж говорящего
	стратегия компромисса	преодолеть конфронтацию и наладить кооперацию

Автор	Стратегии	Суть стратегии
А.А. Филинский [Филинский]	реификация оппонента	сформировать образ врага
	делегитимация оппонента	дегуманизировать противника
	амальгамирование	создать мы-дискурс, интегрироваться с какой-либо социальной группой
	героизация	создать образ, который является первопричиной всего позитивного, что происходит или может происходить в обществе
О.Н. Паршина [Паршина]	стратегия самопрезентации	создать положительное впечатление об адресанте
	стратегия дискредитации	подорвать авторитет политического оппонента в глазах наблюдателей
	стратегия нападения	вывести из равновесия политического оппонента и тем самым лишить возможности высказать свою позицию
	манипулятивная стратегия	в завуалированной форме навязать большинству волю меньшинства
	стратегия самозащиты	отвести от себя критику
	информационно-интерпретационная стратегия	раскрыть авторское понимание отношений между явлениями, фактами, событиями
	стратегия формирования эмоционального настроения адресата	вызвать определенное эмоциональное состояние адресата (гордость за страну, уверенность, чувство единения, враждебность, ненависть и т. д.)
	аргументативная стратегия	убедить адресата при помощи аргументов
	агитационная стратегия	побудить адресата к совершению определенного действия

Как подчеркивает О.С. Иссерс, «задача описания речевых стратегий заключается в том, чтобы представить номенклатуру типовых тактик, реализующих конкретную речевую стратегию» [Иссерс, 2008, с. 111]. Сопоставляя классификации тактик, входящих в одну стратегию политического дискурса, мы также видим достаточно пеструю картину, что можно объяснить как применением разных методик анализа, так и использованием разного материала (предвыборный дискурс [Руженцева; Филинский], программа политической партии [Чернявская, Логинова], предвыборная реклама [Мишланов, Нецветаева], парламентские дебаты в Бундестаге [Вознесенская], доклады депутатов современной Госдумы [Соловьева], дореволюционный парламентский дискурс [Громыко, 2007] и т. д.). Вместе с тем нельзя не обратить внимания и на тот факт, что, работая на разном материале, исследователи часто выделяют схожие тактики. Например, анализируя стратегию дискредитации, О.Н. Паршина говорит о тактиках обвинения и оскорбления [Паршина, с. 84–93], Ю.В. Вознесенская — о тактиках обвинения, издевки и оскорбления [Вознесенская, с. 9], С.А. Громыко — о тактиках развенчания обмана, обвинения и издевки [Громыко, 2007, с. 165–171]. В рамках стратегии на понижение О.Л. Михалевой выделены тактики анализ-«минус», обвинения, безличного обвинения, обличения, оскорбления, угрозы [Михалева, с. 45–52].

Необходимо отметить, что во многих случаях лингвисты выбирают уже существующую модель стратегий и тактик, наиболее полную и удобную, с их точки зрения, и применяют ее к анализируемому материалу. Так, Д.Р. Акопова [Акопова] и Д.А. Скулимовская [Скулимовская] придерживаются классификации О.Л. Михалевой, С.А. Громыко — классификации О.Н. Паршиной [Громыко, 2007] и т. д. Зачастую исследуемый материал требует комбинирования сразу нескольких моделей.

В предыдущем разделе мы показали, что правые депутаты Государственной думы Российской империи наиболее активно использовали в своих выступлениях живые, креативные метафоры. В 70 проанализированных речах нами зафиксирован 491 пример живых метафор. Поэтому именно на материале речей правых депутатов удобнее всего показать роль когнитивной метафоры в реализации речевых стратегий и тактик.

Для лучшего понимания экстралингвистического фона обозначим основные установки, в которых выражалась идеология правых партий: «господство Православной веры (что не отрицало принципов веротерпимости); незыблемость Самодержавия (несколько по-разному толкуемого умеренными и крайними представителями правого лагеря); первенство на коренной территории государства русского народа (русских, малороссов и белорусов)» [Черная сотня, с. 414].

С.В. Свирковская называет две основные цели ксенофобического дискурса: 1) защита во что бы то ни стало «своих» в ущерб «другим», 2) защита «своих» с конструктивным предложением для «других», в связи с чем выделяются стратегии деструктивные и конструктивные [Свирковская, с. 9]. На наш взгляд, это положение можно экстраполировать и на дискурс русских консерваторов начала XX в. Аналогично С.А. Громыко, анализируя парламентские речи русских националистов начала XX в., указывает на две разнонаправленные тенденции — к кооперации и конфронтации. Установка на конфронтацию предполагает неприятие оратором высказываний и поступков своих оппонентов, их негативную оценку, в то время как цель кооперативной стратегии — продемонстрировать аудитории готовность к сотрудничеству, к совместной речевой и политической деятельности [Громыко, 2016b, с. 71].

По нашему мнению, в речах правых депутатов выделяются две общие речевые стратегии — деструктивная стратегия дискредитации противника и конструктивная стратегия создания положительного образа существующего строя. В рамках деструктивной стратегии правые политики представляют в невыгодном свете своих оппонентов — прежде всего революционеров, либералов, представителей национальных меньшинств (инородцев), сепаратистов. Используя же конструктивную стратегию, правые парламентарии демонстрируют адресату, в том числе политическому оппоненту, готовность к диалогу и при этом стремятся изобразить существующий в Российской империи политический строй в позитивном ключе. Реализации данных стратегий во многих случаях служит когнитивная метафора.

Для обозначения группы метафор, обладающих сходным прагматическим потенциалом и реализующих одну речевую тактику, воспользуемся термином

«конstellляция метафор», предложенным А.Н. Барановым [Баранов, 2014, с. 53]. Необходимо иметь в виду, что конstellляция обладает полевой структурой: в ней есть центр и периферия. В центр входят концептуальные метафоры и метафорические модели с ярко выраженным, однозначным прагматическим потенциалом и высоким показателем частотности. Дальше от центра расположены менее частотные метафоры, на периферии, в зоне пересечения конstellляций — метафоры, совмещающие в себе несколько прагматических функций.

Также следует разграничить понятия «метафорическая модель» и «конstellляция метафор». В метафорическую модель входят метафоры, объединенные общей сферой-источником («Болезнь», «Война», «Животный мир» и т. д.), в то время как в конstellляциях метафоры группируются в соответствии с прагматическими функциями. Если метафорическая модель обладает однозначным прагматическим потенциалом, она полностью входит в определенную конstellляцию. Так, милитарная модель принадлежит к конstellляции метафор агрессии, а семейная — к конstellляции метафор интеграции. Вместе с тем большинство метафорических моделей не обладает однородными прагматическими смыслами, а значит, метафоры, принадлежащие к этим моделям, можно обнаружить в нескольких конstellляциях.

Цель настоящей главы — представить речевые тактики, реализующие деструктивную и конструктивную стратегию в речах правых парламентариев, а также описать соответствующие конstellляции метафор.

2.2. Деструктивная стратегия

В рамках стратегии дискредитации развенчиваются позиции политического соперника, создается отрицательный образ «чужого» — как агрессора, как объекта насмешки, как силы, стремящейся обмануть и использовать русский народ в своих корыстных целях. В формировании отрицательного образа «чужого» участвуют три основные тактики — 1) запугивания адресата, 2) оскорбления и насмешки и 3) обвинения. Конструируя образ врага с помощью метафор, правые политики вторгаются в аксиологическое и когнитивное пространство адресата: они агрессивно

навязывают ему негативное отношение к референту высказывания (своим политическим противникам), стремятся изменить представление адресата о предмете речи на уровне концепта и тем самым деформировать его картину мира и «завербовать» его в качестве союзника [Воронцова, 2006].

2.2.1. Тактика запугивания адресата

Среди способов манипуляции, задействованных в дискурсе черносотенцев начала XX в., особое внимание С.А. Громыко обращает на демонизацию врага: «Стремление напугать читателя политическим оппонентом приводило к эмоциональному нагнетанию и изображению мрачных картин будущего России и русского народа» [Громыко, 2017с, с. 67]. В рамках тактики запугивания адресата правые депутаты представляют своих противников как серьезную угрозу для русского народа, создают образ агрессивного, опасного врага и тем самым внушают адресату страх перед революционерами, инородцами, сепаратистами. Опасность, угрожающая русскому государству, метафорически изображается как вражеская армия, тяжелое заболевание, яд, стихийное бедствие, преступники и т. д. Задача данной тактики — предупредить: если государство не станет на защиту национальных интересов, русский народ будет уничтожен его врагами. В результате ораторы стремятся сплотить всех «истинно русских людей» под знаменами консервативных, монархических организаций для борьбы с агрессором. Обозначая «чужих», они тем самым формируют «свой круг». Как отмечает М.Б. Ворошилова, конструирование образа врага становится «мощнейшим орудием манипуляции, пропагандистским мифом: известный феномен сплочения перед лицом угрозы является весьма эффективным для любой социальной общности» [Ворошилова, 2012b, с. 69]. Дж. Чартерис-Блэк связывает страх с контролем: чем больше есть причин бояться определенных социальных групп, тем убедительнее обосновываются различные формы контроля [Charteris-Black, 2011, p. 25]. Британский исследователь также обращает внимание на то, что именно для риторики правых политиков характерно создание

мифа врага-конспиратора (the myth of the Conspiratorial Enemy), согласно которому враждебные «чужие» планируют нанести вред «своим» [Ibid., 2011, p. 26].

В центре констелляции метафор агрессии находится милитарная метафора, занимающая первое место по продуктивности в речах правых парламентариев. В военных терминах революционеры, инородцы, сепаратисты описываются как вражеская армия, напавшая на Россию. Русский народ, в свою очередь, по этой логике, должен не отступить, а обороняться.

(1) ...**Тактика** левых фракций в настоящее время не та, которой она была в 1905 г., и эта тактика переменная, эта тактика **не боевая, а подкапывающаяся тихой сапой** под русскую государственность... (В.М. Пуришкевич. 07.12.1912) [С4С1Ч1, стб. 292]. (2) ...Мы **стояли лицом к лицу на передовых постах с воинствующим** национализмом... (С.Н. Алексеев. 25.10.1910) [С3С4Ч1, стб. 450]. (3) Этот законопроект... есть еврейская **шимоза**, направленная на русскую деревню, с целью **разбить** ее и **поработить** морально и материально (В.О. Образцов. 04.11.1909) [С3С3Ч1, стб. 1335] (*шимоза* — ‘взрывчатое вещество в виде плотной мелкозернистой массы, употр. для артиллерийских снарядов’ [Толковый словарь русского языка]).

Во многих случаях правые ораторы накладывают милитарную метафору на прецедентную ситуацию — «хорошо известную историческую ситуацию, событие, яркие признаки которого запечатлены в народном сознании с той или иной эмоциональной оценкой» [Чудинов, 2003, с. 138]. Иными словами, отношения между различными группами в Российской империи сопоставляются не просто с войной, а с войной конкретной. Имплицитные или эксплицитные сравнения современной ситуации с событиями прошлого Р. Пэрис называет историческими метафорами (типа «Слободан Милошевич — это современный Гитлер») [Paris]. Прецедентная ситуация как феномен когнитивного плана актуализируется в конкретном тексте с помощью вербальных феноменов — прецедентных имен, высказываний и других символов [Гудков, с. 407]:

(4) ...*Теперь, когда так размножились потомки Тушинского вора и тех перелётов, которые продавали Россию направо и налево, теперь Россия в особенности должна беречься, чтобы не сдать своих позиций враждующему с ней инородчеству. Если Россия не укрепит вовремя своей позиции, на окраинах не поставит застав от натиска враждующих с Россией племен, то великое горе ожидает Россию* (Н.Е. Марков. 08.05.1910) [СЗСЗЧ4, стб. 918].

Правый депутат в своей речи указывает на события Смутного времени, используя ключевые слова: *Тушинский вор* — перифрастическое наименование Лжедмитрия II, самозванца, выдававшего себя за сына Ивана Грозного; *перелёт* — ‘перебежчик, попеременно служивший то московскому царю Шуйскому, то Тушинскому вору (Лжедмитрию II; истор.)’ [Толковый словарь русского языка]. С одной стороны, с помощью данной метафоры Н.Е. Марков сравнивает национальные меньшинства с вражеской армией, тем самым представляя их в качестве источника опасности. С другой стороны, он дискредитирует выступающих за равноправие народов либеральных политиков, изображая их как предателей, которые содействуют иноземной интервенции.

Говоря об украинском сепаратизме, правые депутаты обращаются к событиям Северной войны, а именно к переходу гетмана Мазепы на сторону Швеции в 1708 г. В соответствии с этим за украинским национальным движением в среде официальных властей и в дискурсе русских консерваторов закрепилось определение *мазепинство*, а за сторонниками этого движения — *мазепинцы*. Так, этнический малоросс и один из идеологов русского национализма А.И. Савенко заявлял в Государственной думе:

(5) ...*Мы будем бороться за наше русское имя, мы будем крепко в своих руках держать знамя нашего великого Богдана, и с современными мазепинцами мы не пойдем так же, как наши предки, малороссийские казаки, 200 лет тому назад в трудный критический момент для России под Полтавой не пошли за Мазепой, но остались верны единой России* (А.И. Савенко. 01.06.1913) [С4С1Ч3, стб. 613].

Другой метафорической моделью, обладающей ярким концептуальным вектором агрессивности, является морбиальная модель: революционеры, инородцы,

сепаратисты сравниваются со смертельно опасной болезнью, угрожающей русскому организму. Вместе с тем необходимо отметить различие между метафорой войны и болезни. В рамках военной метафоры русский народ и его враги осмысляются как две враждующие армии, т. е. как равноправные субъекты военных действий. В то же время морбиальные метафоры совмещают в себе две функции: с одной стороны, акцентируют семантику широкого распространения, всеобщей опасности, с другой — выражают некоторую безгловность [Ворошилова, 2012b, с. 70], служат для оскорбления и унижения, поскольку враг дегуманизируется и представляется как существо низшего порядка, как микроорганизм (*микроб*, *бацилла* и т. д.):

(6) *Революция наша сделала свое злое дело, она в значительной степени опустошила душу народа, она **заразила** его **тлетворным дыханием** безбожия и нравственного **разложения**, она **привила** ему **яд** таких диких инстинктов, которые заглушают в нем чувство правды и добра* (епископ Евлогий. 04.11.1909) [СЗСЗЧ1, стб. 1271]. (7) *Я, господа, говорю, что сейчас уже не происходит **усвоения** инородческих **тел**, сейчас уже является **отравление** русского **организма**...* (В.В. Шульгин. 07.12.1909) [СЗСЗЧ1, стб. 3052]. (8) *Еще большой вопрос, что бы было, ...если бы над Россией разразилась катастрофа, и если бы когда-нибудь нам суждено было утратить часть инородческих окраин. Быть может, не было бы даже «худа без добра» в этом отношении, потому что, быть может, мы тогда даже избавились бы от некоторых **гнойников** на русском государственном **организме*** (А.И. Савенко. 01.06.1913) [С4С1Ч3, стб. 605–606].

В примере (8), развивая морбиальную метафору, правый оратор приходит к парадоксальному выводу: если нет возможности подавить (*излечить*) сепаратистские стремления отдельных народов, необходимо избавиться от непокорных окраин. Сила государства заключается в его однородности (прежде всего культурной и национальной). Потеря части территории представляется менее страшной, чем федерализация. В этом заключается противоречивость русского националистического дискурса. По словам историка В.С. Малахова, «строить нацию — значит

разрушать империю. Ибо тем самым разрушается ее опора — имперская, надэтническая лояльность» [Малахов, с. 110].

Также в состав констелляции метафор агрессии входят концептуальные метафоры «Враг / его требования — это стихийное бедствие (9) / опасное животное (10) / преступник (11)»:

(9) *...Инородческий сепаратизм живет. В то время, когда государство находится в спокойном состоянии, он **тлеет**, он незаметен; но когда государство переживает кризис, он **вспыхивает ярким пламенем**, и это **пламя грозит объять пожаром** всю страну* (Г.Г. Замысловский. 20.11.1907) [СЗС1Ч1, стб. 478–479].

(10) *Польская гидра **разинула во всю свою пасть, чтобы поглотить православие** и с корнем вырвать русскую народность* (К.М. Околович. 06.03.1913) [С4С1Ч1, стб. 2002]. (11) *...На стороне передачи законопроекта в комиссию... мы видим и злобно щелкающих зубами социал-**разбойников** — я не говорю, конечно, о distinguished членах Государственной думы...* (Н.Е. Марков. 20.11.1909) [СЗСЗЧ1, стб. 2201].

Нагнетая эффект, оратор может комбинировать несколько агрессивных метафор из разных сфер-источников для создания образа врага. А.Н. Баранов называет такой феномен внешней денотативно связанной сочетаемостью метафорических моделей [Баранов, 2014, с. 70]. Например, отец Г.Т. Маньковский облек в метафорическую форму мысль о том, что польское меньшинство Северо-Западного края представляет серьезную опасность для русского (белорусского) большинства:

(12) *...Да разве может население северо-западных губерний края в составе 96 % быть в порабощении у населения в 4 %? Я на этот вопрос ответил бы только вопросом же: **разве может двухэтажный дом, построенный из плотных бревен, быть в опасности от курящейся головни на деревянном полу в нижнем этаже? Да разве может скирда соломы быть в опасности от искры? Да разве может, не в обиду скажу польской нации, укротитель зверей, повелитель громам — человек бояться холерной бациллы?*** (Г.Т. Маньковский. 11.05.1910) [СЗСЗЧ4, стб. 1087].

С одной стороны, с помощью метафорических образов депутат противопоставляет русское большинство и польское меньшинство: крепкий двухэтажный дом — одно бревно; человек, венец природы, — микроскопический одноклеточный организм. Тем самым он возвеличивает русский народ и принижает поляков, не зря же вводится метаязыковой комментарий *не в обиду скажу польской нации*, призванный несколько смягчить оскорбление. С другой стороны, это ничтожное меньшинство настроено агрессивно по отношению к благородному большинству, более того, оно несет смертельную угрозу: это не просто бревно, а *курящаяся головня*, не просто микроорганизм, а *холерная бактерия*. Сначала отец Г.Т. Маньковский задает вопрос в буквальной форме, затем, вместо того чтобы прямо на него ответить, трижды метафорически перефразирует его. Текстовая значимость метафоры акцентируется с помощью стилистических фигур: антитезы, каскада риторических вопросов, синтаксического параллелизма и анафоры. Как указывает Дж. Чартерис-Блэк, метафора становится более убедительной в сочетании с другими риторическими средствами [Charteris-Black, 2011, p. 51].

2.2.2. Тактика оскорбления и насмешки

Тактика дискредитации («игра на понижение») является одной из самых популярных в политическом дискурсе. По определению О.Л. Михалевой, она предполагает «нанесение обиды, унижение, уязвление кого-либо, сопровождаемое экспликацией эмоционального составляющего компонента вместо приведения доказательств» [Михалева, с. 49]. Согласно О.С. Иссерс, для реализации тактики оскорбления, издевки может использоваться коммуникативный ход «Он похож на N» [Иссерс, 2008, с. 169], и наиболее эффективным средством здесь служит метафора. Задача, решаемая с помощью этой тактики, — выставить в смешном виде своего оппонента, умалить его значение и одновременно продемонстрировать свое превосходство. С этой точки зрения, оппоненты слабы и ничтожны, их требования абсурдны и нелогичны. Как известно, высмеивание является одним из средств уни-

чтожения противника. В.З. Демьянков отмечает: «Смех вообще... проявляет неосознанное желание унижить противника, а тем самым откорректировать его поведение. Такая направленность осознанно эксплуатировалась в политических дебатах еще со времен Римской империи. Об этом свидетельствуют обличительные речи Цицерона, в которых высмеиваются даже интимные характеристики противника, вообще говоря, не имеющие прямого отношения к политике» [Демьянков, с. 42].

В состав констелляции метафор оскорбления и насмешки входят отдельные метафоры из разных метафорических моделей. Одна из них — «Наши противники — это животные (мелкие, грязные и т. п.)». Например, В.М. Пуришкевич, дискредитируя сепаратистское движение в Финляндии, сравнивает ее с насекомым. С помощью данной метафоры Россия и Финляндия противопоставляются по признаку «большой — мелкий», «великий — ничтожный»:

(13) *России нужно, великой державе, составляющей часть света, обеспокоенной **мошкой**, здесь у себя под боком, России нужно быть спокойной под Петербургом* (В.М. Пуришкевич. 24.05.1910) [СЗСЗЧ4, стб. 2235].

В другой речи В.М. Пуришкевич подчеркивает, что из-за развращающего, по его мнению, влияния еврейской молодежи закрываются учебные заведения, и предлагает запретить евреям студентам учиться в военно-медицинской академии. Чтобы образно выразить свою мысль и одновременно оскорбить еврейских граждан, он обращается к прецедентному высказыванию — пословице, обладающей яркой пейоративной окраской:

(14) *Мне это напоминает русскую пословицу: «**осердившись на вшей, да и шубку в печь**». Господа, я нахожу, что, чем **шубку бросать в печь**, нужно в настоящее время самым старательным способом **выводить этих вшей** отовсюду и в первую голову из военного ведомства* (В.М. Пуришкевич. 22.03.1910) [СЗСЗЧ3, стб. 1416].

Другой правый депутат Н.Е. Марков дискредитирует своих оппонентов, трансформируя их собственную метафору. Сначала в своей речи он цитирует гимн финской сепаратистской организации «Войма», в котором есть следующие строки: *Скоро власть Николая будет свергнута с помощью Господа Бога. **Растерзанным***

лежит орел под ногами финского льва. В основе данной метафоры лежат два метонима [Москвин, с. 147] — символа, образованных посредством метонимии. Перенос осуществлен по формуле «герб — страна» (герб Российской империи — двуглавый орел, герб Финляндии — золотой лев). Н.Е. Марков дискредитирует пафосный образ, превращая льва в кошку. Иронический эффект создается также за счет употребления разговорного фразеологизма:

(15) *Я не могу допустить мысли, чтобы русский орел стал бояться северных кошек. Неужели у русского страха так велики стали глаза, что кошки уже кажутся львами? Я не хочу этому верить* (Н.Е. Марков. 12.05.1908) [СЗС1ЧЗ, стб. 384].

В результате образ врага профанируется: финские сепаратисты слишком ничтожны, чтобы представлять реальную угрозу для русского народа.

Резкую реакцию со стороны Н.Е. Маркова вызвала критика политики виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева, прозвучавшая в речи кадета Ф.И. Родичева. С целью унижить политического противника правый оратор рисует сценку, выстраивая метафорическую антитезу: слава М.Н. Муравьева — это памятник, Ф.И. Родичев — это грязное животное. Как считает Дж. Чартерис-Блэк, использование контрастных метафор усиливает персуазивный эффект [Charteris-Black, 2011, р. 106]. Возмутительные действия животного, по мысли Н.Е. Маркова, должны повлечь суровое наказание:

(16) *Но, господа, когда вы видите памятник народного героя, стоящий на площади, памятник, которому поклоняются целые поколения русского народа, и видите, что к нему подходит грязное животное и учиняет какую-нибудь мерзость, у вас является единственное желание — это взять хворостину, отхлестать эту скотину и отогнать ее прочь* (Н.Е. Марков. 08.05.1910) [СЗСЗЧ4, стб. 925–926].

Зооморфная инвектива может сочетаться с литературной метафорой, в рамках которой мир политики рассматривается сквозь призму прецедентного текста:

(17) *Мне припоминается басня, которую я когда-то читал, в которой говорится, ...что некий зоологический индивид получил директивы реагировать на издающего льва. Лев этот — наша бюрократия, которая уже два года корчится в предсмертной агонии, но никак не может издохнуть. Это очень тяжело! Но что-то оказалось? Лев этот оказался жив, ударил своей лапой, и у зоологического индивида только косточки захрустели* (В.А. Бобринский. 23.03.1907) [С2С2Т1, стб. 1025].

По всей вероятности, правый депутат ссылается на известный басенный сюжет, воплощенный, в частности, в басне И.А. Крылова «Лев состарившийся». Бюрократия в изображении В.А. Бобринского предстает в виде льва, когда-то бывшего «грозой лесов», а теперь постаревшего, лишившегося сил и сносящего обиды и оскорбления со стороны всех зверей. Примечательно, что правый оратор использует в своей речи минус-прием, прямо не называя обидчика льва, а описательно обозначая его как «некий зоологический индивид». Из басни мы знаем, что лягнуть умирающего льва собирался осел. Таким образом, своих противников В.А. Бобринский называет ослами, апеллируя к переносному значению с бранной окраской ‘глупец, дурак, тупой упрямец’ [Толковый словарь русского языка]. Сочетание эвфемизма *некий зоологический вид* с канцелярским оборотом *получил директивы реагировать* придает пересказу басни иронический оттенок. При этом оратор меняет известный сюжет: вместо того, чтобы терпеть оскорбления от осла, лев оказывается живым и наносит ему удар.

Еще один способ дискредитировать оппонента и его взгляды — объявить его сумасшедшим (метафора «Желание изменить существующий строй — это психическое заболевание»). Так, в «терминах безумия» осмысляются попытки оторвать малороссов и белорусов от русского народа (18) и стремление поляков восстановить Речь Посполитую в прежних границах (19):

(18) *Не украинцы требуют, господа, а требует та небольшая горсть политически свихнувшихся людей, которой пришла в голову совершенно противостественная мысль разделить то, что соединено историей* (В.В. Шульгин.

07.12.1909) [СЗСЗЧ1, стб. 3054]. (19) *Западная Русь — это, так сказать, органический пункт **помешательства** «одбудователей ойчизны»* [от польск. odbudować ojczyznę ‘восстановить родину’] (К.М. Околович. 06.03.1913) [С4С1Ч1, стб. 2001].

В речи, посвященной требованиям Финляндии не ограничивать ее автономию, Н.Е. Марков вспоминает случай, когда один курский дворянин, некий Измаил Маков, не хотел смириться с освобождением крестьян, пытался судиться с императором Александром II и в конце концов был заключен в психиатрическую лечебницу. Политик сравнивает Финляндию с этим обезумевшим дворянином и заключает:

(20) *Подобно дворянину Макову, финляндцы думают, что за ними юридическое право, что они могут кому-то жаловаться на Россию, апеллировать на державные решения России. Если целый народ нельзя заключить в сумасшедший дом, как это сделали с дворянином Маковым, то все же не пришлось бы надеть на него смиренную рубашку!* (Н.Е. Марков. 12.05.1908) [СЗС1Ч3, стб. 371].

В этом примере не только объявляются абсурдными требования Финляндии, но и подразумевается, что, если финляндцы не откажутся от них, власти могут силой подавить сепаратистское движение. Тем самым тактика насмешки сочетается с тактикой угрозы.

Выражению насмешки может способствовать сравнение политического противника с ребенком. «Детскость», «младенчество», «инфантилизм», как отмечает Л.В. Балашова, ассоциируются с недоразвитостью и интеллектуальной неполноценностью [Балашова, 2011, с. 471]. Оратор обвиняет своих оппонентов в несерьезности и некомпетентности, а себя позиционирует как взрослого человека, т. е. как опытного, разумного политика:

(21) *Любуется картинками, вы, **малолетние** политические люди, ибо здесь не место картинкам, здесь место государеву делу...* (Н.Е. Марков. 02.12.1911) [СЗС5Ч1, стб. 3078]. (22) *Вот тут, господа, и видно полное научное **младенчество** авторов этого самого проекта* (А.С. Вязигин. 29.10.1910) [СЗС4Ч1, стб. 645].

Помимо прямого оскорбления и прямой насмешки, правые ораторы используют метафоры для выражения иронии. Согласно «Краткой литературной энциклопедии», ирония — это «идейно-эмоциональная оценка, предполагающая скептически- или критически-насмешливое отношение к изображаемому под маской серьезности утверждения или похвалы» [Краткая литературная энциклопедия]. Рассмотрим пример, в котором говорящий для описания ситуации, оцениваемой им отрицательно, использует явно не соответствующий ей образ:

(23) *Как бы то ни было, после трехлетних **потуг**, наша комиссия по народному образованию **разрешилась от бремени детищем**. Каковы же приметы этого **новорожденного**, которого комиссия ревниво считает своим, тщательно оговаривая: Боже вас упаси думать, что в его **зачатии** были виновны Правительство или лига образования. Главные приметы этого **ребенка** следующие — мне кажется, я правильно схватил черты этого **плода трудов** нашей комиссии...* (Н.Е. Марков. 25.10.1910) [СЗС4Ч1, стб. 478].

Для дискредитации противников и предлагаемого ими законопроекта Н.Е. Марков, «мастер разрушительной иронии» [Громыко, 2016а, с. 138], оживляет лексикализованную метафору *потуги* ‘бесплодные усилия, неудачные попытки сделать, произвести что-н.’ [Толковый словарь русского языка]. Отталкиваясь от прямого значения данной лексемы ‘сокращение брюшных мышц во время родов’ [Там же], оратор в небольшом фрагменте своей речи намеренно концентрирует несколько метафор одной сферы-источника и создает таким образом нелепый, гипертрофированный образ. Интеллектуальный процесс (разработка законопроекта) представляется как физиологический процесс, и за счет абсурдного столкновения далеко отстоящих друг от друга понятийных сфер достигается иронический эффект.

С помощью тактики насмешки, как уже было сказано, говорящий может показать, что требования его противника безосновательны и абсурдны. Так, для концептуализации польского вопроса правые депутаты используют метафорический сценарий «жизнь — (болезнь) — смерть — невозможность воскрешения». Мечты об автономии Польши являются несбыточными в силу того, что существовавшее

когда-то польское национальное государство погибло. Государство Польша сравнивается с организмом, который умер из-за тяжелого заболевания или старческой дряхлости. Невозможно оживить умерший организм, следовательно, невозможно восстановить польскую государственность в каком бы то ни было виде. Попытки возродить Польшу представлены как противоестественные:

(24) *И спрошу: по какому пути он [польский народ] шел? Он шел, выражаясь кратко, по тому пути, который, по мнению шляхетской Польши, должен был **вызвать к жизни загробную тень** польской государственности. Он шел по тому пути, который был призван **вложить жизнь, одухотворить и оживотворить тот труп**, который именуется польской государственностью* (С.Н. Алексеев. 20.11.1907) [СЗС1Ч1, стб. 416].

В связи с тем, что «в христианской культуре способность воскрешать умерших является атрибутом исключительно Бога» [Кондратьева, 2015b, с. 66], попытки простых смертных «оживотворить» Польшу кажутся абсурдными, нелепыми. Депутат Н.Е. Марков сравнивает польский сепаратизм с попыткой воскресить мумию:

(25) *Я уважаю религиозные заблуждения и религиозные ошибки, поэтому уважаю и заблуждения египтян, которые думали, что через тысячи лет их **трупы могут воскреснуть**, и посему я уважаю и заблуждения поляков, которые думают, что территория Царства Польского может пригодиться для будущего **живого** государства — Царства Польского. Они, как египтяне, **сохранили свои мумии в пирамидах, они тщательно стараются завернуть в эти ткани свою территорию, сохраняя ее на случай телесного воскресения Царства Польского. Говорю это не для издевательства, а для уподобления*** (Н.Е. Марков. 16.02.1912) [СЗС5Ч2, стб. 2372].

Любопытно, что метаязыковой комментарий (*говорю это не для издевательства, а для уподобления*) только акцентирует насмешку в речи оратора. В дальнейшем Н.Е. Марков продолжает разворачивать образ, переходя от метафоры смерти к религиозной метафоре: польское государство, представляющее собой мертвый организм, мумию, некоторыми поляками воспринимается как *идол* ‘статуя, истукан, к-рому поклоняются как божеству’ [Толковый словарь русского языка]:

(26) *И я люблю видеть в музеях **мумии**, но когда находятся люди, утверждающие, что эти **мумии могут воскреснуть**, что это есть некий **бог, которому надо молиться**, то я соглашаюсь с теми людьми, которые считают нужным **разбить** для пользы дела иного **идола** и доказать, что этот **идол** — **кусок камня, нечто мертвое, а не нечто живое*** [СЗСЧ2, стб. 2372].

Метафорический сценарий, выбранный правыми политиками для концептуализации польского вопроса, не допускает альтернативы. В приведенных контекстах в полной мере проявляет себя манипулятивная сила когнитивной метафоры, которая, по меткому замечанию Н.Д. Арутюновой, является «приговором без судебного разбирательства, выводом без мотивировки» [Арутюнова, 1999b, с. 355]. В действительности же государство не организм, оно может прекратить свое существование, но может быть и восстановлено.

2.2.3. Тактика обвинения

Задача этой тактики — обвинить противника в том, что он обманывает народ и использует его в своих корыстных целях. Идею обмана, неискренности коммуникативно высвечивают метафоры азартных игр (27), театра (28) и одежды (29). Последнюю можно рассматривать как часть театральной метафоры, поскольку лживость политиков образно представляется как театральный/маскарадный костюм.

(27) *...Вы из своих судов сделали **игру**. Вы так и выражаетесь: «мы **проигрываем процесс**, мы **выигрываем процесс**», как будто святое дело правосудия есть **картежная игра**, в которой прав тот, кто ловчее **шулерствует**, кто больше найдет лжесвидетелей, кто наглее обманет и присяжных, и судей своим продажным красноречием* (В.А. Образцов. 04.11.1909) [СЗСЧ1, стб. 1323]. (28) *Вообще в начале XX столетия мы попали, господа, в какой-то **иллюзион-театр**, как вот на **Невском проспекте имеются такие иллюзион-театры**; ныне иллюзии везде: ...люди себя убаюкивают и других уверяют, будто в России имеется какая-то конституция. <...> **Представления иллюзион-театра идут**, господа, вовсю, одна **сцена** за другой, одна другой комичнее, одна другой смехотворнее* (Н.Е. Марков.

16.01.1912) [СЗС5Ч2, стб. 328]. (29) ...*Мне больно, когда говорят так политики, которые считают себя и высоко зрелыми, и высоко культурными, а я говорю, что они **драпируются в плащ** лжи, обмана и клеветы...* (С.Н. Алексеев. 25.10.1910) [СЗС4Ч1, стб. 446].

Осмысляя национальный вопрос в Российской империи, правые ораторы обвиняют инородцев в том, что они бессовестно эксплуатируют русских, живут за их счет. С этой точки зрения, русский народ унижен и обманут в собственной стране. Цель правых политиков в этом случае — задеть в русских чувство собственного достоинства, разжечь в них негодование, обиду и вместе с тем желание восстать против существующего несправедливого порядка. Прежде всего при этом задевается зооморфная метафора «Русские — это животные, которых инородцы используют в своих целях».

Часто правые ораторы используют понятийную область «Животный мир» в качестве источника метафор, чтобы показать, что в Холмском крае и Белоруссии польские паны и ксендзы нещадно эксплуатируют русских православных крестьян, относятся к ним как к животным:

(30) ...*Я защищаю интересы того бедного, обездоленного, угнетенного, оскорбленного белоруса, **спина которого не выдерживает польского ярма*** (К.М. Околович. 06.03.1913) [С4С1Ч1, стб. 2012] (*ярмо* — ‘деревянный хомут для упряжки рабочего рогатого скота’ [Толковый словарь русского языка]). (31) ...*Еще ближе, еще свежее в памяти народной образы польских панов-рабовладельцев, с их батогами, употребляя которые... они не различали крестьян от **быдла или скотины*** (епископ Евлогий. 25.11.1911) [СЗС5Ч1, ст. 2654].

В примере (31) епископ Евлогий в качестве метафоры использует синонимы — заимствованный из польского (*bydło* — *быдло*) и русский (*скотина*). Тем самым с целью правдоподобной передачи точки зрения своих оппонентов — польских панов — он не только воспроизводит метафорическое представление русских крестьян как сельскохозяйственных животных, но и употребляет заимствование из их языка.

Кроме того, в речах правых депутатов русские и инородцы метафорически изображаются как представители разных социальных слоев, общественных классов: русские — это слуги, рабы, а инородцы — это хозяева. Таким образом социальная иерархия рабовладельческого/феодалного типа проецируется на отношения между национальностями в России начала XX в. Цель метафор, относящихся к социально-иерархической модели [Балашова, 2014, с. 48], также состоит в том, чтобы задеть в русских людях чувство собственного достоинства, ведь высвечивается парадокс: народ-победитель находится в услужении у покоренных народов:

(32) ...*Неужели вы допускаете возможность, чтобы русский гражданин на своей территории, ...залитой русской кровью, являлся бы **парием*** (П.Н. Крупенский. 22.05.1910) [СЗСЗЧ4, стб. 2116] (*пария* — ‘в Южной Индии — лицо из группы «стоящих вне каст», т. е. лишенных всяких прав, социальных и религиозных’ [Толковый словарь русского языка]). (33) ...*Вы [обращаясь к русским либералам], твердящие нам о свободе, на самом деле с каждым днем становитесь все более и более **рабами** инородцев* (В.В. Шульгин. 07.12.1909) [СЗСЗЧ1, стб. 3051]. (34) *В Одессе доброе, хорошее патриотическое дело, которое будет занесено на страницы русской истории — просьба народа освободить его от **крепостной зависимости** от враждебного ему племени...* (Н.Е. Марков. 18.02.1910) [СЗСЗЧ2, стб. 1811–1812].

Как отмечает О.Н. Паршина, «несколько тактик могут выступать в сочетании друг с другом, усиливая таким образом речевое воздействие каждой из них» [Паршина, с. 115]. Наш материал показывает, что три способа очернить противника — три тактики стратегии дискредитации — могут реализовываться одновременно в одной метафоре:

(35) *Около мировых судей образуются **гнезда паразитов-адвокатов**, которые **высосут** уже из народного кармана до 100 000 000–200 000 000 р. ... Что совершенно недопустимо и что в истинном смысле странно, это то, что эти **сосущие пиявки** выкрадут совесть народную, расплодят сутяжничество и лжесвидетельство, убьют в нашем народе уважение к правде...* (В.А. Образцов. 04.11.1909) [СЗСЗЧ1, стб. 1329].

По определению «Словаря русского языка в 4-х томах», *паразит* — это ‘растение или животное, живущее на поверхности или внутри другого организма и питающееся за счет последнего, обычно принося ему вред’ [Словарь русского языка]. Поэтому метафора паразита является одновременно метафорой оскорбления (паразит — это существо низшего порядка), эксплуатации (паразит питается за счет организма-хозяина) и агрессии (паразит приносит вред другому организму).

2.3. Конструктивная стратегия

Деструктивные, конфликтные метафоры значительно преобладают в речах правых депутатов Государственной думы Российской империи. Вместе с тем во многих случаях на первый план выходит конструктивная стратегия, отражающая «неконфликтное осмысление опыта» [Баранов, 2014, с. 157], хотя следует иметь в виду, что эта стратегия имеет здесь свою специфику. Она не представлена такими типичными кооперативными тактиками, как уступка, компромисс, уговоры, комплимент, апологетика, похвала и т. п. Действуя в рамках конструктивной стратегии, правые ораторы стремятся продемонстрировать адресату, в том числе и своим политическим оппонентам, готовность к диалогу, показать ему положительные стороны сложившейся в Российской империи политической ситуации. При этом, вступая в диалог с оппонентом, правые депутаты не отказываются от своих главных положений — незыблемости самодержавия, первенствующего положения православной церкви и русского народа, неделимости империи. В составе конструктивной стратегии создания положительного образа существующего строя мы выделили две основные тактики — 1) аргументации и 2) интеграции.

2.3.1. Тактика аргументации

Как отмечает О.Н. Паршина, одна из основных целей политической коммуникации — убедить адресата по собственной воле, сознательно согласиться с говорящим, принять его точку зрения, совершить то или иное действие, расценивая это

действие как благо для себя [Паршина, с. 146–147]. Для достижения этой цели говорящий обращается к аргументативным тактикам, т. е. приводит различные доводы (аргументы) для подтверждения выдвигаемого тезиса. Важно подчеркнуть, что в риторике, в отличие от логики, рассматриваются не только и не столько построенные на силлогизмах рассуждения, сколько самые разнообразные средства убеждения: квазилогические аргументы, единичные примеры, аналогии, доводы к этосу и пафосу [Хазагеров, Лобанов, с. 101–102]. Это особенно актуально для политического дискурса: в речи политиков формально-логические процедуры (дедукция и индукция) используются не часто в связи с личностной ориентацией и эмоциональностью процесса аргументирования [Паршина, с. 149].

Данная особенность политической риторики проявляется и в том, что функцию аргумента может выполнять метафора, рассматриваемая в этом случае как вид свернутого рассуждения по аналогии. В свою очередь, рассуждение по аналогии — это «вид индуктивного рассуждения, когда на основании сходства предметов по одним признакам делается заключение о сходстве их и по другим признакам» [Хазагеров, 2009, с. 66]. Эффективность метафоры в процессе аргументации обусловлена тем, что она сочетает в себе рациональное с иррациональным, логическое с эмоциональным [Мю, 1997, р. 123]. Метафора-аргумент в наглядной форме представляет тезис, позволяет выстроить доказательство, пояснить одно с помощью другого [Анисимова, Гимпельсон, с. 208–210].

По сути, метафорическая аргументация представляет собой псевдодедуктивное рассуждение (*pseudodeductive reasoning process*) [Мю, 1997, р. 123]: в качестве большой посылки предъявляется метафора (X — это Y), в качестве малой посылки — свойства сферы-источника (для Y характерно Z), в выводе свойства, характерные для сферы-источника, переносятся на сферу-мишень (следовательно, для X характерно Z). Как и в случае с дедуктивными умозаключениями, один из элементов может быть опущен говорящим и восстановлен адресатом самостоятельно. Продемонстрируем это на примере, приведенном А.П. Чудиновым в [Чудинов, 2003, с. 64]: противники продажи земли часто используют такую аргументацию: «Земля — это мать, а мать продавать нельзя». В качестве большой посылки здесь выступает

метафора (земля приравнивается к матери), в малой посылке представлено общепринятое суждение, характеризующее сферу-источник (мать продавать нельзя), из этого подразумевается вывод, что и землю продавать нельзя.

В рамках конструктивной стратегии правые парламентарии обращаются к тактике аргументации, суть которой состоит в том, чтобы доказать оппоненту, почему именно русским должно принадлежать господство в Российской империи и почему инородцы не вправе требовать культурной или государственной автономии. Эту тактику можно причислить к конструктивным, поскольку, отказывая инородцам в расширении их прав, правые депутаты вместе с тем вступают с ними в диалог, пытаются с помощью логических (или квазилогических) доводов обосновать свою позицию. Доказывая адресату преимущественное положение русского народа, они используют среди прочих средств (ссылки на факты, документы и т. д.) метафору как вид рассуждения по аналогии. Для того чтобы придать метафоре форму аргумента к логосу, говорящий использует лексемы, эксплицирующие процесс логического рассуждения (*следовательно, значит, если... то, потому что, поэтому, ибо* и т. п.).

Центральная метафора в констелляции метафор-аргументов — «Российская империя — это дом, который построил русский народ». Метафорическая аргументация принимает вид сложного силлогизма:

Российская империя — это дом.

Тот, кто создал дом, является в нем полноправным хозяином.

Русский народ создал Российскую империю.

Русский народ является полноправным хозяином Российской империи.

Иными словами, правые ораторы рассуждают следующим образом: русский народ построил дом (создал Российскую империю), значит, он является хозяином этого дома, а все остальные народы — его гости/квартиранты — могут рассчитывать на радушный прием, но не вправе предъявлять хозяину свои требования. В результате основополагающая для политического дискурса оппозиция «свои — чужие» приобретает вид метафорической антитезы «хозяин — гости/квартиранты»:

(36) *Господин Председатель Совета министров заявил, что правительством будет оказано равное благожелательство и к русскому народу-хозяину, и ко всякому народу-пришельцу, в том числе, конечно, и к иудеям. Я считаю, что подобное заявление есть отрицание своего **дома**, своего государственного **дома**. Если правительство будет представлять равные права народу, который в течение тысячи лет **строил, сооружал, оборудовал свой дом**, и такие же права **квартирантам**, которые явились, может быть, только вчерашний день и которые говорят **хозяину дома**: я равен с тобою, потому что **плачу квартирную плату**, то такое отношение правительства будет равносильно отрицанию собственности на государственный **дом**. Никто не захочет **строиться**, ибо зачем же **строить себе дом**, когда можно **нанять квартиру** и иметь права, равные с **домохозяином**. Смешивать **квартирантов и домохозяина** — это значит отрицать право собственности народа на свое историческое наследие, на свою исторически заслуженную русскую землю* (Н.Е. Марков. 08.12.1912) [С4С1Ч, стб. 392–393].

Важно подчеркнуть, что консервативно-охранительный дискурс Российской империи начала XX в. формировали не только речи правых политиков в Государственной думе, но и публикации в газетах и журналах монархической направленности («Русский вестник», «Московские ведомости», «Новое время», «Русское знамя», «Окраины России», «Киевлянин» и др.). На страницах этих изданий выражали свои взгляды основоположники русского консервативного движения (В.Л. Величко, В.А. Грингмут, М.О. Меньшиков, А.С. Будилович, А.С. Вязигин, П.А. Крушеван и др.), работы которых служили идеологической базой для правых парламентариев. Поэтому можно предположить, что многие ключевые концептуальные метафоры «перекочевали» в речи правых депутатов из публицистических текстов. Так, архитектурную метафору-аргумент особо активно в своих статьях эксплуатировал В.А. Грингмут, один из главных идеологов черносотенного движения:

(37) *Российская Империя со всеми ее центральными областями и окраинами создалась не сама собой, не случайно, — ее создал в течение долгого ряда веков ценой величайших усилий и бесчисленных жертв православный Русский народ. Он*

воздвиг тот прочный просторный дом, в котором мирно благоденствуют разные племена и народы, не находившие себе счастья и покоя, пока они не были приняты, как родные братья, в гостеприимный дом Русского народа. <...> А потому Русский народ должен быть полноправным хозяином в своем доме; русский человек должен во всех областях России чувствовать себя дома (В.А. Грингмут. «Польский вопрос». 1897 г.) [Грингмут, с. 102].

В художественную форму идею В.А. Грингмута воплотила активная участница монархического движения, поэтесса Л.А. Кологривова:

(38) *Святой молитвой и трудом,
Снося невзгоды и страданья,
Народ свой отчий строил дом,
Слагал Руси державной зданье.
Терпя неволи страшный бич,
В борьбу и мир, без перемены,
За кирпичом он клал кирпич
И возводил все выше стены.
И вот чертог его готов,
Широко дверь раскрыта дома,
И он соседей и рабов
Зовет на пир в свои хоромы.
Хотя страны подвластный сын
Здесь встретил ласку и вниманье,
Народ лишь Русский — господин,
Просторный дом — его создание* [Цит. по: Иванов, с. 68].

Пример (38) показывает, что метафора дома не только выступает в качестве квазилогического аргумента, доказывающего приоритет русского народа, но и способствует созданию положительного образа Российской империи. Широкая представленность данной метафоры в текстах, относящихся к разным жанрам (парламентская речь, публицистическая статья, стихотворение) свидетельствует о ее исключительном значении для консервативного дискурса начала XX в.

В констелляции метафор-аргументов мы встречаем также метафоры других сфер-источников. В ходе обсуждения финляндского вопроса представители оппозиционных партий подчеркивали, что русское правительство не имеет права ограничивать автономию Финляндии, поскольку самые широкие права внутреннего управления были обещаны окраине при ее присоединении к Российской империи самим императором Александром I. Правый депутат В.М. Пуришкевич считал, что Россия имеет право не исполнять свои обещания, и аргументировал это с помощью метафоры:

(39) *Финляндия, выросшая под покровительством русского двуглавого орла, обязана всем своим благодеянием России, эта Финляндия отплатила ей черной неблагодарностью, а, по гражданским правам, в случае неблагодарности **одаренного, дар** возвращается **дарителю**, и этот **дар** должен быть возвращен **дарителю**, ибо нам заплачено самой черной, самой бешеной неблагодарностью* (В.М. Пуришкевич. 24.05.1910) [СЗСЗЧ4, стб. 2237].

С помощью метафоры объекта автономия финляндской окраины представлена как дар, который Россия (даритель) передала Финляндии (одаренному). Поскольку одаренный отплатил дарителю «самой черной, самой бешеной неблагодарностью» (имеются в виду различные выступления финляндцев против России), последний имеет право забрать дар назад. Законы, существующие в гражданском праве, по аналогии переносятся на отношения между метрополией (Российской империей) и автономным образованием (Великим княжеством Финляндским).

2.3.2. Тактика интеграции

Как уже отмечалось, в политической коммуникации происходит не только дискредитация «чужих», но и сплочение «своих». Задействуя тактику интеграции (иначе ее также называют тактикой единения [Паршина, с. 136–139]), говорящий очерчивает «свой круг» и присоединяет адресата к группе «своих», укрепляет в нем чувство общности с автором (см. [Горелова, с. 140–141; Журавлева; Сладкевич, с. 176–178]). Типичными инструментами, реализующими данную тактику, являются

так называемые специализированные вербальные знаки интеграции: инклюзивное *мы*, лексемы совместности (*вместе, все, единый*), обращения с коннотацией «я свой» (*друзья, братья и сестры, сограждане*), формулы причастности (*Я, как и все...*) [Шейгал, с. 159]. Исследователи отмечают, что созданию «своего круга» могут способствовать и метафоры, в частности семейные [Сладкевич, с. 178].

В Российской империи начала XX в., в условиях усиления революционного движения и сепаратистских стремлений на окраинах, правительству и консервативным политикам было важно объединить различные национальные и социальные группы в единое целое, внедрить в сознание адресата принцип «Россия едина и неделима», убедить его в том, что все народы дружно и счастливо живут в Российской империи под предводительством русского народа, и тем самым снизить градус напряжения. В рамках тактики интеграции правые ораторы используют несколько основных метафор.

Для того чтобы показать, что процесс объединения разных народов в российское государство неизбежен, естественен и необратим, консерваторы задействуют природоморфные метафоры, в частности концептуальную метафору «Россия / русский народ — это огромное водное пространство, объединившее в себе множество рек». Как реки неизбежно несут свои воды в океан, так и Россия неизбежно объединяет в себе разные народы. Необходимо отметить, что оппозиция «естественный — искусственный» очень важна для русских консерваторов: все, что естественно, оценивается позитивно, все искусственное стигматизируется и отвергается. Только естественный ход событий несет благо, а всякая революция, всякая ломка — это аномалия.

Рассматриваемая нами водная метафора, скорее всего, восходит к прецедентному тексту — стихотворению А.С. Пушкина «Клеветникам России» (1831 г.), в котором есть следующие строки: *«Уже давно между собою // Враждуют эти племена; // Не раз клонилась под грозою // То их, то наша сторона. // Кто устоит в неравном споре: // Кичливый лях, иль верный росс? // Славянские ль ручьи сольются в русском море? // Оно ль иссякнет? вот вопрос»* [Пушкин].

Правые политики и публицисты подхватили образ, созданный великим поэтом. Обратим внимание на характерный пример из публицистической статьи, автор которой открыто указывает на источник прецедентной метафоры:

(40) *Дилемма, поставленная Пушкиным о славянских **ручейках** и русском **море** — в настоящее время не составляет вопроса. Теперь ни об «иссякновении», ни о «поглощении» одного начала другим нет речи, но существует вопрос о том, чтобы привисленец, сохраняя свой язык и свои нравы, **слился** с остальными согражданами России, «в чувствах гражданского единомыслия» [Орлов, с. 16–17]. ...Как ни тянут эти господа привисленцы свою песенку с запада на юго-восток, как ни ограждают себя они какою-то китайщиною, чуждаясь нас, наше русское **море катит свои волны им навстречу, эти волны брызжут на них, обдают их своею свежеею пеною** (Ф.Ф. Орлов. Русское дело на Висле) [Там же, с. 32].*

Мы видим, что публицист разворачивает созданную А.С. Пушкиным метафору, меняя при этом ее модально-оценочный характер. В пушкинском тексте метафора входила в состав риторической фигуры, которая называется дубитацией. **Дубитация** (лат. *dubitacio* — сомнение, колебание) — это «вопрос, высказанный вслух в виде выражения сомнения в чем-либо», при этом «говорящий не знает заранее ответа на собственный вопрос, или, во всяком случае, имитирует такое незнание» [Хазагеров, 2009, с. 180]. То, что у поэта выражено в форме вопроса-сомнения, в тексте правого публициста подается как безапелляционное утверждение.

Приведем пример водной метафоры из речи правого парламентария:

(41) *Но можете ли вы сказать [обращаясь к польским депутатам], что до настоящего времени вы искренне, прямо и открыто делали шаги, чтобы **слиться** вместе с нами и чтобы работа наша была действительно работой всех славянских **ручьев, которые слились бы в русском море?** (В.М. Пуришкевич. 17.11.1907) [СЗСЧ1, стб. 380].*

Характеризуя межнациональные отношения в Российской империи, правые ораторы очень часто говорят о необходимости объединения инородцев с русской культурой, для этого они используют одиночную метафору *слиться*, вошедшую в лексико-семантическую систему языка. Так, в словаре Д.Н. Ушакова указано, что

первое значение этого глагола — ‘соединиться в один поток (о жидкостях, о текущем)’ (*Два ручья слились в речку*), а переносное — ‘составить с кем-чем-н. одно общее, гармоническое целое’ (*слиться с массами*) [Толковый словарь русского языка].

(42) *С тех пор Малороссия национально, культурно и политически совершенно слилась с коренной Россией, слилась в одно органическое государственное целое* (А.И. Савенко. 01.06.1913) [С4С1Ч3, стб. 612].

Кроме водной метафоры, правые ораторы используют космическую метафору в составе метафорической модели «Неживая природа». Русская культура в этих случаях сравнивается с солнцем, вокруг которого вращаются отдельные планеты — нерусские народы:

(43) *Вы знаете, что в нашей вселенной все планеты совершают с математической точностью свое движение только постольку и до тех пор, пока с такой же математической точностью совершает свое движение, предопределенное Всевышним Творцом, центральное светило. <...> Мы верим и утверждаем, на основании всех указаний, всех уроков истории, что государство разнородное может быть едино и крепко только при том условии, если будет в нем крепкий национально-культурный центр. <...> ...Тогда все окраины, и русские, и нерусские, опять попадут под воздействие мощных центростремительных сил и будут мощно вовлечены в орбиту общерусской государственной жизни* (А.И. Савенко. 08.12.1912) [С4С1Ч1, стб. 416].

Тактика интеграции задеиствуется для осмысления не только межнациональных отношений, но и отношений между сословиями, социальными классами. В этом случае правые ораторы обращаются к метафоре организма, коммуникативно высвечивая идею единства всех сословий в составе государства и одновременно установленной между ними иерархии. Как организм состоит из разных частей тела и органов, выполняющих свои функции, так и государство состоит из сословий, другого не дано, и вполне естественно, что у каждого сословия есть свои права и обязанности:

(44) *Мы разумеем народ не так, как разумеют безумные люди, воображающие, что народ может состоять из одних только рабочих и крестьян; как человеческое тело не может состоять из одних рук и ног, без головы и сердца, так и всякому государству нужны и мозг, и душа, и сердце, и все остальное* (Н.Е. Марков. 08.12.1912) [С4С1Ч1, стб. 405–406].

Наиболее высоким положительным эмоциональным потенциалом в констелляции метафор, формирующих лексико-семантическую категорию «свой круг», обладает семейная метафора. Если основной концептуальный вектор природоморфных метафор — это идея неизбежности и естественности, то семейная метафора высвечивает прежде всего идею кровной связи, любви, привязанности, взаимного уважения. Рисуеться образ России как заботливой матери или как большой, дружной, счастливой семьи, в которой все народы — братья:

(45) *Велика и необъятна наша матушка-Русь, и много языков и народностей живет на необъятном пространстве Российской империи, и все они не тесно вмещаются на широком лоне одной нашей любящей матери, нашей общей родины... <...> Господа, Россия смотрит на всех своих граждан как на своих родных детей, у ней нет пасынков, нет отщепенцев, но пусть же сами инородцы, населяющие Российскую империю, смотрят на нее как на родную мать...* (епископ Евлогий. 04.12.1909) [С3С3Ч1, стб. 2997–2998].

В примере (45) идея единения подчеркивается также с помощью специализированных вербальных знаков интеграции: *все они, одной нашей матери, нашей общей родины, на всех своих граждан*.

В речах правых регулярно встречается мысль о том, что только благодаря России многие национальные окраины достигли высокого уровня развития. Ораторы перечисляют различные преимущества, которые инородцы получили в составе Российской империи, и подкрепляют приведенные факты семейной метафорой:

(46) *...Польская промышленность, польское благосостояние есть балованное дитя поощрительной политики русской администрации* (С.Н. Алексеев.

20.11.1907) [СЗС1Ч1, стб. 416]. (47) *И поныне Финляндия есть любимая дочь России, а никак не **падчерица*** (Н.Е. Марков. 12.05.1908) [СЗС1Ч3, стб. 372].

Примечательно, что во многих случаях мелиоративный смысл метафоры акцентируется с помощью антитезы: *мать — мачеха, дочь — падчерица, родные дети — пасынки*.

Признавая все народы, входящие в состав империи, членами одной семьи, правые ораторы все же выделяют русский народ как старшего брата, которому должны подчиняться младшие:

(48) *...Вы [обращаясь к полякам] должны помнить, что вы сейчас **брат меньший**, не гражданин второго разряда, но **брат меньший** по сравнению с тем телом, которое представляет собой Россия* (В.М. Пуришкевич. 17.11.1907) [СЗС1Ч1, стб. 381–382]. (49) *Мы не отнимаем у инородцев ничего, что принадлежит им по праву и по справедливости, но, господа, ведь и у нас же, у русских, есть также и права, права не какие-нибудь, а права **первородства** в русском государстве...* (А.И. Савенко. 08.12.1912) [С4С1Ч1, стб. 417] (*первородство* — ‘старшинство по рождению (среди братьев)’ [Толковый словарь русского языка]).

Семейная метафора в данных контекстах позволяет в мягкой форме утвердить господствующее положение русского народа. Для сравнения можно привести более жесткий вариант метафорического представления субординации: русский народ — хозяин, инородцы — всего лишь гости в его доме.

В терминах семейной метафоры описываются также отношения между социальными слоями. Так, крестьянство предстает в виде младшего брата, который нуждается в опеке:

(50) *Конечно, в высшей степени ценно, что образованная интеллигенция готова идти к своему **меньшему брату** с горячим желанием осветить его темный быт* (епископ Митрофан. 09.11.1909) [СЗС3Ч1, стб. 1590].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Исследователи отмечают, что в политической коммуникации сосуществуют кооперативная (конструктивная) и конфронтационная (деструктивная) макростратегии, направленные на достижение двух разнонаправленных коммуникативных целей — поиска союзников и отрицательной характеристики противников. Данные стратегии представлены в речах правых депутатов Государственной думы Российской империи совокупностью нескольких основных тактик. Среди различных инструментов реализации речевых стратегий и тактик немаловажную роль играет когнитивная метафора. Группу метафор, реализующих одну речевую тактику, мы называем констелляцией.

Деструктивная стратегия явно доминирует в речах дореволюционных правых парламентариев. С ее помощью они представляют в невыгодном свете своих оппонентов — прежде всего революционеров, либералов, представителей национальных меньшинств, сепаратистов. Конструируя образ «чужого», правые депутаты прибегают к трем основным тактикам: запугивания адресата, оскорбления и насмешки, обвинения.

Большое значение для дискурса правых политиков (не только дореволюционных, но и современных) имеет создание образа агрессивного, опасного врага, который планирует нанести вред государству и народу. Запугивая адресата нависшей над ним опасностью, правые парламентарии стремятся привлечь его на свою сторону и обосновывают политику, направленную на борьбу с общим врагом: обозначая «чужих», они тем самым очерчивают «свой круг». В рамках данной тактики задействуется констелляция метафор агрессии: опасность, угрожающая русскому государству, метафорически изображается как вражеская армия, тяжелое заболевание, яд, стихийное бедствие, преступники, опасные животные.

В рамках тактики оскорбления и насмешки враг представляется как слабый, глупый, ничтожный, акцентируются абсурдность и нелогичность его требований. С этой целью правые депутаты чаще всего сравнивают противников с мелкими и грязными животными, сумасшедшими, неопытными детьми.

Задача, решаемая с помощью тактики обвинения, — показать, что противник обманывает народ и использует его в своих корыстных целях. Идею обмана, неискренности передают метафоры азартных игр и театра. Представителей национальных меньшинств правые ораторы обвиняют в том, что они бессовестно эксплуатируют русский народ, живут за его счет. Метафоры высвечивают парадокс: крупнейший народ в империи, народ-победитель находится в услужении у покоренных народов, которые относятся к нему как к сельскохозяйственным животным, слугам, рабам. Тем самым правые парламентарии стремятся задеть в русских чувство собственного достоинства, разжечь в них негодование, обиду и вместе с тем желание восстать против существующего несправедливого порядка.

Несмотря на явное преобладание деструктивной стратегии, во многих случаях в речах правых депутатов Российской империи используется конструктивная стратегия, в рамках которой ораторы-консерваторы стремятся создать положительный образ сложившегося в Российской империи политического строя. В составе данной стратегии выделяются две основные тактики — аргументации и интеграции.

Используя тактику аргументации, правые парламентарии доказывают, почему именно русским должно принадлежать господство в Российской империи и почему инородцы не вправе требовать автономии. Метафора в таком случае выступает в роли квазилогического довода «размышление по аналогии». Так, в публицистике консервативной направленности и речах правых депутатов активно задействуется метафора «Российская империя — это дом, который построил русский народ». Рассуждение строится следующим образом: русский народ построил дом (создал Российскую империю), значит, он является хозяином этого дома, а все остальные народы — его гости/квартиранты — могут рассчитывать на радушный прием, но не вправе предъявлять хозяину свои требования.

В рамках тактики интеграции правые депутаты внедряют в сознание адресата принцип «Россия едина и неделима» и стремятся снизить градус напряжения в условиях усиления революционного движения и сепаратистских стремлений на окраинах. Для того чтобы показать, что процесс объединения разных народов в

российское государство неизбежен и естественен, используются природоморфные и антропоморфные метафоры: «Россия — это огромное водное пространство, объединившее в себе множество рек», «Россия — это солнце, вокруг которого вращаются отдельные планеты», «Россия — это единый организм».

Наиболее высоким положительным эмоциональным потенциалом в констелляции метафор интеграции обладает семейная метафора, профилирующая идею гармоничного развития разных народов и сословий в составе Российской империи. Рисуеться образ России как заботливой матери или как дружной семьи, в которой все народы — братья, при этом подчеркивается, что русский народ — это старший брат, которому должны подчиняться младшие.

Полученная модель, отражающая речевые стратегии и тактики, констелляции метафор и основные концептуальные метафоры в речах правых депутатов Российской империи, представлена на рис. 1.

Рисунок 1. Речевые стратегии и тактики в речах правых депутатов сквозь призму когнитивной метафоры

ГЛАВА 3. ИНТЕРАКТИВНЫЙ АСПЕКТ МЕТАФОРЫ В ПАРЛАМЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ

3.1. Метафора в политическом диалоге

Ключевыми особенностями парламентской речи являются ее полемичность и диалогичность. Задача депутата-оратора — не только доказать правильность своей позиции, но и опровергнуть позицию оппонента. Поэтому для парламентского дискурса важна такая категория, как **ретроспекция** — связь, устанавливаемая оратором между своей речью и предшествующими выступлениями [Громыко, 2007, с. 47–51]. Ретроспективные связи не только интегрируют данное высказывание в единую думскую дискуссию, «коллективно творимый текст», но и выполняют функцию переакцентуации той информации, которая была донесена до аудитории в предыдущих выступлениях, поскольку оратор всегда высказывает свое отношение к содержанию предшествующего высказывания, оценивает его [Там же, с. 50, 89]. Посредством «зацепки» за слово или высказывание политического противника [Руженцева, с. 35] может осуществляться его дискредитация. Использование реплик собеседника (или их фрагментов) в иных (обычно оппозиционных) коммуникативных целях, своеобразный «коммуникативный бумеранг» Н.Д. Арутюнова называет диалогической цитацией, при этом «протест может быть вызван такими параметрами воспроизводимой чужой речи, как истинность, обоснованность, уместность, адекватность, корректность, ясность, стилевые характеристики, выбор слов, способ обращения и т. п.» [Арутюнова, 1986, с. 50].

В условиях публичного диалога, когда речь выступает как основной фактор в поддержании репутации коммуникантов, негативная оценка высказывания речевого партнера с точки зрения коммуникативной компетентности, понимаемой широко и включающей, помимо языкового, предметный, этический, социально-культурный, прагматический аспекты, направлена на захват коммуникативной инициативы и содержательную девальвацию высказывания оппонента [Воронцова, 2006, с. 97–

98; Воронцова, 2013а, с. 184]. В парламентском дискурсе оценке и критике подвергаются не только аргументы политического противника, но и языковые особенности его выступления. Таким образом, инструментом дискредитации становится **метаязыковой рефлексив** — негативная оценка языковых средств, использованных оппонентом. По мнению Т.А. Воронцовой, «„лингвистические“ претензии адресанта призваны дискредитировать содержательную сторону высказывания оппонента: если то, что сказано, неправильно по форме, то неубедительно и по содержанию» [Воронцова, 2012, с. 576]. По нашим наблюдениям, нередко в фокусе метаязыковой рефлексии политика оказывается метафора.

Как уже было отмечено, в ходе метафоризации неизбежно происходят «высвечивание» и «затемнение», что дало повод М. Блэку сравнить метафору с фильтром [Блэк, с. 163]: она «пропускает» необходимые для адресанта аспекты понятия и скрывает, «задерживает» другие, по той или иной причине невыгодные для него. Именно поэтому политики так часто обращаются к метафоре: им нужно, чтобы адресат смотрел на реальность сквозь определенные «идеологические очки». С.Г. Кара-Мурза указывает: «Хорошая метафора очаровывает и загоняет мышление в узкий коридор, выход из которого (умозаключение) предусмотрен манипулятором», при этом «чем парадоксальнее метафора..., тем она лучше действует» [Кара-Мурза, с. 442, 595]. Политическая метафора выступает инструментом языкового манипулирования, языкового насилия, которое, по определению А.П. Сковородникова, является неаргументированным или недостаточно аргументированным вербальным воздействием на адресата, имеющим целью изменение его личностных установок [Сковородников, с. 158–159].

Однако нужно иметь в виду, что рефлексирующий адресат, а тем более опытный политический противник, способен оказать сопротивление языковому насилию. Г.Г. Хазагеров отмечает: «И обман, и манипулирование — оружие обоюдоострое. Для риторики не составляет труда обратить его против самого манипулятора, именно опираясь на главное качество риторики — прояснение ситуации» [Хазагеров, 2002, с. 9]. Это происходит особенно часто в том случае, когда оратор-пропонент использует в своей речи живую, креативную метафору, которая может

стать «миной замедленного действия» [Там же, с. 122]. Политику всегда нужно помнить о том, что креативная метафора может быть использована против своего создателя: предлагая скептически настроенной аудитории яркий, запоминающийся образ, он рискует стать мишенью жесткой критики. По удачному выражению Дж. Чартериса-Блэка, для того чтобы убеждение стало искусством, его искусность не должна быть очевидной («for persuasion to become an art, its artifice should not be apparent») [Charteris-Black, 2001, p. 9]. Использование яркого языка в целях убеждения может привести к прямо противоположному эффекту на адресата [Mio, 1997, p. 128].

Американский исследователь О. Санта Ана предупреждает, что, встретив в тексте оригинальную, новую метафору, читатель останавливается, чтобы оценить ее по таким критериям, как уместность, креативность и функциональность. В результате рефлексирующий читатель (*mindful reader*) (или рефлексирующий адресат, если брать шире) может не согласиться с той связью, которую навязывает индивидуально-авторская метафора [Santa Ana, 1999, p. 217]. Более того, оппонент может подхватить метафору пропонента, «смещая при этом смысловые оттенки» [Хазагеров, 2002, с. 122]. В этом случае исследователя политической метафоры будет интересовать «интерактивный» [Chilton, Ilyin], или «диалогический» [Баранов, 2014, с. 70], аспект ее использования. Важность этого ракурса объясняется тем, что, как подчеркивает А.Н. Баранов, «прагматический аспект спора, дискуссии существенно меняет обычные правила взаимодействия метафорических проекций» [Там же, с. 70].

П. Чилтон и М.В. Ильин в работе [Chilton, Ilyin] обращают внимание на то, что участники дискурса (при условии, что они обладают доступом к политической коммуникации) могут оспорить выбор метафорического фокуса. Чтобы перехватить инициативу, политики стремятся подчинить себе метафору соперника с помощью ее интерпретации и модификации. Исследуя интерактивный аспект использования метафоры М.С. Горбачева «Европа — наш общий дом», П. Чилтон и М.В. Ильин выделяют несколько стратегий «спецификации» метафоры (*metaphor specification*). Оппонент может:

1. Отвергнуть предложенную метафору, указав, что данная сфера-источник не может использоваться для концептуализации данной сферы-мишени, а затем предложить новую метафору из другой сферы-источника («Европа — это не дом, а НЛО») или неметафорический аргумент.

2. Использовать предложенную метафору для концептуализации иной сферы-мишени (не вся Европа в географическом понимании, включая Россию, а только «ЕС — это дом»).

3. Остаться в рамках предложенной метафоры, но ввести иной фрейм, сценарий или следствия; в последнем случае существует несколько техник:

а) детализация (*particularization*) — сосредоточиться на определенной детали («Система военной обороны — это крыша дома»);

б) соподчинение (*superordination*) — обобщить метафору, подняться на более высокий уровень («Европа — это не дом, а город»);

в) координация (*coordination*) — использовать смежный концепт, заменить образ, оставаясь в рамках заданной сферы-источника («Европа — это не дом, а гостиница»).

Третью стратегию иначе называют расширением метафоры. По определению С.В. Агеева, этот прием подразумевает использование метафоры пропонента для защиты своей точки зрения через активизацию иных инференций [Агеев, с. 4]. Американский психолог Дж.С. Мио выдвинул, а затем экспериментально подтвердил гипотезу, согласно которой расширение метафоры (*metaphor extension*) пропонента оказывает на аудиторию большее воздействие, чем контраргумент, оформленный как буквальное утверждение или новая метафора из другой сферы-источника [Мио, 1997, р. 129–130]. В качестве примера Дж.С. Мио привел дискуссию вокруг попыток Литвы отделиться от СССР в начале 90-х гг. В телепередаче канала ABC представитель Советского Союза доказывал, что отношения между странами напоминают развод, а это значит, что нужно, на разрывая официально отношений, пожить какое-то время отдельно, чтобы понять, смогут ли они друг без друга. И только после определенного промежутка времени страны могут разделить общее имущество и расстаться. На это представитель Литвы возразил, что страны никогда не

были в браке, Литва была просто изнасилована (*Lithuania was simply raped*). Она требует немедленного объявления своей независимости, поскольку абсурдно оставаться с насильником вместе еще какое-то время. Таким образом, представитель Литвы видоизменил исходную метафору, повернув ее против представителя СССР. Эксперимент Дж.С. Мио заключался в том, что испытуемым предлагалось оценить несколько реакций на исходную метафору советского политика. Одна реакция, основанная на расширении метафоры, была взята из реальной речи литовского представителя (*Литва была изнасилована*); остальные реакции были сконструированы искусственно. Среди них было опровержение метафоры-стимула с помощью буквального утверждения и два примера введения новой метафоры с другой сферой-источником: 1) СССР и Литва — два корабля, разминувшиеся в ночи (*two ships passing in the night*); 2) Литва — это пленник злого советского режима (*a prisoner being held captive by an evil Soviet regime*). Эксперимент показал, что более убедительным для испытуемых был ответ литовского представителя, содержащий расширение метафоры [Mio, 1996].

Выводы Дж.С. Мио были уточнены в исследовании его коллег [Landau, Keefer, Swanson]. М. Ландау, Л. Кифер и Т. Суонсон установили, что вопрос о том, каким образом можно наиболее эффективно нейтрализовать воздействие метафоры, зависит от ее качества. Это качество психологи обозначили термином *epistemic benefit* (эпистемологическая польза, ценность) и определили его как способность метафоры обеспечить уверенное понимание адресатом проблемной ситуации. Если исходная метафора обладает высокой эпистемологической ценностью, то наиболее эффективным способом ее нейтрализации будет стратегия расширения метафоры. Если же метафора используется просто как фигура речи и не способствует глубокому осмыслению проблемы, то лучше всего или вообще проигнорировать ее, или указать на ее неуместность и предложить контраргументы, основанные на логике [Там же].

Особое внимание интерактивному аспекту использования метафоры в политической коммуникации уделил А. Мусолфф в монографии [Musolff, 2004]. Исследователь указывает на то, что, поскольку неотъемлемыми чертами политического

дискурса являются полемичность и состязательность, такой дискурс отличается критическим отношением к чужой метафоре [Ibid., p. 32], и «метаметафорический» (meta-metaphorical) комментарий [Ibid., p. 38] становится инструментом, с помощью которого говорящий минимизирует влияние метафоры, навязывающей определенный политический курс, и возвращает аудиторию в область целесообразного [Ibid., p. 31].

Правомерно выделять макро- и микроуровень в интерактивном использовании метафор. С одной стороны, на микроуровне метафоры обсуждаются и модифицируются в условиях непосредственного диалога лицом к лицу (например, в ходе интервью или дебатов). С другой стороны, наиболее значимые метафоры эволюционируют на протяжении длительного периода в ходе виртуальных дискуссий, опосредованных СМИ и часто выходящих за рамки одного национального дискурса. Политики и журналисты реагируют на яркую метафору и изменяют, корректируют ее в зависимости от своих политических взглядов и конъюнктуры. А. Мусолфф выводит типичную схему эволюции таких метафор: сначала исходный метафорический сценарий положительно оценивается и широко распространяется через СМИ, затем его постепенно начинают оспаривать, а в итоге он приобретает прямо противоположную, крайне негативную оценку [Ibid., p. 141].

Ряд исследований посвящен интерактивному использованию концептуальной метафоры «Европа — это наш общий дом», введенной в оборот во второй половине 1980-х гг. М.С. Горбачевым взамен конфронтационной метафоры «железный занавес». А.П. Чудинов считает, что новая метафора выполняла прежде всего гипотетическую функцию, позволяя представить что-то еще не до конца осознанное, создать некоторое предположение о сущности метафорически характеризуемого объекта: «Точные формы отношений между вчерашними врагами были еще неизвестны, но метафора, используя хорошо знакомую понятийную основу с ярким эмоциональным ореолом, создавала по крайней мере представление об общих принципах отношений» [Чудинов, 2003, с. 61]. Метафора дома, использованная М.С. Горбачевым, распространилась во всех национальных дискурсах европейских стран. Так, восстановление единства Германии рассматривалось как объединение

двух комнат в одну квартиру [Musolff, 2000, p. 220]. В дальнейшем метафора общеевропейского дома «была практически монополизирована западными политиками (и, прежде всего, немцами), которые больше не рассматривали нестабильную и бедную Восточную Европу (и, прежде всего, Россию) в качестве полноценных „жильцов“ „европейского дома“, а из российской политической риторики данная метафора исчезла» [Керимов, 2005, с. 98]. Другими словами, в концептуальной метафоре «Европа — это дом» изменилась сфера-мишень: под Европой стали понимать не часть света (включая Россию), а только Европейский союз. Сегодня метафора «ЕС — это дом» регулярно используется в политическом дискурсе, при этом расширение Евросоюза сравнивается со строительством или вхождением в дом новых членов, так называемые еврократы — с архитекторами, ведущие европейские страны (прежде всего Германия) — со столпами, опорами, независимые государства-члены — с отдельными квартирами или жильцами дома и т. п. [Hülse; Musolff, 2000; Керимов, 2005]. Для обозначения выхода Великобритании из ЕС СМИ используют неологизм *Brexit*, возникший из слов *Britain* ‘Британия’ и *exit* ‘выход’ (т. е. выход из европейского дома). Значительные изменения произошли не только в сфере-мишени исходной метафоры, но и в сфере-источнике. Если М.С. Горбачев имел в виду многоквартирный дом советского типа, то западные политики — частный дом, в котором живет одна семья. Соответственно метафора М.С. Горбачева высвечивала прежде всего идею коллективной ответственности, общей структуры и независимости отдельных жильцов, в то время как западная трактовка предполагала единение, семейные отношения, отсутствие внутренних границ [Chilton, Lakoff, p. 54–55]. В начале 1990-х гг. европейские политики и журналисты задействовали преимущественно оптимистические сценарии в пределах метафоры дома (укрепление фундамента, совместное строительство, реализация смелых архитектурных проектов), к концу десятилетия, по мере того как начали обостряться противоречия между странами-членами ЕС, стали преобладать пессимистические настроения (хаос на строительной площадке, появление трещин в конструкции, пожар в здании без эвакуационных выходов) [Musolff, 2000; Musolff, 2004, p. 144].

А. Мусолфф подчеркивает, что дискурсивные отсылки к метафорам, ранее введенным в политическую коммуникацию, служат не только полемическим, дискредитирующим целям; если говорящий согласен с посылом исходного метафорического сценария, он может обогатить его дополнительными компонентами, уточнить, углубить и тем самым сделать более убедительным и эффективным [Musolff, 2004, p. 154, 156].

Наш материал показывает, что депутаты Государственной думы Российской империи обращали пристальное внимание на языковые особенности выступлений своих соратников и соперников, в частности на использование метафор. Во многих случаях ораторы цитируют метафорические высказывания, прозвучавшие в речах коллег или встретившиеся в печатном издании, для подтверждения своей позиции:

(1) *В официозной газете «Россия» отношение между правительством и народным представительством по вопросу о бюджете характеризовалось, кажется, следующим образом: правительству нужна **новая шляпа**, и оно обращается к Думе с предложением дать ему деньги на **покупку новой шляпы**. Если, говорит, не дадут, то мы **наденем свою старую шляпу** и скажем «до свидания». Вот я нахожу, что такая постановка вопроса бюджета в отношениях между Думой и правительством соответствует действительности* (Г.А. Алексинский. 22.03.1907) [С2С2Т1, стб. 953]. (2) *...Как только начинают трещать аргументы представителей правительства и представителей тех, которые защищают всегда и во всем представителей правительства, **на сцену** всегда выдвигают, как назвал Бобринского член Государственной Думы Шингарев, националистический и политический **барабан-тромбон*** (Е.П. Гегечкори. 23.02.1910) [С3С4Ч2, стб. 2726].

Удачная, меткая метафора может стать прецедентной: она постоянно цитируется в речах политиков и СМИ, постепенно теряет оттенок новизны и начинает служить обычным способом представления ситуации, при этом первоначальный создатель метафоры может уже даже не упоминаться. Например, кадет Ф.И. Родичев назвал виселичную петлю *стольпинским галстуком*:

(3) *Да, господа, я вам скажу более: в то время, когда русская власть находилась в борьбе с эксцессами революции, только одно средство видели, один палладий в том, что господин Пуришкевич называет муравьевским воротником и что его потомки назовут, быть может, **столыпинским галстухом**...* (Ф.И. Родичев. 17.11.1907) [СЗСІЧІ, стб. 396].

Впоследствии это выражение стало крылатым. Сравните примеры из источников советского периода (контексты взяты из Национального корпуса русского языка):

(4) *Виселищу в то время называли «**столыпинским галстуком**»* (История ВКП(б). Краткий курс (1938)). (5) *И одновременно со все чаще затягивавшимися на шеях революционеров «**столыпинскими галстуками**» Финляндии было предъявлено требование выдать угнездившихся на ее территории террористов, экспроприаторов, вообще революционеров* (М.В. Вишняк. Дань прошлому (1953)).

В ряде случаев оратор не просто приводит чужую метафору, но и развивает, разворачивает ее для поддержки позиции создателя метафоры, солидаризации с ним. Однако, по нашим наблюдениям, гораздо чаще в дореволюционном парламентском дискурсе оппонент негативно оценивает метафору пропонента, и такой метаязыковой комментарий становится эффективным инструментом «игры на понижение», способом дискредитации пропонента. Обозначим такой прием использования чужой метафоры ее дискредитацией. Таким образом, под **дискредитацией метафоры** будем понимать вербализованную реакцию оппонента на метафору пропонента с целью умаления его авторитета и/или развенчания его позиции. С помощью данного приема оратор разрушает метафорический образ, созданный пропонентом, демонстрирует нелогичность, абсурдность, неправильность метафоры и тем самым представляет пропонента в невыгодном свете и повышает собственный статус. Дискредитацию метафоры политического противника, по нашему мнению, можно рассматривать как проявление речевой агрессии, как вторжение в коммуникативное пространство адресата [Воронцова, 2006]: присваивая себе чужую метафору и распоряжаясь ею по своему усмотрению, говорящий перехватывает коммуникативную инициативу и создает коммуникативный дисбаланс, кроме того, он

обесценивает высказывание непосредственного адресата (автора исходной метафоры) и навязывает негативное отношение к нему со стороны множественного и массового адресата (депутатов и общественности).

3.2. Способы нейтрализации прагматического потенциала метафоры политического противника

Как отмечают психологи, большую практическую значимость имеет недостаточно изученный вопрос — каким образом можно наиболее эффективно устранить воздействие метафоры (effective ways to “undo” a metaphor’s influence) [Landau, Keefer, Swanson, p. 63]. В нашем исследовании мы рассмотрим лингвистические аспекты этого механизма и покажем его работу на конкретном материале.

В проанализированных речах (250 выступлений депутатов Государственной думы Российской империи) было зафиксировано 113 примеров дискредитации метафоры политического противника. Популярность такого приема объясняется тем, что для любого парламентского дискурса характерна полемичность, а борьба партий в Государственной думе Российской империи была особенно ожесточенной.

Опираясь на классификацию стратегий «спецификации» метафоры П. Чилтона и М.В. Ильина, мы выделили следующие способы дискредитации метафоры политического противника (нейтрализации ее прагматического потенциала):

- **указание на неуместность метафоры:** оппонент открыто подчеркивает, что в основе метафоры пропонента — неправомерная аналогия;
- **реметафоризация:** оппонент отвергает метафору пропонента и предлагает свою «контрметафору» из другой сферы-источника;
- **расширение метафоры:** оппонент подхватывает метафору пропонента, развивает ее и использует для защиты своей, противоположной точки зрения;
- **ретаргетирование:** оппонент использует метафору пропонента для концептуализации иной сферы-мишени.

Далее, принимая во внимание представленную классификацию, последовательно опишем способы нейтрализации прагматического потенциала метафоры и выявим конкретные языковые приемы, позволяющие их реализовать.

3.2.1. Указание на неуместность метафоры

Чтобы нейтрализовать действие исходной метафоры, оппонент отвергает навязываемую связь между сферой-источником и сферой-мишенью, открыто обвиняет своего противника в использовании неправомерной аналогии и тем самым выставляет его в невыгодном свете. Иными словами, оратор подчеркивает, что данная метафорическая форма не подходит для концептуализации данной сферы-мишени. В дореволюционных парламентских речах нами было выявлено 29 случаев указания на неуместность метафоры политического противника, которое может реализовываться с помощью нескольких приемов.

Цитирование с комментарием. Н.Б. Руженцева отмечает, что для дискредитации противника политик может взять цитату из его выступления и дать нейтральному высказыванию оскорбляющий навязчивый комментарий [Руженцева, с. 34]. В нашем случае, приводя метафору политического противника, оратор вставляет свой комментарий, указывающий на ее неуместность. Такой прием мы находим в речи лидера кадетов П.Н. Милюкова:

(6) *Наконец, примыкал к этому мнению и Шванебах: «... Крестьян можно уподобить — не совсем лестное сравнение — можно уподобить ценному балласту, который придаст устойчивость кораблю-Думе в борьбе со стихийными течениями и увлечениями общественной мысли» (П.Н. Милюков. 31.10.1908) [СЗС2Ч1, стб. 637].*

П.Н. Милюков цитирует слова крупного государственного чиновника П.Х. Шванебаха, участника специального совещания 1905 г., на котором обсуждалось создание Государственной думы. Представители правящей элиты видели в крестьянстве наиболее консервативный элемент, опору самодержавия и выступали за широкое представительство этого сословия в Думе. П.Х. Шванебах облек этот

смысл в метафорическую форму: он сравнил парламент с кораблем, а крестьянство — с балластом, подразумевая, что именно крестьяне будут отстаивать в Думе наиболее консервативные взгляды и противостоять оппозиционным течениям. Чиновник активизирует мелиоративные семы, содержащиеся в прямом значении слова *балласт* ‘специальный груз для обеспечения **правильной** осадки и **остойчивости** корабля’ [Большой толковый словарь русского языка]. На это указывает и определение *ценный*. Лидер кадетов, добавив иронический комментарий «не совсем лестное сравнение», дискредитирует позицию правящей элиты, намекая на то, что в ее глазах крестьяне — лишь груз, выполняющий вспомогательную функцию, а не живые люди. Кроме того, замечание П.Н. Милюкова переносит акцент на не-прямое негативно окрашенное значение слова *балласт*, закрепленное в лексико-семантической системе русского языка, — ‘о том, кто (что) является лишним, ненужным, обременяющим кого-, что-л.’ [Там же].

Комментирование метафоры может также осуществляться по ходу выступления оратора с помощью реплики с места. Как отмечает Л.Г. Шамугия, «в парламентских дебатах реплика становится мощным оружием полемики, возможно, более острым и действенным, чем долгие выступления с трибуны» [Шамугия, с. 70]. Услышав в речи выступающего метафору, его политический противник выкрикивает фразу, в которой указывается на неуместность, неприличность (7), избитость (8) и другие негативные характеристики созданного образа:

(7) Ну пусть вы **изнасиловали** Финляндию в данный момент. (Крупенский, с места: **терминология совершенно недопустимая.**) Дайте ей, по крайней мере, то, что могло бы удовлетворить ее надолго (П.Н. Милюков. 26.05.1910) [СЗСЗЧ4, стб. 2446].

(8) Добились успокоения, того успокоения, которое царствует на **кладбище**... (Ф.И. Родичев. 23.02.1909) (Голос в центре: **старо.**) [СЗСЗЧ2, стб. 2244].

Противопоставление буквального утверждения метафоре. Прочитывая метафору политического противника, оратор приводит буквальное утверждение, показывая, что метафора не соответствует реальному положению вещей.

В речи 18 ноября 1909 г. левый депутат А.Е. Кропотков, рассказав о случаях грубейшего нарушения неприкосновенности личности со стороны полиции в Вятской губернии, цитирует слова местного губернатора С.Д. Горчакова:

(9) ...Затем [вятский губернатор] называет себя **конем ретивым, который потоптал невинную траву**; если бы этот губернатор вздумал подсчитать, сколько его стражники перепороли людей, он сам испугался бы, что **тут не трава, а люди, и кровь людская текла по воле самодержавных стражников из народа** (А.Е. Кропотков. 18.11.1909) [СЗСЗЧ1, стб. 2103].

В словах губернатора содержится зооморфная метафора: стремясь показать себя человеком, проявившим излишнее рвение в работе, С.Д. Горчаков сравнивает себя с конем, потопавшим невинную траву. В данном случае метафора выполняет эвфемистическую функцию. Как указывает А.П. Чудинов, «метафора помогает передать информацию, которую автор по тем или иным причинам не считает целесообразным обозначить прямо, при помощи непосредственных номинаций» [Чудинов, 2013, с. 21]. Действительно, вместо того чтобы прямо признать жестокость полиции, С.Д. Горчаков использует образ ретивого коня, обладающий в русской лингвокультуре положительными коннотациями. Депутат А.Е. Кропотков разоблачает метафору вятского губернатора и показывает истинное положение вещей, выстраивая антитезу с противительным союзом *а* (*тут не трава, а люди, и кровь людская текла*) и противопоставляя тем самым метафорическую и реальную действительность.

Если в примере (9) снижается высокий образ пропонента, то в контексте (10) оратор нейтрализует пейоративную метафору, имеющую целью дискредитировать сферу-мишень:

(10) *Мы возмущались, когда с этих скамей однажды попробовали назвать суд той Фемидой, которая продается с публичного торга. Мы полагаем, наоборот, что русский суд даже в те позорные минуты, когда некоторые граждане Российской империи продавали Россию за японо-российские деньги, даже в эту позорную минуту не продавался* (В.В. Шульгин. 13.11.1909) [СЗСЗЧ1, стб. 1896].

Правый депутат В.В. Шульгин приводит высказывание своих политических противников, в котором традиционный образ древнегреческой богини Фемиды, олицетворяющей правосудие, профанируется: она изображается как публичная женщина. Здесь можно увидеть аллюзию к стихотворению Н.А. Некрасова «Убогая и нарядная», описывающему судьбу падших женщин. В этом стихотворении есть такие строки: *Бриллианты, цветы, кружева, // Доводящие ум до восторга, // И на лбу роковые слова: // «Продается с публичного торга!»* [Некрасов]. Очевидно, что целью этой метафоры является дискредитация судебной системы Российской империи, указание на продажность, взяточничество судей. Смыслу, заложенному в метафоре, В.В. Шульгин противопоставляет буквальное утверждение, которое вводится с помощью вводного слова *наоборот*: *русский суд... не продавался*.

Рассмотрим еще один любопытный случай противопоставления буквального утверждения метафоре. В одной из своих речей во II Государственной думе П.А. Столыпин стремился оправдать перед депутатами введение военно-полевых судов. По его мнению, в случае, когда государство находится в опасности, оно имеет право принимать самые строгие законы для сохранения своей целостности. Премьер-министр приводит несколько примеров, когда «необходимость стоит выше права»:

(11) *Когда дом горит, господа, вы вламываетесь в чужие квартиры, ломаете двери, ломаете окна. Когда человек болен, его организм лечат, отравляя его ядом. Когда на вас нападает убийца, вы его убиваете* (П.А. Столыпин. 13.03.1907) [С2С2Т1, стб. 514].

П.А. Столыпин доказывает, что волна революционного террора может быть остановлена только с помощью жестких репрессивных мер. Свою речь он заканчивает следующим образом:

(12) *Господа, в ваших руках успокоение России, которая, конечно, сумеет отличить кровь... на руках палачей от крови на руках **добросовестных врачей**, применяющих самые чрезвычайные, может быть, меры с одним только упованием, с одной надеждой, с одной верой — **исцелить трудно больного*** [С2С2Т1, стб. 517].

В данном высказывании П.А. Столыпин противопоставляет две позиции: точки зрения оппозиционеров, царское правительство — это палачи, по мнению же самого премьер-министра, это добросовестные врачи. В том, что оппозиционеры представляли П.А. Столыпина как палача, можно увидеть метонимический перенос: «конкретное лицо, осуществляющее казнь» — «председатель Совета министров и министр внутренних дел как высший начальник всех палачей». В результате ответственность за все смертные казни возлагается на П.А. Столыпина. Председатель Совета министров, в свою очередь, метафорически позиционирует себя как добросовестного врача, готового выполнить трудную операцию для исцеления больного. П.А. Столыпин часто в своих речах использовал морбиальную метафору, изображая Россию как больной организм. При этом, по его мнению, состояние больного уже настолько тяжело, что ему могут помочь только самые радикальные меры лечения.

Член трудовой группы А.А. Булат вспомнил метафору П.А. Столыпина через несколько лет в своей речи уже в III Государственной думе:

(13) *Ведь помните, господа, когда в 1906 г. смертных казней было 144, мы, собравшись во второй Думе, этому ужасались, и председатель Совета министров в своей речи по вопросу об отмене военно-полевых судов говорил, что это необходимость, говорил, что кровь эта на руках не палача, а добросовестного врача. Словом, глава правительства заявил тогда себя добросовестным врачом, что он иначе не может* (А.А. Булат. 18.02.1910) [СЗСЗЧ2, стб. 1798–1799].

Важно отметить, что если в высказывании П.А. Столыпина положительная самопрезентация реализуется имплицитно и окончательная оценка возлагается на абстрактный субъект — Россию (*Россия сумеет отличить*), то депутат-трудовик в эксплицитной форме раскрывает притязания премьер-министра на высокую роль (*заявил себя добросовестным врачом*). Далее А.А. Булат показывает, что в продолжение нескольких лет после принятия закона о военно-полевых судах революционная волна спала, количество политических убийств значительно сократилось, од-

нако смертные казни и репрессивные полицейские меры сохраняются. Свои рассуждения левый оратор заканчивает дискредитацией исходной метафоры П.А. Столыпина:

(14) *Спрашивается: кровь всех повешенных в этом году на чьих руках? На руках **врача** или на руках палача, — я спрашиваю вас?* (А.А. Булат. 18.02.1910) [СЗСЗЧ2, стб. 1799].

А.А. Булат оформляет свой вывод в виде риторических вопросов, при этом, если первый вопрос приглашает к совместному размышлению, то второй вопрос, альтернативный, более очевидно навязывает нужный оратору ответ. Обращает на себя внимание кольцевая композиция и повтор «вопрошающего» глагола: сначала он используется как вводное слово *спрашивается* со значением ‘возникает вопрос’ (у всех у нас), в конце — в форме 1-го лица единственного числа (я лично спрашиваю). Тем самым создается эмоционально сильное побуждение к ответу и проponentа, и всех слушающих. По мнению С.А. Громыко, риторический вопрос — это главный стилистический прием политической речи начала XX в. Он побуждает аудиторию обратить внимание на некие очевидные, общеизвестные факты, уже ставшие частью пресуппозитивных знаний, однако в свете новых событий получившие новое значение [Громыко, 2010, с. 78]. В рассматриваемом нами случае по-новому оценивается метафора П.А. Столыпина. А.А. Булат противопоставляет факты и исходный образ, реальную и метафорическую действительность, обвиняя премьер-министра в том, что он ввел аудиторию в заблуждение.

Буквализация метафоры. По определению А.П. Сковородникова, буквализация метафоры состоит в том, что «метафорическое выражение нарочито осмысливается и употребляется в прямом (буквальном, непереносном) значении» [Эффективное речевое общение]. В полемических целях оратор может сделать вид, что он воспринял метафору своего политического противника буквально, и выразить недоумение по поводу неуместности высказывания.

Обсуждая введение института мировых судей, правый депутат В.М. Пуришкевич выразил опасение, что мировые судьи будут некомпетентны и даже вредны в деле отправления правосудия. Для этого он использовал литературную метафору:

(15) *Окажется, что народ получит взамен несовершенного сейчас... института земских начальников **Митрофанушек из недорослей**, которые будут этот самый народ либо распропагандировать, либо, если пропаганда не под силу, будут его запутывать окончательно* (В.М. Пуришкевич. 04.11.1909) [СЗСЗЧ1, стб. 1278].

Как известно, имя персонажа комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль» Митрофанушки является в русской лингвокультуре прецедентным и обозначает малообразованного, ленивого, не желающего учиться подростка [Большой толковый словарь русского языка]. Выступавший позднее депутат-октябрист Н.П. Шубинский, защищавший институт мировых судей, следующим образом возразил В.М. Пуришкевичу:

(16) *Он [Пуришкевич] выразил опасение, что для будущего института не будет достаточно серьезных деятелей. Он боялся, что этот институт наводняется **Митрофанушками**. Господин Пуришкевич опасается напрасно — **Митрофанушка рожден в 1782 г.; тогда ему было 15 лет, почти столетие отделяет нас от той эпохи, а по столетиям люди не живут. Митрофанушки умерли, а теперь остались сыновья их — только политические*** (Н.П. Шубинский. 04.11.1909) [СЗСЗЧ1, стб. 1372].

Притворно недоумеая по поводу высказывания правого депутата, Н.П. Шубинский смотрит на литературного персонажа как на реальное лицо, которое не могло бы дожить до начала XX в. Тут же он намекает на то, что сам В.М. Пуришкевич является некомпетентным политиком, одним из сыновей Митрофанушек.

Этимологизация метафоры. В большинстве случаев оратор указывает на неуместность живой, креативной метафоры. Тем не менее оппонент может обратить внимание и на стертую метафору в речи проponenta (в частности, выраженную в форме паремии), восстановить ее этимологию, а затем указать на неуместность использования воссозданного первоначального образа для концептуализации сферы-мишени.

Депутат-октябрист Г.Е. Фелькерзам в речи 13 февраля 1912 г. выступил против того, чтобы историческое название «Царство Польское» было упразднено. По его мнению, поляки, лишённые автономии и находящиеся под властью русского

правительства, имеют право хотя бы на сохранение своей истории. Для выражения этой мысли Г.Е. Фелькерзам использует пословицу:

(17) *Господа, будьте же великодушны. У поляков ничего не осталось, кроме одного только исторического воспоминания о прошлом. Оставьте это прошлое и помните вашу русскую прекрасную, благородную поговорку, что **лежачего не бьют*** (Г.Е. Фелькерзам. 13.02.1912) [СЗС5Ч2, стб. 2020].

В нашей работе мы придерживаемся широкого подхода к метафоре, принятого в когнитивной лингвистике. В связи с этим данную пословицу мы тоже будем считать метафорой, поскольку здесь более отвлеченное понятие — унижение, причинение морального вреда — осмысливается в терминах телесного опыта как нанесение побоев.

Выступавший позднее правый депутат Н.Е. Марков, напротив, призывал к усиленной борьбе с «полонизмом» — стремлением поляков возродить свое государство. А для этого, с его точки зрения, русское правительство вправе применять самые жесткие меры. Н.Е. Марков отмечает пословицу в речи Г.Е. Фелькерзама и приводит ее этимологию:

(18) *Барон Фелькерзам нам сказал, что есть русская благородная пословица: **лежачего не бьют**, зачем вы хотите **бить лежащих** поляков? Я люблю русские пословицы не менее барона Фелькерзама, но должен сказать, ведь **это выражение выработалось в старину, во времена кулачных боев**: шла стенка на стенку, и было правило: когда повергнут врага, то он лежит и уже не встает, его бить нельзя; **но это применялось только в игре**, это была **игра**, свои шли на своих, не желали убивать, не желали уничтожить, это была **забава**...* [СЗС5Ч2, стб. 2373–2374].

Н.Е. Марков подчеркивает, что сфера-источник обсуждаемой метафоры — «Игра, забава», когда же речь идет о защите государственных интересов, эта понятийная область не пригодна для осмысления внутривнутриполитической борьбы. По мнению правого депутата, *лежачего необходимо иногда бить*. Н.Е. Марков приводит три примера, в которых высказывание *лежачего не бьют* оказывается неуместным:

(19) *В древней истории римляне не победили, но во всяком случае осилили слонов Пирра тем, что бросались на землю и подрезывали сухожилия их ног.*

(20) *Мы знаем, что у японцев есть игра джиу-суа, когда очень часто противник бросается на землю и в это время предательским ударом убивает более сильного.*

(21) *...Если вы встретите змею, которая тоже лежит, вы не будете говорить: лежащего не бьют и не дадите себя ужалить хотя бы в пята [СЗС5Ч2, стб. 2374].*

Используя индуктивное рассуждение (от частных утверждений к общему), правый депутат заключает: (22) *...Часто приходится бить лежащего, и в этом ничего неблагородного нет, и вообще чрезмерное благородство в политике и в государственной жизни часто приводит к отрицательным результатам [СЗС5Ч2, стб. 2374].* Восстановив первоначальный образ метафоры (ситуация кулачного боя), Н.Е. Марков приходит к выводу, что игру между своими нельзя сравнивать с политической борьбой, напротив, следование правилу «лежащего не бьют» в политике может привести к тяжелым последствиям, поскольку «лежащий» противник может представлять большую опасность.

3.2.2. Реметафоризация с использованием другой сферы-источника

В переводоведении под **реметафоризацией** понимается особый тип трансформации — замена одной метафоры другой [Швейцер, с. 137]. На наш взгляд, этот термин вполне применим и к одному из способов дискредитации метафоры, при котором оппонент отвергает метафору пропонента и предлагает свою «контрметафору». При этом он может оставаться в рамках той же сферы-источника (подобный прием рассматривается как разновидность расширения метафоры) или же использовать иную понятийную область для концептуализации сферы-мишени. Важно подчеркнуть, что замена чужой метафоры своей метафорой из другой сферы-источника встречается не так часто (всего три примера в нашей выборке).

В заключении своей речи по поводу дела Азефа премьер-министр П.А. Столыпин использовал следующую метафору:

(23) *Мы, правительство, мы **строим** только леса, которые облегчают вам строительство. Противники наши указывают на эти леса, как на возведенное нами безобразное здание, и яростно бросаются рубить их основание. И леса эти неминуемо рухнут и, может быть, задавят и нас под своими развалинами, но пусть, пусть это будет тогда, когда из-за их обломков будет уже видно, по крайней мере, в главных очертаниях здание обновленной, свободной, ...преданной, как один человек, своему Государю России (П.А. Столыпин. 11.02.1909) [СЗСЧ2, стб. 1437–1438].*

Этой метафорой П.А. Столыпин желает отвести критику со стороны оппозиционеров, указывающих на царящий в стране полицейский произвол и всевластие охранного отделения. Премьер-министр не отрицает существующие в этой области проблемы, но ему важно подчеркнуть, что некоторые перегибы в работе полицейской системы — это временное, но необходимое средство для успокоения страны и налаживания нормальной законодательной деятельности. В связи с этим работу правительства и министерства внутренних дел он сравнивает со строительными лесами, которые могут казаться кому-то безобразным зданием, но без которых невозможно возведение здания свободной России. Развернутая архитектурная метафора призвана не только изобразить крайние проявления политической реакции как неизбежный этап государственного строительства, но и коммуникативно высветить идею конструктивной, рациональной деятельности и тем самым снизить эмоциональный накал, который был связан с делом революционера-provokatora Е.Ф. Азефа.

Представитель кадетов В.А. Маклаков отреагировал на метафору П.А. Столыпина в своем выступлении:

(24) *Нас утешают тем, что **строятся** леса, за которыми **высится** здание. Здесь говорилось о том, кто **строит** эти леса, но я вам скажу, что Россия — это не кирпич, не камень, не глина, она не может ждать этого; она не здание, а живое тело, которое возмущается, которое задыхается, и, когда вы пожелаете снять эти леса, может быть, будет уже поздно... (В.А. Маклаков. 13.02.1909) [СЗСЧ2, стб. 1496].*

Кадетский депутат отвергает предложенный П.А. Столыпиным образ с помощью троекратного отрицания (*Россия — это не кирпич, не камень, не глина*), а затем предлагает свой: Россия предстает не в виде строящегося здания, а в виде живого организма. Соответственно строительные леса, сжимающие этот организм, становятся аналогом *оков, тисков, цепей* (регулярные метафоры в оппозиционном дискурсе), что должно профилировать идею ограничителя действий и ментальных состояний субъекта [Баранов, 2014, с. 54]. Задействуется также слот «Дыхание» в составе физиологической метафорической модели: в атмосфере полицейского произвола и отсутствия свободы российское общество *задыхается*. Ср. переносное значение этого глагола, фиксированное в толковом словаре ‘находиться в состоянии крайней стесненности, крайнего удручения, изнемогать от притеснений’ [Толковый словарь русского языка]. В результате рациональный образ поэтапного строительства, введенный П.А. Столыпиным, заменяется эмоциональным призывом пожалеть живой организм, находящийся в смертельной опасности.

3.2.3. Расширение метафоры

При расширении метафоры оратор вводит дополнительные элементы из той же сферы-источника, к которой принадлежит метафора-стимул. Безусловно, такой вид спонтанного речетворчества, умение включаться в общую языковую игру, развертывая один тип концептуальной метафоры, наиболее интересен и напрямую зависит от полемических способностей оппонентов [Балашова, 2011, с. 469]. По нашим подсчетам, в дореволюционном парламентском дискурсе это самый частотный способ дискредитации метафоры политического противника (65 примеров в нашей выборке), при этом можно выделить три основные техники расширения метафоры — доведение до абсурда (33 примера), прием бумеранга (21 пример) и реметафоризацию с использованием той же сферы-источника (11 примеров).

Доведение до абсурда. В риторике доведение до абсурда (лат. *reductio ad absurdum*) рассматривается как прием преувеличения или преуменьшения какого-нибудь параметра до тех пор, пока не возникнет настолько сильный контраст, что он

кажется абсурдным и смешным [Краснопольская, с. 127]. Как отмечает Т.А. Воронцова, «в публичном диалоге этот риторический прием чаще всего реализуется как гипербола» [Воронцова, 2013b, с. 117]. Оратор проигрывает метафорический сценарий, предложенный пропонентом, до логического конца, используя новые метафоры из той же сферы-источника и создавая тем самым намеренно нелепый, утрированный образ.

19 ноября 1916 г. один из самых ярких представителей крайне правых в Государственной думе, талантливый оратор В.М. Пуришкевич выступил с исторической речью. Подчеркивая свою «верноподданническую преданность» государю, он вместе с тем подверг резкой критике органы правящей власти, которые в условиях тяжелой войны, по его мнению, не только не справлялись с возложенными на них обязанностями, но и умышленно тормозили и отдаляли час победы над внешним врагом. Эта речь «стала рубежом, отделяющим его как от многих идей, которые он отстаивал, так и от правящего дома, который он клялся защищать» [Величайшие речи в русской истории, с. 168]. Большинство правых депутатов отказались признать В.М. Пуришкевича выразителем их мнения и осудили это выступление.

В своей речи В.М. Пуришкевич отмечает, что сейчас не время для партийных споров и сведения прежних счетов, напротив, все партии должны объединиться, чтобы вместе работать на победу. Ему самому пришлось покинуть ряды своей фракции, чтобы выразить мнение самых широких слоев населения. Эту мысль он облакает в метафорическую форму:

(25) *Бывают, однако, моменты, господа, когда должно быть приносимо в жертву все, когда нельзя позволить себе говорить, **взобравшись на уездную или губернскую колокольню, а нужно бить в набат, взойдя на колокольню Ивана Великого, откуда виднее все то, что творится на святой матушке-Руси*** (В.М. Пуришкевич. 19.11.1916) [С4С5, стб. 261].

Оратор оживляет метафору, лежащую в основе фразеологизма *со своей колокольни смотреть* ‘об узости взглядов, ограниченности кругозора’ [Толковый словарь русского языка]. Создается сложный образ, объединяющий метафору здания,

звуковую и ориентационную метафору. Словосочетание *бить в набат* в буквальном смысле означает ‘звоном колокола оповещать о бедствии, сзывать на помощь’, а в переносном — ‘поднимать тревогу, обращать внимание общества на какую-н. опасность’ [Там же]. Оппозиции «низкий — высокий», «уездная/губернская колокольня — колокольня Ивана Великого» призваны противопоставить узкопартийные интересы и благо всей страны. Не случайно используется прецедентное имя *колокольня Ивана Великого*: именно это сооружение считалось главной и самой высокой колокольней Московского царства. О важности этой колокольни для русского сознания свидетельствуют несколько фразеологизмов и паремий: *во всю ивановскую*; *ростом с Ивана Великого*; *выше Ивана Великого*; *кабы Иван Великий был маленький, я бы его в карман посадил* и др.

Особенно жестко в речи 22 ноября «новоявленного прогрессиста» раскритиковал Н.Е. Марков. Почти 10 лет В.М. Пуришкевич и Н.Е. Марков работали в одной фракции и по всем вопросам выступали единым фронтом. Чтобы выставить бывшего соратника в невыгодном свете, Н.Е. Марков среди прочего доводит до абсурда его метафору. Вначале он несколько видоизменяет исходный образ, дополняя его новыми компонентами:

(26) ...Десять лет он [Пуришкевич], бедный, сидел в этой фракции; они, эти уездные люди, **сидят на своих маленьких уездных колоколеньках, на покривившихся, старых, не отремонтированных, а он молодецки помчался на колокольню Ивана Великого и забил набат на всю Россию** (Н.Е. Марков. 22.11.1916) [С4С5, стб. 361–362].

Н.Е. Марков разворачивает метафору-стимул: вместо исходного слова *колокольня* используется диминутив *колоколеньки*, добавляются определения *маленькие, покривившиеся, старые, не отремонтированные*, глагол *взойти* (на колокольню Ивана Великого) заменяется на глагол *помчаться*, обозначающий более активное действие, которое к тому же характеризуется обстоятельством *молодецки*. Таким образом, на метафорическую антитезу В.М. Пуришкевича ‘уездная/губернская колокольня — колокольня Ивана Великого’ Н.Е. Марков накладывает оппозиции

‘старый — молодой’, ‘пассивный — активный’, усиливая исходное противопоставление, делая его более контрастным. Себя и своих сторонников он изображает в отрицательном свете, а В.М. Пуришкевича — в положительном. Проникнутая иронией самокритика и одновременное притворное возвеличивание бывшего соратника служат развенчанию притязаний противника.

Затем Н.Е. Марков продолжает разворачивать метафору В.М. Пуришкевича, выводя из нее следствия, противоположные исходному тезису. Если, по мнению В.М. Пуришкевича, подняться на высоту колокольни Ивана Великого необходимо для беспристрастного рассмотрения ситуации в масштабах всей страны, то Н.Е. Марков считает, что позиция, занятая В.М. Пуришкевичем, находится слишком высоко и объективно оценить проблему с этой позиции невозможно. Иначе говоря, для В.М. Пуришкевича Иван Великий — это необходимая высота, для Н.Е. Маркова — это слишком высоко, поскольку, во-первых, с такой высоты уже ничего не видно (27), во-вторых, на такой высоте может начаться головокружение (28):

(27) *Иван Великий — большая высота, это одно, но одно плохо — с Ивана Великого, пожалуй, ничего не видно, что на земле делается. ...Вознесясь, он со-общил, вылил из своего короба целый ряд фактов, но все они оказались неверными. Вот что значит влезать на высоты, откуда зрение уже не различает* [С4С5, стб. 362]. (28) *...Немудрено, что, когда человек взобрался на высоту, у него голова закружилась и он говорил много и непонятно, а потом он будет раскаиваться...* [С4С5, стб. 362].

Кроме того, Н.Е. Марков вновь прибегает к приему развенчания притязаний, только на этот раз в его основе лежит не ирония, а открытая оценка. Он использует антитезу, построенную на контекстуальных антонимах «орел — Пуришкевич»:

(29) *Я должен, правда, поправиться; орлы видят и с большой высоты, но то орлы, а вы только Пуришкевич* [С4С5, стб. 362].

Далее в своем выступлении Н.Е. Марков занимается разбором доводов В.М. Пуришкевича, время от времени возвращаясь к дискредитируемой метафоре:

(30) ...*Вот главные мародеры тыла, которых с высоты Ивана Великого усмотрел*, как руководителей мародерства, господин Пуришкевич [С4С5, стб. 364]. (31) ...*Вот это, господин Пуришкевич, для сведения, чтобы он с колокольни Ивана Великого побольше смотрел* на действительные факты мародерства... [С4С5, стб. 368]. (32) ...*Как же вы с колокольни Ивана Великого будете знать, кого Протопопов принимает первым, а кого вторым?* [С4С5, стб. 368].

Навязчивое апеллирование к исходной метафоре становится приемом издевки и насмешки. Ближе к концу своего выступления Н.Е. Марков заявляет:

(33) *Конечно, с высоты Ивана Великого Пуришкевичу кажется, что все плохое — справа, если что скверно — справа, а если что-нибудь порядочное, то это слева; это я объясняю абберрацией зрения* [С4С5, стб. 369].

Термин физики *абберрация* ‘наблюдаемое отклонение световых лучей под влиянием скорости движения земли’ приобрел в русском языке переносное значение ‘ошибка в ходе мысли, случайное заблуждение’ [Толковый словарь русского языка]. Н.Е. Марков снова акцентирует мысль: В.М. Пуришкевич поднялся слишком высоко и видит картину в искаженном виде.

Как и в случае с указанием на неуместность метафоры, доведение до абсурда может реализовываться в таком жанре, как реплика. Слушатель с места произносит фразу или всего одно слово, которое развивает исходную метафору (т. е. вводит дополнительный компонент из той же сферы-источника) и одновременно доводит ее до абсурда. Л.Г. Шамугия называет подобные высказывания репликами-буффонадами: не имея пропозициональной связи с высказыванием оратора и основываясь на абсурде, гиперболе, они призваны дестабилизировать, девальвировать, скомпрометировать речевое действие или образ выступающего [Шамугия, с. 101]. Произносящий реплику может дискредитировать как языковую, так и креативную метафору:

(34) ...*Вы говорите об облагодетельствовании группы охранителей — лиц, служащих на государственной гражданской и военной службе. Вот здесь-то и погребена собака* (И.П. Покровский. 08.02.1908) (Голос из центра: *так выкопайте ее.*) [СЗС1Ч1, стб. 1831].

(35) *Мне кажется, что, **отцеживая комара**, комиссия **глотает верблюда**, которого мои товарищи по политическим убеждениям никак **проглотить** не могут...* (П.Н. Милюков. 05.03.1909). (Пуришкевич, с места: **вы проглотили осла**.) [СЗС2Ч2, стб. 3083]. Метафора-стимул представлена библейским фразеологизмом *отцеживать комара* ‘заботиться о мелочах, забывая о главном’, восходящим к словам Иисуса Христа: «Вожди слепые, оцеживающие комара, а верблюда поглощающие!» [Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений, с. 564].

(36) *Это, господа, **загадка сфинкса**, которую **надо разрешить** или **умереть**...* (В.М. Петрово-Соловово. 13.05.1908). (Вязигин, с места: **Мудрый Эдип, разреши**.) [СЗС1Ч3, стб. 641].

В примере (36), характеризуя финляндский вопрос, депутат-октябрист В.М. Петрово-Соловово сравнивает его с загадкой сфинкса, подчеркивая одновременно его сложность, принципиальную важность и необходимость немедленного разрешения. Как известно из греческой мифологии, чудовище с туловищем льва и головой женщины Сфинкс задавало прохожим неразрешимую загадку и затем, не получив ответа, пожирало их. И только Эдип смог разгадать загадку, после чего чудовище в отчаянии бросилось со скалы, а Эдипа в благодарность за избавление от Сфинкса жители Фив сделали своим царем [Энциклопедия мифологии]. По существу, А.С. Вязигин, произнося с места свою реплику, делает всего один шаг по пути, предложенном В.М. Петрово-Соловово: если есть Сфинкс, значит, должен быть и Эдип, и роль эта предоставляется самому октябристу. Притворное возвеличивание оппонента — это один из способов развенчания притязаний противника. О.С. Иссерс называет его коммуникативным ходом «Он не похож на N, хотя и претендует» [Иссерс, 2008, с. 173]. В результате оратор блокирует «игру на повышение» [Иссерс, 1997] и «уводит» дискредитируемое лицо как можно дальше от идеала [Руженцева, с. 84]. А.С. Вязигин с иронией намекает на то, что В.М. Петрово-Соловово не по силам разрешить финляндский вопрос и выступить в роли мудрого политика.

Прием бумеранга. Другая техника расширения метафоры — прием бумеранга — заключается в том, что «тезис или аргумент обращается против тех, кто их

высказал. При этом сила удара во много раз увеличивается» [Введенская, Павлова, с. 339]. В интересующих нас случаях оппонент соглашается с исходной метафорой пропонента, как бы принимает навязанные правила игры, но затем выводит из этой метафоры следствия, подтверждающие его собственную позицию и опровергающие позицию пропонента.

Обсуждая смету Министерства внутренних дел, докладчик бюджетной комиссии октябрист А.Д. Голицын выступил за скорейшую реформу полиции. По его мнению, на тот момент (1910 г.) ситуация в стране уже стабилизировалась после революционных событий 1905–1907 гг. и отпала необходимость в тех крайних мерах, которые до сих пор применяла полиция. Свою мысль оратор облекает в метафорическую форму:

(37) *Охрана врывается в частные дома, без всяких поводов и причин нарушает мирное течение жизни обывателей, и это тогда, когда на горизонте давно уже **рассеялись последние клочки грозных туч**, когда политический **барометр** показывает совершенно твердо ясную погоду* (А.Д. Голицын. 18.02.1910) [СЗСЗЧ2, стб. 1764].

В данном случае оратор использует природоморфную метафору, сравнивая политическую ситуацию с погодой. Традиционно революционные события образно представляются как стихийное бедствие, соответственно стабилизация обстановки изображена как ясная погода, которую показывает воображаемый *политической барометр*. В стране все спокойно, значит, по логике А.Д. Голицына, нет необходимости в чрезвычайных мерах полиции.

Выступавший позднее Н.Е. Марков стремился доказать, что действия полиции совершенно оправданны. Для этого он подхватывает метафору депутата-октябриста:

(38) *Нам говорили, что политический **барометр** показывает, что наступило успокоение, что у нас **тишь, мир и Божья благодать** — никакой революции нет, никаких беспорядков нет, и что поэтому никаких мер усиленной или чрезвычайной охраны не требуется. Это нам сказал все тот же князь Голицын. Я, конечно, не такой опытный **метеоролог**, как господин Голицын, но иногда думаю,*

что и **метеорология** ошибается, думаю, что и **барометр** князя Голицына весьма неточен и что ошибается он по чисто внешним признакам; он думает, что теперь **сушь и тишь**, забывая, что **сушь и тишь** бывает обыкновенно перед бурей; на барометрах это всегда так бывает (Н.Е. Марков. 18.02.1910) [СЗСЗЧ2, стб. 1808].

Сначала правый оратор иронизирует над метафорой пропонента. Вместо исходной метафоры *ясная погода* он использует несколько видоизмененный фразеологизм *тишь, мир и Божья благодать* (закрепленная форма — *тишь да гладь да Божья благодать*), который затем сокращается и трансформируется в *сушь и тишь*. Затем Н.Е. Марков притворно принижает себя и одновременно возвеличивает соперника (*я не такой опытный метеоролог, как господин Голицын*). Наконец, оратор обращает аргумент А.Д. Голицына в свою пользу: *сушь и тишь бывает обыкновенно перед бурей*. В последнем утверждении используется прием бумеранга: именно потому, что сейчас в стране все спокойно, в ближайшее время может произойти революция, а следовательно, есть все основания для усиленной охраны.

Прием бумеранга может реализовываться с помощью создания отрицательных ассоциаций в сфере-источнике.

В начале своей исторической речи 19 ноября 1916 г. В.М. Пуришкевич объявляет о своем намерении обрисовать «грустную, печальную, тяжелую картину русской действительности» и высоко оценивает саму возможность открыто высказать свою точку зрения:

(39) Да, эта трибуна в настоящее время, являясь единственной **отдушиной** России, единым **клапаном**, куда прорываются русские общественные настроения, эта трибуна пользуется сейчас в России исключительным доверием... (В.М. Пуришкевич. 19.11.1916) [С4С5, стб. 260].

В.М. Пуришкевичу важно подчеркнуть, что в условиях усилившейся цензуры член Государственной думы имеет возможность выразить нелицеприятное мнение, которое разделяют очень многие. Характеризуя думскую трибуну, он использует метафору *отдушина*, закрепившуюся в лексико-семантической системе русского

языка со значением ‘то, что дает выход каким-н. сдерживаемым чувствам, стремлениям, настроениям’ [Толковый словарь русского языка] и обладающую положительной коннотацией. Для усиления эффекта оратор прибегает к «воскрешению» стертой метафоры: после языковой метафоры *отдушина* он вводит креативную метафору *клапан*. В буквальном значении *отдушина* — это ‘отверстие для выхода нагретого воздуха’, а *клапан* — ‘род крышки на небольшом отверстии в каком-н. механизме, открывающей и закрывающей это отверстие во время действия механизма’ [Там же]. А.Н. Баранов называет такой прием оживления стертой метафоры, когда имя в метафоре заменяется на синоним или квазисиноним, метафорическим варьированием [Баранов, 2014, с. 100]. Очевидно, что в основе обеих метафор лежит перенос по функции: через отдушину и клапан в буквальном и переносном значении выходит то, что сдерживалось.

Противник В.М. Пуришкевича Н.Е. Марков продолжает оживлять метафору *отдушина*, но делает он это с целью развенчания высокого образа своего бывшего соратника. Оратор эксплуатирует прием бумеранга: соглашается с введенной проponentом метафорой, но выводит из нее выгодные для себя следствия:

(40) *Эта трибуна, по меткому прекрасному выражению Владимира Митрофановича, есть единственная отдушина, которой дышит вся общественная Россия. Отдушина... Отдушина, господа, устраивается для того, чтобы выпускать испорченный воздух и вредные выделения. И я признаюсь, что это меткое сравнение Пуришкевича, когда выслушать пришлось речи его и его единомышленников, вполне подтверждает это определение. Именно эта трибуна — отдушина, но я бы не советовал дышать этими газами, ибо эти газы отравляют, но не насыщают, это вредные газы, испарения, и человек благоразумный будет открывать форточку для свежего воздуха, если надо проветрить, но не будет дышать испарением отдушины* (Н.Е. Марков. 19.11.1916) [С4С5, стб. 360].

Прежде всего Н.Е. Марков признает уместность использованной В.М. Пуришкевичем метафоры с помощью вводной конструкции (*по меткому прекрасному выражению*), тем самым как бы принимая правила игры. Оратор заостряет внимание на сфере-источнике метафоры. Исходный образ наполняется отрицательными

ассоциациями: через отдушину из помещения извлекается испорченный воздух. Затем эти отрицательные ассоциации переносятся из сферы-источника на сферу-мишень. Как отмечает М. Блэк, «в основе метафор могут лежать как общепринятые ассоциации, так и созданные специально для конкретных случаев системы импликаций» [Блэк, с. 166–167]. В рассматриваемом случае Н.Е. Марков создает новую систему импликаций для буквального значения слова *отдушина* ‘отверстие для выхода воздуха’, которое затем он употребляет метафорически, играя на понижение. Образ отдушины разворачивается и соединяется с морбиальной метафорой, которая реализуется с помощью лексем *вредный* и *отравлять*. В результате исходная метафора меняет оценку на прямо противоположную. Если для В.М. Пуришкевича думская трибуна — это место, где можно свободно выразить сдерживаемые настроения общества, то для Н.Е. Маркова — это источник отравления и болезни, т. е. искажения фактов, лжи, предательства и т. п.

Реметафоризация с использованием той же сферы-источника. Как было отмечено выше, думские ораторы редко прибегают к реметафоризации с использованием новой сферы-источника, гораздо чаще используется один из приемов расширения метафоры, при котором оратор остается в границах той понятийной области, которая была задана метафорой-стимулом, но вводит свой метафорический сценарий, дискредитирующий позицию пропонента.

В одном из своих первых выступлений в III Государственной думе премьер-министр П.А. Столыпин сказал:

(41) *Я буду просить позволения не отвечать на другие слышанные тут попреки. Мне представляется, что, когда **путник направляет свой путь по звездам, он не должен отвлекаться встречными попутными огнями.** Поэтому я старался изложить только сущность, существо действий правительства и его намерений* (П.А. Столыпин. 16.11.1907) [СЗС1Ч1, стб. 354].

Примечательно, что председатель Совета министров обращается именно к метафоре пути. По мнению Н.Д. Арутюновой, понятия дороги и пути играют необычайно большую роль в русской культуре, поскольку путь — это способ пре-

одоления хаоса, стихии: «только обрета путь, индивид, социум, нация преодолевают хаотическое и беспорядочное движение, растерянность и разброд, шатания и колебание» [Арутюнова, 1999а, с. 3]. В связи с тем, что этот концепт часто задействуется в ситуации выбора дальнейшего направления развития, он имеет особо важное значение в политическом дискурсе, при этом «в периоды перехода к новым государственным идеологическим ориентирам повышается частотность употребления метафоры движения и пути» [Гаврилова, 2004а, с. 64]. В своей метафоре П.А. Столыпин использует такие составляющие концепта «путь», как «субъект движения» (сам глава правительства), «препятствия» («встречные попутные огни», т. е. второстепенные вопросы, которые отвлекают от основной задачи) и «то, что указывает путь» (звезды, т. е. основополагающие принципы деятельности правительства). Высокий образ звезды связан одновременно с мореплаванием (традиционная метафора «Государство — это корабль») и путеводной звездой, указавшей волхвам путь к месту рождения Иисуса Христа.

Выступавший на следующий день лидер кадетов П.Н. Милюков жестко раскритиковал основные направления, по которым правительство намеревалось работать в ближайшем будущем, — земельную реформу и реформу местного самоуправления. По его мнению, эти реформы в том виде, который предлагало правительство, не отвечали настоящим потребностям государства. Свой вывод он представил в форме метафоры:

(42) ...Я указал вам, где находятся те неподвижные *«звезды»*, которые руководят правительством и которые нам, к сожалению, кажутся теми же самыми *блуждающими огнями* давнишнего происхождения, которые уже руководили всей политикой императора Александра III и благодаря которой государство уже было раз *заведено в трясины* (П.Н. Милюков. 16.11.1907) [СЗС1Ч1, стб. 366–367].

Мы видим, что в данном случае П.Н. Милюков использует прием расширения метафоры П.А. Столыпина. Оставаясь в границах концептуальной метафоры пути, лидер кадетов заменяет компонент «то, что указывает путь»: вместо столыпинского образа *звезды* вводится новый образ *блуждающие огни*, т. е. «бледное

пламя, появляющееся ночью над могилами и болотами» [Толковый словарь русского языка]. Согласно славянским поверьям, блуждающие огни — это души умерших, заманивающие путников на бездорожье [Славянские древности, с. 197]. Кроме того, П.Н. Милюков вводит еще и компонент «конечный пункт пути» — *трясина* «зыбкое болотистое место, поросшее мохом и травой» [Толковый словарь русского языка] (именно на болотах появляются блуждающие огни). Лидеру кадетов важно подчеркнуть, что путь, предлагаемый П.А. Столыпиным, уже был пройден и привел к тяжелым последствиям. В результате фигура целеустремленного путника, ориентирующегося по звездам, заменяется на мрачный образ, овеянный суевериями и ассоциирующийся со смертью и хаосом.

Еще один пример реметафоризации с использованием той же сферы-источника находим в речи другого оппозиционного парламентария, также стремящегося дискредитировать позицию премьер-министра П.А. Столыпина.

Основной темой дискуссии в I и II Государственной думе стал аграрный вопрос — бедственное положение крестьянского населения. Часть оппозиционеров выступала за принудительное отчуждение помещичьих земель. По убеждению же П.А. Столыпина, дворянское землевладение являлось неотъемлемой частью устройства российского государства, его культуры и истории, а его ликвидация привела бы к социальной революции, великим потрясениям. Стремясь гармонизировать отношения между разными сословиями и профилировать необходимость единения российского общества, премьер-министр прибегает к традиционной концептуальной метафоре «Государство — это организм»:

(43) ...*Государство есть один **целый организм**, ...если между **частями организма**, частями государства начнется борьба, то государство неминуемо **погибнет**...* (П.А. Столыпин. 10.05.1907) [С2С2Т2, стб. 442].

Далее председатель Совета министров обращается к характерной для его речей морбиальной метафорике, изображая крестьянство как больную часть единого российского организма:

(44) *В настоящее время государство у нас **хворает**. Самой **больной**, самой **слабой** частью, которая **хиреет**, которая **завядает**, является крестьянство* [С2С2Т2, стб. 442].

В рамках метафоры организма попытки принудительного отчуждения помещичьих земель представляются как противоестественная и бесполезная мера:

(45) *Господа, нельзя укрепить **больное тело**, питая его **вырезанными из него самого кусками мяса**...* [С2С2Т2, стб. 443].

Причинение вреда одному сословию не может принести пользу другому. Для акцентирования этой идеи П.А. Столыпин использует также метафору со сферой-источником «Литература»:

(46) *Не напоминает ли это историю **тришкина кафтана** — **обрезать полы**, чтобы сшить из них рукава?* [С2С2Т2, стб. 442–443].

Наконец, оратор предлагает свое решение в метафорической форме:

(47) *...Надо дать **толчок организму**, создать **прилив питательных соков к больному месту**, и тогда **организм осилит болезнь**...* [С2С2Т2, стб. 443].

Лечение больного организма (столыпинская аграрная реформа) включало комплекс мер: разрешение выхода из крестьянской общины, укрепление Крестьянского банка, организацию добровольного переселения крестьян в Сибирь. Таким образом, с помощью развернутого метафорического образа П.А. Столыпин коммуникативно высвечивает идею единства всех сословий в составе государства (единный организм), констатирует существование назревшего крестьянского вопроса (самая больная часть), отвергает вариант принудительного отчуждения помещичьих земель (противоестественная попытка питать организм вырезанными из него же кусками мяса) и предлагает свое решение (прилив питательных соков к больному месту).

Представитель социалистов-революционеров И.Н. Мушенко дискредитировал метафору П.А. Столыпина:

(48) *Господин Столыпин в своей речи сравнил государство с **организмом** и признал, что наше государство **тяжело занемогло, заболело**. Но для того, чтобы оно **выздоровело**, говорит он, не нужно **вырезывать из него куски мяса и питать***

организм этими кусками мяса. Под этими кусками мяса он, господа, понимает тех 130 000 землевладельцев, которых он защищал здесь. Но мы смотрим на эти 130 000 землевладельцев иначе: мы смотрим на них как на болезненный нарост на народном организме, мы смотрим на них как на паразитов, которые живут на народном теле и которые высасывают из него народные соки (И.Н. Мушенко. 26.05.1907) [С2С2Т2, стб. 1175–1176].

Оставаясь в рамках морбиальной метафоры, заданной П.А. Столыпиным, И.Н. Мушенко метафорически переосмысляет концепт «дворянство»: если для премьер-министра это неотъемлемая часть единого организма, то для левого оратора это инородное тело, причиняющее народу боль (болезненный нарост) и питающееся за его счет (паразит). Подхватив исходный образ государства-организма, И.Н. Мушенко разворачивает его в выгодном для себя направлении. В результате прагматический потенциал исходной метафоры меняется на прямо противоположный: дворянство «выталкивается» из круга «своих» в область «чужих».

3.2.4. Ретаргетирование

Еще один способ интеракции с чужой метафорой заключается в том, что говорящий сохраняет предложенный метафорический образ, но изменяет сферу-мишень [Chilton, Ilyin, p. 12]. Для обозначения подобных случаев мы предлагаем ввести термин «ретаргетирование» (retargeting): *сфера-мишень* по-английски — это *target domain*, а приставка *re-* вносит значение повторности, возобновления действия (с целью получения нового результата) [Большой толковый словарь русского языка] (ср. реорганизация, ревакцинация, ретрансплантация и т. п.)². Таким образом, в нашем понимании **ретаргетирование** — это использование оппонентом метафоры пропонента для концептуализации иной сферы-мишени.

² Омонимичный термин «ретаргетирование» («ретаргетинг») используется в маркетинге в значении «рекламный механизм, нацеленный на привлечение потенциально заинтересованных пользователей для продвижения им подходящей продукции компании» [Фомина, Авруцкая, с. 76].

Этот способ используется в дореволюционной Государственной думе достаточно редко: в нашей выборке зафиксировано только восемь случаев. К нему, в частности, прибегает П.Н. Милюков для дискредитации позиции П.А. Столыпина. Рассмотрим метафору-стимул:

(49) *Ведь русское государство **росло**, развивалось из своих собственных русских **корней**, и вместе с ним, конечно, видоизменялась и развивалась и Верховная Царская Власть. Нельзя к нашим русским **корням**, к нашему русскому **стволу** **прикреплять** какой-то **чужой, чужестранный цветок**. Пусть **расцветет** наш родной русский **цвет**, пусть он **расцветет** и развернется под влиянием взаимодействия Верховной Власти и дарованного Ею нового представительного строя* (П.А. Столыпин. 16.11.1907) [СЗС1Ч1, стб. 353].

Опираясь на языковую метафору *корень* ('начало, происхождение' [Толковый словарь русского языка]), председатель Совета министров строит развернутый фитоморфный образ: Россия сравнивается с деревом, ее прошлое, традиции — с корнями, а чуждые ей политические и социальные институты — с цветком, который некоторые стремятся привить к этому дереву. При этом по-разному можно интерпретировать то, что именно имеется в виду под «чужестранным цветком» — конституция [Дарчиева, с. 149], децентрализация и автономия национальных окраин [История России, с. 220], западноевропейский парламентаризм [Корелин, с. 96] или что-то другое. В общем, данная растительная метафора подчеркивает необходимость естественного, органичного развития с опорой на национальные традиции и недопустимость искусственного, механического следования западным образцам.

Критикуя аграрную реформу П.А. Столыпина, лидер кадетов П.Н. Милюков обращает метафору премьер-министра против него:

(50) *Но вот относительно земельного строя — тут **прививки** не так легки, как в строе государственных учреждений, и как раз по этому вопросу я бы скорее был готов выразиться, как выразился господин Председатель Совета министров. В земельном вопросе если, может быть, не нельзя, то во всяком случае трудно к нашим русским **корням** **прикреплять** чужестранный **цветок**. Я вовсе не сторонник*

quand t  te russe de la commune et ne prend pour elle sa d  fense, mais je crois, que l'id  al de la petite propri  t   fonci  re — ce n'est pas l'id  al russe et m  me pas la r  alit   russe (П.Н. Мил  ков. 17.11.1907) [СЗС1Ч1, стб. 361].

В данном случае кадетский оратор эксплуатирует метафору П.А. Столыпина «Россия — это дерево», но как насильно прививаемый цветок он изображает другую реалию — мелкую земельную собственность, сторонником которой был премьер-министр. По мнению П.Н. Мил  кова, это чуждое российской действительности явление, которое трудно будет внедрить в среду русских крестьян, привыкших жить в общине.

3.2.5. Сочетание нескольких способов

В ряде случаев оппонент обращает внимание на одну ключевую метафору проponenta и последовательно дискредитирует ее разными способами.

Правый депутат Н.Е. Марков, образно представляя роль высшего сословия в государстве, использовал физиологическую метафору «Дворянство — это мозг»:

(51) ...*Русское дворянство необходимо русскому земству, настолько необходимо, насколько человеку необходим мозг, ибо дворянство есть мозг русского народа. Правда, есть люди, которые думают, что можно человеку обходиться без мозга, но ведь этих людей называют безмозглыми именно потому, что они так думают* (Н.Е. Марков. 08.05.1910) [СЗСЗЧ4, стб. 912].

В предыдущих разделах нами было показано, что традиционная концептуальная метафора «Государство — это организм» представляет каждый социальный класс как определенный орган тела и устанавливает жесткую иерархию общественных отношений. Очевидно, что для начала XX в. подобная метафорическая концептуализация государства уже устарела, и поэтому политические противники консерваторов не могли с ней согласиться. Мишенью критики метафора Н.Е. Маркова становится в речи социал-демократа И.П. Покровского. Сначала оппонент подхватывает ее и доводит до абсурда, гиперболизируя исходный образ, делая его более выпуклым и вызывающим:

(52) ...[Марков] *прямо говорит, как истинный крепостник, разоблачается цинично до конца, говорит, что и теперь все осталось в России, как в крепостные времена: есть дворянство, горожане, рабочие и крестьяне, но все эти три последние группы, весь этот демократический элемент, все это общественный **труп, безжизненный, беспочвенный, бессильный без дворян, которые представляются головой общества, мозгом его*** (И.П. Покровский. 11.05.1910) [СЗСЗЧ4, стб. 1099].

По сути, И.П. Покровский следует до конца логике Н.Е. Маркова: если дворянство — это мозг, значит, все остальные общественные группы, лишившись мозга, станут трупом. Все, что ассоциируется со смертью, оценивается отрицательно. Вряд ли абсолютное большинство населения Российской империи удовлетворится ролью «безжизненного трупа», поэтому изначальный тезис правого депутата опровергается. Социал-демократ констатирует неуместность исходной метафоры: (53) *Дворяне, господа, **не мозг** и не были им, а теперь тем более не могут быть; дворяне **не мозг*** [СЗСЗЧ4, стб. 1099]. Дискредитировав метафору пропонента, И.П. Покровский прибегает к реметафоризации, т. е. предлагает свою метафору для концептуализации дворянства:

(54) ...*Дворяне не мозг. Это, если помните, **органчик, который был под черепной крышкой у помпадур Щедрина**, тот органчик, который как раз в тот критический момент, когда помпадур хотел провозгласить свою государственность, выражающуюся единственным словом «запорю», вдруг захрипел, зашипел и остановился, и, господа, никакие ухищрения **хитрых механиков, Столыпина там или Крыжановского, не восстановят действия этого органчика, а тем более не поставят его на место*** [СЗСЗЧ4, стб. 1099].

В данном контексте левый оратор обращается к литературной метафоре, источником которой является прецедентный текст — «История одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина. Дворянство представляется не как мозг, а как примитивный механизм, который был в голове глуповского градоначальника Брудастого, — органчик, исполнявший нетрудные музыкальные пьесы «разорю!» и «не потерплю!». Такое сравнение профилирует сразу несколько смыслов: 1) дворянство не имеет органической связи с народом, оторвано от него (И.П. Покровский в речи

также указывает, что народу «не нужен какой-то привозной, приносной дворянский мозг»); 2) дворянство жестоко по отношению к народу («запорю»); 3) дворянство — это отживший, нежизненный общественный элемент, который не может руководить российским государством («захрипел, зашипел и остановился»). В свою очередь, премьер-министр и министр внутренних дел П.А. Столыпин и его товарищ С.Е. Крыжановский сопоставляются с механиками, которые тщетно пытаются отремонтировать этот органчик.

Участники дореволюционного парламентского дискурса нередко облекали в форму креативной, развернутой метафоры наиболее принципиальные положения своей речи, стараясь тем самым их выделить и внедрить в сознание адресата. Метафора играет в таком случае роль стержня, вокруг которого организуется все выступление, и становится проводником определенного курса, идеологии, политического мифа. Именно поэтому оппозиционно настроенным парламентариям крайне важно дискредитировать такую ключевую метафору. Она становится стимулом, порождающим множество реакций, и обсуждение предлагаемого законопроекта превращается в многоступенчатую метаязыковую рефлекссию над исходным образом.

По аналогии с термином «сложное синтаксическое целое» С.А. Громыко предлагает термин **«сложное полемическое целое»** для обозначения речевого целого, объединяющего несколько высказываний участников думской полемики на одну тему и обладающего признаками связности, цельности, ретроспекции и модальности [Громыко, 2007, с. 81]. Границы сложного полемического целого определяются реальной ситуацией парламентского общения и совпадают с прениями по одному вопросу повестки дня [Там же, с. 69]. Поэтому сложное полемическое целое может охватывать одно заседание, несколько заседаний, или же в ходе одного заседания может смениться несколько сложных полемических целых. Это речевое образование может иметь цепочечную или радиальную структуру: в цепочечной структуре каждая последующая речь обнаруживает связи преимущественно со всеми предыдущими речами или с несколькими из них, в радиальной — все речи

связаны с одной, которая дала толчок развитию дискуссии [Там же, с. 75]. Речи в сложном полемическом целом связаны не только тематически, но и формально — посредством различных скреп, т. е. высказываний участников думской дискуссии, которые содержат прямые отсылки к выступлениям предыдущих ораторов [Там же, с. 109]. Наш материал показывает, что в дореволюционном российском парламенте функцию скреп могут выполнять различные языковые реакции на чужую метафору.

Рассмотрим более детально одно из сложных полемических целых — обсуждение законопроекта судебной реформы в III Государственной думе, продолжавшееся с перерывами несколько заседаний.

Как отмечает в своей докторской диссертации «Суд в России: вторая половина XIX – начало XX вв.» М.В. Немытина, реформа местной юстиции стала одним из основных направлений деятельности Государственной думы Российской империи III созыва [Немытина, с. 351]. Главной целью этой реформы было обеспечение правовых нужд крестьянства и уравнивание его в правах с другими сословиями. 30 октября 1909 г. председатель думской комиссии по судебным реформам Н.П. Шубинский представил проект, который в основных чертах совпадал с проектом, внесенным Министерством юстиции. Законопроект предполагал, с одной стороны, упразднение волостного суда (выборного крестьянского органа для разбора мелких дел [Большой юридический словарь]) и института земских начальников, обладавших административно-судебными полномочиями, с другой стороны, введение, а точнее, восстановление мирового суда. Впервые в России мировой суд был создан в 1864 г. в ходе судебной реформы Александра II и упразднен в 1889 г. По поводу реформы местной юстиции в Думе развернулась жаркая дискуссия: различные политические силы, как правые, так и левые, не были удовлетворены предложенным проектом и представляли свое видение низшего звена судебной системы (подробнее о реформе местной юстиции см. [Немытина, с. 331–364]).

Данное полемическое целое имеет радиальную структуру: речь Н.П. Шубинского послужила толчком к полемике, каждый депутат, выходивший на трибуну,

обращался к речи докладчика, высказывал свое мнение о ней, анализировал представленную аргументацию. Одним из стимулов дальнейшей дискуссии стала развернутая креативная метафора.

Открывая обсуждение предлагавшегося законопроекта, Н.П. Шубинский образно представляет роль, которую должна взять на себя Государственная дума при реформировании судебной системы, с помощью метафоры «Мировой суд — это статуя»:

(55) *Данная работа вовсе не претендует быть какой-нибудь творческой, оригинальной работой, это скорее **реставрационный** труд, и если позволительно делать сравнения, то можно представить себе вот какую картину вашего будущего дела. В галерее 60-х гг. государственных учреждений существовало два новых, только что возникших учреждения, которые можно уподобить **прекрасным мраморным статуям**. Одно из них представляло собой общее судебное учреждение, другое — мировой институт. <...> ...Работа наша... направляется к **восстановлению** того института, который я **уподобил прекрасной статуе**. **Удар молота отколол лучшие ее части; остались отдельные мелкие частицы в некоторых местах**. Мы знаем, что мировой суд был сохранен в Москве, Одессе, Саратове, Казани и, кажется, в Кишиневе. ...**Удары молота откололи в русской жизни от этой статуи целый ряд очень больших кусков. Их нужно было заменить. И вот, на этой статуе** получилось нечто странное — **отколотые куски мрамора заменили кусками самобытной глины**, да еще в таком виде, что когда она стала существовать, бесформенность ее поражала всех; а вскоре эти **приделки покрылись трещинами**. Ваша нынешняя работа будет заключаться в том, чтобы **очистить статую от этих налетов из глины, восстановить куски мрамора, свойственные ей, и воссоздать тот институт, ту прекрасную мраморную статую, которой когда-то обладала русская государственная жизнь** (Н.П. Шубинский. 30.10.1909) [СЗСЗЧ1, стб. 1024, 1026].*

Оратору важно было подчеркнуть, что законопроект не вносит ничего кардинально нового, напротив, он восстанавливает то, что было создано в рамках судебной реформы 1860-х гг., поэтому Н.П. Шубинский указывает, что реформирование

суда — это не что иное, как *реставрационный труд*. Прилагательное *реставрационный* мотивировано существительным *реставрация*, которое, в свою очередь, имеет значение ‘восстановление прежнего, утраченного’ [Большой толковый словарь русского языка]. Депутат-октябрист решает оживить стертую метафору, актуализируя буквальное значение слова *реставрация* ‘восстановление в первоначальном виде чего-л. обветшало́го или разрушенного (обычно произведений искусства, памятников старины)’ [Там же]. Оживление метафоры позволяет политику достичь сразу нескольких прагматических целей. Прежде всего, он показывает преемственность законопроекта по отношению к судебной реформе 1864 г. Неудивительно, что Н.П. Шубинский, известный адвокат, судебный оратор, работавший в начале карьеры помощником у самого Ф.Н. Плевако, с пиететом относился к реформе Александра II, выведшей судебную систему Российской империи на новый уровень. Для него она представляла собой безусловную ценность, сравнимую с произведением искусства, а восстановление мирового суда, по этой логике, сопоставимо с трудом реставратора. Следовательно, метафора выполняет в данном контексте также функцию мелиоративной оценки. Кроме того, Н.П. Шубинский стремится объединить представителей разных политических сил, указывая, что им предстоит общими усилиями совершить благородное дело. Не случайно он использует местоимения 1-го лица как специализированные вербальные знаки интеграции (*работа наша направляется, мы знаем*), а также местоимения 2-го лица, с помощью которых он намечает для своих коллег общий план действий (*вашего будущего дела, ваша нынешняя работа*). Метафора Н.П. Шубинского имеет явно положительный оценочный вектор, поскольку направлена на убеждение в правильности проводившейся судебной реформы.

Оживление метафоры осуществляется политиком с помощью эксплицитного указания следствий из метафоры. А.Н. Баранов определяет метафорические следствия из высказывания с метафорой М как «высказывания, содержащие метафоры той же метафорической модели, что и М, но вводящие ее другие, ранее не упоминавшиеся потенциальные компоненты (таксоны), которые не противоречат М» [Ба-

ранов, 2014, с. 98]. Н.П. Шубинский использует новые метафоры из сферы-источника «Искусство», заданной исходной языковой метафорой *реставрация*. Прежде всего, конкретизируя сферу-источник, он выбирает фрейм «Скульптура», т. е. сопоставляет суд не с любым произведением искусства, а именно с мраморной статуей. Учреждения, созданные в ходе реформ Александра II, сравниваются с галереей, упразднение мирового суда — с ударами молота, крестьянский волостной суд — с кусками глины. Таким образом, депутат-октябрист представляет историю судебной системы России в виде метафорического сценария: 1-й этап — создание статуи (судебная реформа 60-х гг.); 2 этап — искажение первоначального замысла, повреждение статуи и замена мрамора глиной (упразднение мирового суда и замена его волостным судом); 3-й этап — реставрация (рассмотрение настоящего законопроекта о восстановлении мирового суда). Данный сценарий внушает аудитории мысль о том, что Государственная дума должна выполнить благородную роль реставратора прекрасной статуи, иными словами, согласиться с предлагаемым законопроектом.

Креативная, детально разработанная метафора Н.П. Шубинского «Мировой суд — это статуя» не могла остаться незамеченной. Сразу несколько думских ораторов, принадлежавших к разным фракциям, в своих выступлениях обратили на нее внимание, причем одни подчеркнули ее неуместность, другие подхватили ее и развернули в выгодном для себя направлении.

Несколько ораторов не согласились с тем, что мировой суд 60-х гг. можно уподобить прекрасной статуе, т. е. они использовали один из способов дискредитации метафоры — указание на ее неуместность.

Правый депутат П.В. Новицкий высказал следующую мысль:

(56) *Я поднимал то украшение, о котором говорил член-докладчик, я поднимал прекрасные части той статуи, которая была создана 60-ми годами. Эти части были не так прекрасны: это были запущенные дела, это были судебные издержки по произволу, это были неправосудные дела...* (П.В. Новицкий. 09.11.1909) [СЗСЗЧ1, стб. 1622].

Сначала оратор делает акцент на своей компетентности в обсуждаемом вопросе (*я поднимал то украшение*) и повторяет метафору Н.П. Шубинского в несколько измененном виде (*украшение, прекрасные части статуи*), затем через прямое отрицание (*не были так прекрасны*) он указывает на неуместность метафоры и приводит реальные факты, противоречащие ее смыслу.

Несколько ораторов подхватили метафору Н.П. Шубинского и развернули ее для защиты своей точки зрения, т. е. использовали прием расширения метафоры.

Яркий образ статуи стал доминантной и продуктивной метафорой в ходе обсуждения реформы местного суда. При развертывании исходной метафоры задействуются разные слоты и концепты фрейма «Скульптура»: уточняется, что это за статуя (Фемида, Галатей, Венера Милосская), кто является скульптором (Паоло Трубецкой), какой материал используется (каррарский мрамор), в каком стиле она выполнена (декоративно-бюрократическом), указываются конкретные детали (нос, голова), подчеркивается хрупкость статуи (может разбиться вдребезги), ее неустойчивость (колосс на глиняных ногах) и т. д.

Особенности развертывания исходной метафоры связаны с коммуникативной целью говорящего — поддержать или опровергнуть позицию Н.П. Шубинского. Так, депутат-прогрессист М.И. Гродзицкий расширяет исходную метафору для защиты законопроекта:

(57) ...*Совершенно правильно господин министр юстиции, а также и наши многоуважаемый докладчик утверждали, что нечего нам искать новых образцов, надо возвратиться к старым, **реставрировать** нашу прекрасную **статую Фемиды** и, взамен отбитых грубой рукой частей ее, **восстановить** ее из первоисточника* (М.И. Гродзицкий. 09.11.1909) [СЗСЗЧ1, стб. 1541].

Здесь М.И. Гродзицкий конкретизирует, какую именно статую представляет собой суд — статую Фемиды. Депутат прибегает к традиционной символике: как известно, греческая богиня Фемида, изображавшаяся с повязкой на глазах (символ беспристрастия) и весами в руках, олицетворяет правосудие. В русском языке антропоним Фемида приобрел переносное значение ‘правосудие, суд, судебная система’ (ср. устойчивые сочетания *храм/алтарь Фемиды* ‘суд’, *служители Фемиды*

‘судьи, служащие суда’). В остальном М.И. Гродзицкий поддерживает образную аналогию Н.П. Шубинского, предлагая при реставрации вернуться к исходному материалу (*первоисточнику*).

Однако абсолютное большинство ораторов, развивавших метафору Н.П. Шубинского, стремились дискредитировать его позицию. Прежде всего многие с иронией отнеслись к излишне восторженному отношению октябриста к мировому суду. В рамках речевой тактики издевки, насмешки оппоненты доводят до абсурда исходный образ, утрируют его. Это достигается за счет детализации метафоры Н.П. Шубинского.

Так, по поводу высокого образа Н.П. Шубинского иронизирует левый депутат Т.О. Белоусов. Доводя до абсурда исходную метафору, он использует прецедентный феномен:

(58) *Его [Шубинского] душу, подобно тому, как душу одного персонажа Глеба Успенского выпрямила статуя Венеры Милосской, выпрямило созерцание явившейся в его воображении статуи законности, правды и порядка, когда-то существовавших в русских судах. <...> ...Нам и думается, что более осторожное, более холодное отношение к данному законопроекту будет более уместно, чем восторженное* (Т.О. Белоусов. 06.11.1909) [СЗСЗЧ1, стб. 1430–1431].

Оратор от РСДРП ссылается на очерк писателя-демократа Г.И. Успенского «Выпрямила», в котором статуя Венеры Милосской в Лувре «выпрямила» душу учителя Тяпушкина, заставила «ощутить радость сознания себя человеком» и «идти в темную массу народа», чтобы облегчить его участь. Любопытно, что политик обращается к творчеству идейно близкого писателя. Сопоставление метафоры Н.П. Шубинского с центральным образом очерка Г.И. Успенского наполнено иронией. В литературном произведении созерцание статуи наполнило жизнь героя глубоким смыслом, направило его на истинный путь. Однако проникнутый социальным пафосом образ Венеры, к которому Т.О. Белоусов как социалист должен испытывать глубокое уважение, в данном случае резко контрастирует с метафорой Н.П. Шубинского и с ним самим, слишком восторженно относившимся, по мнению выступающего, к судебной реформе Александра II. Левый депутат считает, что при

обсуждении реформы местного суда необходим более взвешенный и рациональный подход.

К доведению до абсурда исходной метафоры прибегают также представители противоположного политического лагеря — правые. Например, Н.Е. Марков отмечает:

(59) *Это было тогда, когда **статуя** господина Шубинского была не опорочена земскими начальниками, когда он мог свободно **на оную любоваться** и даже, если угодно, **бухать перед ней лбом*** (Н.Е. Марков. 11.11.1909) [СЗСЗЧ1, стб. 1721].

Столкновение слов с разной стилистической окраской — *оный* (книжн., устар.) и *бухать* (разг.) — служит средством создания не просто иронии, а едкого сарказма.

Особое место дискредитации метафоры Н.П. Шубинского уделяет в своем выступлении В.М. Пуришкевич. Сначала в целях гиперболизации исходного образа он конкретизирует, из какого материала сделана статуя:

(60) *...Докладчик Шубинский очень картинно указал на то, как **статуя** великих преобразований царствования Александра II потерпела ущерб в дальнейшем, как от этой **статуи был отбит кусок каррарского мрамора** и как потом она была **залеплена глиной**...* (В.М. Пуришкевич. 04.11.1909) [СЗСЗЧ1, стб. 1273–1274].

Каррарский мрамор — это мрамор высокого качества, добываемый в окрестностях города Каррары в Италии. Обращает на себя внимание использование В.М. Пуришкевичем наречия *картинно* в сочетании с наречием меры *очень* явно в ироническом ключе (*картинный* — ‘производящий впечатление своей внешней красотой, красотой; живописный’) [Большой толковый словарь русского языка].

Далее В.М. Пуришкевич применяет коммуникативный ход «Он не похож на N, хотя и претендует», стремясь развенчать притязания Н.П. Шубинского на роль скульптора. Для этого правый депутат иронично называет октябриста книжным и

устаревшим словом *ваятель* и противопоставляет известных талантливых скульпторов и бездарного, по его мнению, Паоло Трубецкого. С последним и сравнивается Н.П. Шубинский:

(61) *И когда я всматриваюсь в того, кто является **ваятелем** в этом деле, кто желает **реставрировать** эту **статую**, то мне кажется, что мы не можем видеть в лице комиссии и тех, которые займутся **реставрацией**, ни **Фидия**, ни **Праксителя**, величайших творцов античного мира, ни **Антокольского**, скажу я, переходя к современности, а **Паоло Трубецкого**, того, который на Знаменской площади искажил памятник Императору Александру III и придал ему ту идею, которой он не имел; и подобно тому, как физически был искажен этот памятник и было извращено значение незабвенного Царя-Миротворца, так духовно в этом законоположении о местном суде извращен смысл законодательства Царя Александра II...* [СЗСЗЧ1, стб. 1274].

В данном случае в процесс метафоризации вовлекается прецедентный феномен, получивший широкую огласку как раз в то время. В 1909 г. в Санкт-Петербурге был открыт памятник Александру III итальянского скульптора Павла (Паоло) Трубецкого. Многие считали, что грузная фигура царя на тяжеловесном коне является насмешкой над самодержавием. Появилась даже такая загадка-эпиграмма: «Стоит комод, // На комодe бегемот, // На бегемоте обормот, // На обормоте шапка, // На шапке крест, // Кто угадает, // Того под арест» [Долгов]. Очевидно, что В.М. Пуришкевич также критически относился к этому памятнику (*извращено значение незабвенного Царя-Миротворца*), поэтому он сравнивает неумелого «скульптора» Н.П. Шубинского именно с П. Трубецким.

Антитеза «талантливый — бездарный художник» продолжает развиваться В.М. Пуришкевичем и дальше. Теперь он выходит за пределы фрейма «Скульптура» и задействует фреймы «Музыка» и «Живопись» (прием координации, в терминах П. Чилтона и М.В. Ильина). Для этого оратор ссылается на «маленькую трагедию» А.С. Пушкина «Моцарт и Сальери»:

(62) *Народ русский во всех своих классах отзовется именно об этой работе так, как отозвался Сальери о слепом музыканте, который исполнял творение*

Моцарта. Когда Моцарт смеялся над тем, как слепой скрипач исполнял его творение, Сальери обращается к нему и говорит: «Нет, мне не смешно, когда маляр негодный // Мне пачкает Мадонну Рафаэля, // Мне не смешно, // Когда фигляр презренный // Пародией бесчестит Алигьери» [СЗСЗЧ1, стб. 1274].

Все эти метафорические антитезы (контрастные метафоры) из области искусства предназначены для развенчания притязаний Н.П. Шубинского на роль компетентного законодателя.

Помимо дискредитации личности Н.П. Шубинского и его восторженного отношения к судебной реформе 1860-х гг., расширение исходной метафоры может служить и другим целям. Так, многие ораторы, не отрицая ценности реформы Александра II, подчеркивают, что законопроект, предлагаемый министерством и думской комиссией, имеет серьезные недостатки, другими словами, реставрация статуи выполняется неправильно.

Представитель правых епископ Евлогий следующим образом высказывается об изъянах в законопроекте:

(63) ...Эта прекрасная **статуя**, о которой нам говорил господин докладчик, будет, к сожалению, **стоять на глиняных ногах** (епископ Евлогий. 04.11.1909) [СЗСЗЧ1, стб. 1273].

Оратор использует в модифицированном виде ветхозаветную метафору *колосс на глиняных ногах*. В Библии сказано, что вавилонский царь Навуходоносор увидел во сне огромного металлического истукана на глиняных ногах, рухнувшего, когда оторвавшийся от горы камень ударил его по ногам. Епископ Евлогий заменяет во фразеологизме компонент *колосс* 'исполинская, громадных размеров статуя, колонна' [Толковый словарь русского языка] аналогом — исходной метафорой Н.П. Шубинского *прекрасная статуя*. Тем самым он указывает на то, что реформа недоработана, оторвана от жизни. Но, кроме критики, епископ Евлогий предлагает и вариант решения проблемы. В то время как проект реформы предполагал, что мировыми судьями могут стать люди образованные и обеспеченные, оратор наста-

ивает на том, что в судах низшего звена крестьянство и интеллигенция должны работать вместе, коллегиально. Расширяя исходную метафору Н.П. Шубинского, правый оратор защищает свою позицию:

(64) *Народ привнесет в это великое дело свой народный разум, свою народную совесть; он, выражаясь образно, даст для этого дела и для этой **статуи** свой **прочный и крепкий материал**, он даст черновую работу, а труженики из интеллигенции осветят этот черный **материал** светом юридических знаний, вложат его в рамки юридических определений и норм, т. е. придадут этой **статuye**, так сказать, **художественную отделку*** [СЗСЗЧ1, стб. 1273].

Поскольку мировой суд — это статуя, значит, можно говорить о материале, из которого она сделана. Только крестьяне, по убеждению епископа Евлогия, могут служить прочным и крепким материалом (имеется в виду их высокая нравственность, обостренное чувство справедливости, житейская мудрость и т. д.), а судьи из интеллигенции призваны лишь обработать этот материал, используя свое юридическое образование.

Думские ораторы обращали внимание и на другие недостатки проекта реставрации, предложенного Н.П. Шубинским. Для прогрессиста А.М. Масленникова таким дефектом стал порядок избрания в мировые судьи: по его мнению, сначала нужно изменить избирательный закон в земстве, а только потом проводить судебную реформу. Иначе статуя не выйдет прекрасной:

(65) *...Я думаю, что почтенный член-докладчик, **прикладывая к разбитому носу его изломанной статуи новый, по его мнению, сделанный из чудного мрамора, не прикладывает ли опять из той же уродливой глины прилепок***. (А.М. Масленников. 30.10.1909) [СЗСЗЧ1, стб. 1095].

Интересно, что многие из ораторов-оппонентов Н.П. Шубинского (В.М. Пურიшкевич, Евлогий, А.М. Масленников), развивая его исходную, хорошо разработанную метафору, опираются на те слоты, которые были в ней уже представлены, например, на слот «Материал, из которого сделана статуя». Особенно частотным является опора ораторов на прагматически значимое смысловое противопоставление *мрамор — глина*.

Правый депутат П.В. Новицкий выступает против того, чтобы над мировыми судьями стоял правительственный чиновник в качестве апелляционной инстанции:

(66) *Если вы реставрируете эту прекрасную статую, так вы, господа, не навинчивайте на эту статую казенной головы, не делайте эту голову с суровыми чертами лица, не стесняйте лучших людей работать на местах* (П.В. Новицкий. 07.12.1909) [СЗСЗЧ1, стб. 3133].

Таким образом, отдельные положения реформы подвергаются критике и изображаются в рамках заданной метафоры как изъяны статуи (глиняные ноги, уродливый нос из глины, голова с суровыми чертами).

Итак, мы увидели, что в сложном полемическом целом, посвященном обсуждению судебной реформы, важное значение получила метаязыковая рефлексия над метафорой докладчика Н.П. Шубинского «Мировой суд — это статуя». К анализу исходного образа обращаются несколько парламентариев, при этом в большинстве случаев ораторы отрицательно оценивают метафору-стимул, а значит, и сам законопроект. Одни парламентарии указывают на неуместность метафоры, противопоставляя созданный образ и реальные факты. Другие прибегают к более сложному приему расширения метафоры, когда оппонент подхватывает первоначальный образ и разворачивает его в выгодном для себя направлении. При этом задействуются различные слоты и концепты предложенной метафоры, она получает детальную разработку, в процесс метафоризации активно вовлекаются прецедентные феномены.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

Важной характеристикой парламентского оратора является умение опровергать позицию политического противника, критикуя не только аргументы, но и языковые особенности его выступления. В последнем случае метаязыковой комментарий становится инструментом захвата коммуникативной инициативы, разоблаче-

ния манипулятивных намерений соперника и умаления его авторитета. Часто в фокусе метаязыковой рефлексии оказывается метафора, особенно развернутая, креативная. Предлагая скептически настроенной аудитории яркий, запоминающийся образ, оратор рискует стать мишенью жесткой критики. Эффективным средством игры на понижение становится дискредитация метафоры — вербализованная реакция оппонента на метафору пропонента с целью умаления его авторитета и/или развенчания его позиции. Данный прием реализуется с помощью нескольких способов: указания на неуместность метафоры, реметафоризации, расширения метафоры и ретаргетирования.

Наиболее частотным способом дискредитации метафоры политического противника в дореволюционном парламентском дискурсе является расширение метафоры — введение дополнительных элементов из той же сферы-источника, к которой принадлежит метафора-стимул. Расширяя метафору пропонента, ораторы обращаются к трем основным техникам: 1) доведению до абсурда (оппонент гиперболизирует, утрирует исходный образ); 2) приему бумеранга (оппонент соглашается с метафорой-стимулом, но выводит из нее следствия, подтверждающие его собственную позицию и опровергающие позицию пропонента); 3) реметафоризации с использованием той же сферы-источника (оставаясь в границах понятийной области, заданной метафорой пропонента, оппонент вводит новый метафорический сценарий, дискредитирующий позицию пропонента).

Используя прием «указание на неуместность метафоры», оппонент отвергает навязываемую связь между сферой-источником и сферой-мишенью, открыто обвиняет пропонента в использовании неправомерной аналогии и тем самым выставляет его в невыгодном свете. В рамках данного приема задействуется несколько техник: 1) вставка дискредитирующего комментария в метафорическое высказывание; 2) противопоставление буквального утверждения метафоре (объяснение того, что смысл, заложенный в метафоре, не соответствует реальному положению вещей); 3) буквализация метафоры (нарочитое осмысление метафоры в непереносном значении); 4) этимологизация метафоры (восстановление этимологии стертой

метафоры и указание на неуместность воссозданного первоначального образа для концептуализации сферы-мишени).

Значительно реже ораторы прибегают к реметафоризации с использованием другой сферы-источника (исходная концептуальная метафора отвергается и заменяется на «контрметафору») и ретаргетированию (метафора-стимул эксплуатируется для концептуализации иной сферы-мишени).

Во многих контекстах весьма проблематично отделить один способ дискредитации метафоры от другого, более того, часто они выступают в сочетании друг с другом. Так, оратор может сначала довести до абсурда исходную метафору, тем самым показав ее неуместность, а затем предложить свою «контрметафору», более адекватную, с его точки зрения, для осмысления обсуждаемой ситуации.

В сложном полемическом целом радиальной структуры одна речь, с которой начинается обсуждение определенной проблемы, становится толчком для дискуссии. Если самые важные положения этой первой речи выражены в форме развернутой, креативной метафоры, то такая метафора может стать стимулом, порождающим множество реакций. В таком случае обсуждение политической, социальной, экономической ситуации превращается в многоступенчатую метаязыковую рефлексию над исходным образом.

В парламентском дискурсе Российской империи к дискредитации метафоры политического противника прибегают депутаты, представляющие различные политические силы. При этом, если оппозиционеры (кадеты и левые) чаще всего дискредитируют метафоры представителей правительства, то правые парламентарии используют этот прием в отношении самих оппозиционеров и октябристов. С помощью дискредитации метафоры оратор, с одной стороны, нейтрализует ее прагматический потенциал, защищает свой тезис и разбивает аргументацию проponentа, с другой — выставляет его в невыгодном свете: как неумелого оратора (отрицательно оценивается его коммуникативная компетентность), как политика, намеренно вводящего аудиторию в заблуждение, как человека, преследующего свои корыстные цели, и т. д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лингвистическое исследование исторического политического дискурса представляется чрезвычайно важным, поскольку оно показывает, как в политической коммуникации конкретного периода происходила концептуализация общественно-политической сферы, отношений между разными социальными и национальными группами, истории государства, его будущего. Исследуя язык и прежде всего вербализованную когнитивную метафору в речах российских депутатов начала XX в., мы имеем возможность восстановить картину мира, характерную для ключевых политических фигур, партий, всего дореволюционного общества в целом, что помогает лучше понять глобальные исторические процессы, предопределившие судьбу нашего государства. В зеркале метафоры отражается сложный и противоречивый период отечественной истории.

В настоящем исследовании был выработан комплексный подход к анализу политической метафорики парламентского дискурса, в рамках которого удалось сделать следующее:

- 1) определить перечень метафорических моделей, с помощью количественных подсчетов установить самые продуктивные модели, содержащие наибольшее количество живых метафор;
- 2) сопоставить речи парламентариев, принадлежащих к различным политическим направлениям, учитывая, насколько часто депутаты используют живые метафоры, к каким метафорическим моделям, фреймам и слотам они обращаются, какие концепты социально-политической реальности получают в их речах метафорическую характеристику;
- 3) установить прагматические функции когнитивной метафоры в парламентской речи, выделить и охарактеризовать констелляции метафор, участвующие в реализации основных речевых стратегий и тактик;

4) описать функционирование когнитивной метафоры в интерактивном аспекте, особое внимание обращая на дискредитацию метафоры политического противника как наиболее эффективный инструмент нейтрализации ее прагматического потенциала.

Прежде всего в диссертационном исследовании решался вопрос: существует ли связь между политической идеологией и языком, а именно особенностями метафорической репрезентации реальности? С этой целью были сопоставлены речи парламентариев, принадлежащих к трем направлениям, наиболее отличающимся с точки зрения идеологии: правых (монархистов, консерваторов), кадетов (либералов) и левых (социалистов). Было обнаружено, что представители крайних идеологий, как правые, так и левые, чаще используют в своих выступлениях живые метафоры, чем это делают кадеты, придерживающиеся более умеренных взглядов.

С одной стороны, по нашим наблюдениям, представители самых разных политических направлений начала XX в. обращаются к одним и тем же метафорическим моделям. Наибольшей продуктивностью обладают физиологическая, милитарная, морбиальная модели и модель неживой природы. Чуть менее продуктивны метафоры литературы, дома и зооморфная.

С другой стороны, существует несколько значимых различий в использовании метафоры дореволюционными парламентариями. Во-первых, политики разных направлений в некоторых случаях задействуют различные фреймы и слоты в составе одной и той же метафорической модели для профилирования нужных им смыслов. Во-вторых, используя одинаковые метафорические модели и схожие метафорические образы, представители разных парламентских партий и фракций высвечивают разные смыслы, актуализируют наиболее значимые для их идеологии ключевые концепты. Чем чаще определенный концепт социально-политической сферы метафорически осмысливается приверженцами определенной идеологии, тем большей значимостью для них он обладает.

В ходе исследования было продемонстрировано, что когнитивная метафора регулярно используется парламентариями для оказания речевого воздействия на

адресата. Метафоры, обладающие схожим прагматическим потенциалом и соотносящиеся с основными речевыми стратегиями и тактиками, объединяются в констелляции. В речах правых депутатов Государственной думы Российской империи были выделены деструктивная и конструктивная стратегии. Чтобы представить своих оппонентов в отрицательном свете, правые ораторы используют тактики запугивания адресата (враг изображается как серьезная опасность для русского народа), оскорбления и насмешки (враг выставляется в смешном виде) и обвинения (враг обвиняется в том, что он обманывает и эксплуатирует народ). Стремясь изобразить существующий в Российской империи политический строй в положительном свете, правые парламентарии обращаются к конструктивным метафорам. При этом задействуются тактики аргументации и интеграции.

Несмотря на то, что когнитивная метафора обладает мощным прагматическим потенциалом, политику всегда нужно иметь в виду, что в публичном дискурсе метафора, особенно развернутая, креативная, может быть использована против своего создателя: предлагая скептически настроенной аудитории яркий, запоминающийся образ, он рискует стать мишенью жесткой критики. С целью нейтрализовать воздействие исходной метафоры оппонент может прибегнуть к такому средству, как дискредитация метафоры политического противника.

В диссертационном исследовании было выделено несколько способов дискредитации метафоры: указание на ее неуместность (открытое обвинение в использовании неправомерной аналогии), реметафоризация (отвержение метафоры пропонента и введение своей «контрметафоры» из другой сферы-источника), расширение (развитие исходной метафоры в выгодном для оппонента направлении) и ретаргетирование (эксплуатация метафоры пропонента для концептуализации иной сферы-мишени).

К перспективам диссертационного исследования можно отнести:

— диахронический анализ метафорики русского парламентского дискурса, предполагающий сопоставление парламентской коммуникации Российской империи и современной России;

— изучение связи между идеологией и когнитивной метафорой на материале различных политических текстов на разных языках (метафора в социалистическом, консервативном, либеральном дискурсе и т. п.);

— целостное когнитивно-дискурсивное исследование российского политического дискурса начала XX в. с привлечением текстов различных жанров (парламентские речи, партийные программы, листовки, политические публикации в СМИ, плакаты, карикатуры и т. д.);

— изучение интерактивного аспекта функционирования метафоры в современном политическом дискурсе (например, на материале теледебатов).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Государственная дума. Первый созыв. Стенографические отчеты. 1906 г. Сессия первая. Т. II [Электронный ресурс]. — СПб. : Государственная типография, 1906. — Режим доступа: <https://vivaldi.nlr.ru/bv000001392> (дата обращения: 01.06.2019).
2. Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 г. Сессия вторая. Т. I [Электронный ресурс]. — СПб. : Государственная типография, 1907. — Режим доступа: <https://www.prilib.ru/item/372309> (дата обращения: 01.06.2019).
3. Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 г. Сессия вторая. Т. II [Электронный ресурс]. — СПб. : Государственная типография, 1907. — Режим доступа: <https://www.prilib.ru/item/722496> (дата обращения: 01.06.2019).
4. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1907–1908 гг. Сессия первая. Часть I [Электронный ресурс]. — СПб. : Государственная типография, 1908. — Режим доступа: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000021193> (дата обращения: 01.06.2019).
5. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1908 г. Сессия первая. Часть III [Электронный ресурс]. — СПб. : Государственная типография, 1908. — Режим доступа: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000021198> (дата обращения: 01.06.2019).
6. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1908 г. Сессия вторая. Часть I [Электронный ресурс]. — СПб. : Государственная типография, 1908. — Режим доступа: <https://vivaldi.nlr.ru/bv000001451> (дата обращения: 01.06.2019).

7. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1909 г. Сессия вторая. Часть II [Электронный ресурс]. — СПб. : Государственная типография, 1909. — Режим доступа: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000021195> (дата обращения: 01.06.2019).
8. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1909 г. Сессия третья. Часть I [Электронный ресурс]. — СПб. : Государственная типография, 1910. — Режим доступа: <https://vivaldi.nlr.ru/bv000001639> (дата обращения: 01.06.2019).
9. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1910 г. Сессия третья. Часть II [Электронный ресурс]. — СПб. : Государственная типография, 1910. — Режим доступа: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000021207> (дата обращения: 01.06.2019).
10. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1910 г. Сессия третья. Часть III [Электронный ресурс]. — СПб. : Государственная типография, 1910. — Режим доступа: <https://vivaldi.nlr.ru/bv000001657> (дата обращения: 01.06.2019).
11. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1910 г. Сессия третья. Часть IV [Электронный ресурс]. — СПб. : Государственная типография, 1910. — Режим доступа: <https://vivaldi.nlr.ru/bv000001658> (дата обращения: 01.06.2019).
12. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1910 г. Сессия четвертая. Часть I [Электронный ресурс]. — СПб. : Государственная типография, 1910. — Режим доступа: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000021203> (дата обращения: 01.06.2019).
13. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1911 г. Сессия четвертая. Часть II [Электронный ресурс]. — СПб. : Государственная типография, 1911. — Режим доступа: <https://vivaldi.nlr.ru/bv000001739> (дата обращения: 01.06.2019).

14. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1911 г. Сессия четвертая. Часть III [Электронный ресурс]. — СПб. : Государственная типография, 1911. — Режим доступа: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000021365> (дата обращения: 01.06.2019).

15. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1911 г. Сессия пятая. Часть I [Электронный ресурс]. — СПб. : Государственная типография, 1911. — Режим доступа: <https://www.prilib.ru/item/372330> (дата обращения: 01.06.2019).

16. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1912 г. Сессия пятая. Часть II [Электронный ресурс]. — СПб. : Государственная типография, 1912. — Режим доступа: <https://vivaldi.nlr.ru/bv000001661> (дата обращения: 01.06.2019).

17. Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1912–1913 гг. Сессия первая. Часть I [Электронный ресурс]. — СПб. : Государственная типография, 1913. — Режим доступа: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000021364> (дата обращения: 01.06.2019).

18. Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1913. Сессия первая. Часть III [Электронный ресурс]. — СПб. : Государственная типография, 1913. — Режим доступа: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000021229> (дата обращения: 01.06.2019).

19. Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1916. Сессия пятая [Электронный ресурс]. — Петроград : Государственная типография, 1917. — Режим доступа: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000013980> (дата обращения: 01.06.2019).

20. Грингмут, В.А. Объединяйтесь, люди русские! / В.А. Грингмут ; сост. А.Д. Степанов ; отв. ред. О. Платонов. — М. : Институт русской цивилизации, 2008. — 544 с.

21. Некрасов, Н.А. Убогая и нарядная [Электронный ресурс] // Собрание сочинений в 15 т. Т. 2 / Н.А. Некрасов — Режим доступа:

<https://rvb.ru/19vek/nekrasov/ss15/vol02/poems/0198.html> (дата обращения: 01.06.2019).

22. Орлов, Ф.Ф. Русское дело на Висле (1795–1895) [Электронный ресурс] / Ф.Ф. Орлов. — СПб. : Типография военно-книжного магазина Н.В. Васильева, 1898. — 24 с. — Режим доступа: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003684943> (дата обращения: 01.06.2019).

23. Пушкин, А.С. Клеветникам России [Электронный ресурс] // Собрание сочинений в 10 т. Т. 2 / А.С. Пушкин. — Режим доступа: https://rvb.ru/pushkin/01text/01versus/0423_36/1831/0564.htm (дата обращения: 01.06.2019).

Научная литература

24. Агеев, С.В. Метафора как фактор прагматики речевого общения : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.В. Агеев. — СПб., 2002. — 18 с.

25. Аكوпова, Д.Р. Стратегии и тактики политического дискурса / Д.Р. Аكوпова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2013. — № 6-1. — С. 403–409.

26. Алексеева, Л.М. Пермская школа метафоры / Л.М. Алексеева, С.Л. Мишланова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2016. — № 3. — С. 122–133.

27. Алексеева, Л.М. Метафорическое терминопорождение и функции терминов в тексте : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Л.М. Алексеева. — М., 1999. — 33 с.

28. Алешина, О.Н. Семантическое моделирование в лингвометафорологических исследованиях (на материале русского языка) : дис. ... д-ра филол. наук / О.Н. Алешина. — Новосибирск, 2003. — 316 с.

29. Анисимова, Т.В. Современная деловая риторика : учеб. пособие / Т.В. Анисимова, Е.Г. Гимпельсон. — М. : Московский психолого-социальный институт ; Воронеж : МОДЭК, 2002. — 432 с.
30. Апресян, В.Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. — 1993. — № 3. — С. 27–35.
31. Апресян, Ю.Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика / Ю.Д. Апресян. — М. : Языки русской культуры : Восточная литература, 1995. — 472 с.
32. Аристотель. Риторика. Поэтика / Аристотель ; пер. с древнегреческого и примеч. О.П. Цыбенко под ред. О.А. Сычева и И.В. Пешкова — «Риторика» ; пер. В.Г. Аппельрота под ред. Ф.А. Петровского — «Поэтика». — М. : Лабиринт, 2000. — 224 с.
33. Арутюнова, Н.Д. Путь по дороге и бездорожью / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Языки динамического мира / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Шатуновский. — Дубна : Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 1999а. — С. 3–17.
34. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. — М. : Языки русской культуры, 1999b. — 895 с.
35. Арутюнова, Н.Д. Диалогическая цитация (к проблеме чужой речи) / Н.Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. — 1986. — № 1. — С. 50–64.
36. Балашова, Л.В. Динамическая концепция метафоры: от Аристотеля до современной когнитивной лингвистики / Л.В. Балашова // Вестник Омского университета. — 2015. — № 2. — С. 169–177.
37. Балашова, Л.В. История русской метафоры: когнитивный аспект / Л.В. Балашова. — Саарбрюккен : LAP LAMBERT, 2011. — 534 с.
38. Балашова, Л.В. Политический 2012 год в зеркале концептуальной метафоры / Л.В. Балашова // Политическая лингвистика. — 2013. — № 2. — С. 11–22.

39. Балашова, Л.В. Реализация концептов «свой — чужой» в российском политическом дискурсе начала XXI в. / Л.В. Балашова // Политическая лингвистика. — 2014. — № 1. — С. 40–50.
40. Балашова, Л.В. Экономика России в современном политическом дискурсе сквозь призму концептуальной метафоры / Л.В. Балашова // Политическая лингвистика. — 2017. — № 1. — С. 21–30.
41. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли ; пер. с фр. К.А. Долина, под ред. Е.Г. Эткинда. — М. : Эдиториал УРСС, 2001. — 392 с.
42. Баранов, А.Н. Словарь русских политических метафор / А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов. — М. : Помовский и партнеры, 1994. — 351 с.
43. Баранов, А.Н. Дескрипторная теория метафоры / А.Н. Баранов. — М. : Языки славянской культуры, 2014. — 632 с.
44. Баранов, А.Н. Предисловие редактора // Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; пер. с англ. А.Н. Баранова и А.В. Морозовой ; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. — М. : Едиториал УРСС, 2004. — С. 7–21.
45. Блэк, М. Метафора / М. Блэк ; пер. с англ. М.А. Дмитриевской // Теория метафоры : сб. / вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой ; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. — М. : Прогресс, 1990. — С. 153–172.
46. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику : курс лекций / Н.Н. Болдырев. — Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. — 236 с.
47. Будаев, Э.В. Метафора в политическом интердискурсе / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т., 2006. — 215 с.
48. Будаев, Э.В. Метафорическое моделирование постсоветской действительности в российском и британском политическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук / Э.В. Будаев. — Екатеринбург, 2006. — 232 с.
49. Будаев, Э.В. Сопоставительная метафорология / Э.В. Будаев. — Нижний Тагил : НТГСПА, 2011. — 330 с.
50. Будаев, Э.В. Становление когнитивной теории метафоры / Э.В. Будаев // Лингвокультурология. — 2007. — № 1. — С. 19–35.

51. Ван Дейк, Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т.А. Ван Дейк ; пер. с англ. Е.А. Кожемякина, Е.В. Переверзева, А.М. Амадова. — М. : ЛИБРОКОМ, 2013. — 344 с.
52. Введенская, Л.А. Риторика для юристов : учеб. пособие / Л.А. Введенская, Л.Г. Павлова. — Ростов н/Д. : Феникс, 2009. — 568 с.
53. Величайшие речи русской истории: от Петра Первого до Владимира Путина / ред. А.Ю. Клименко. — М. : Алгоритм, 2014. — 334 с.
54. Вершинина, Т.С. Метафорические модели с исходной биологической сферой в современном политическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук / Т.С. Вершинина. — Екатеринбург, 2002. — 207 с.
55. Веснина, Л.Е. Метафорическое моделирование миграции (по материалам российских печатных СМИ и данным ассоциативного эксперимента) : дис. ... канд. филол. наук / Л.Е. Веснина. — Екатеринбург, 2010а. — 250 с.
56. Веснина, Л.Е. Метафорическое моделирование миграции в российских печатных СМИ / Л.Е. Веснина // Политическая лингвистика. — 2010b. — № 1. — С. 84–89.
57. Веснина, Л.Е. Милитарная метафора, представляющая образ мигранта в отечественных СМИ / Л.Е. Веснина // Лингвокультурология. — 2009. — № 3. — С. 27–34.
58. Виноградов, С.И. Выразительные средства в парламентской речи / С.И. Виноградов // Русская речь. — 1994. — № 1. — С. 43–48.
59. Водак, Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса / Р. Водак ; пер. с англ. В.И. Карасика // Политическая лингвистика. — 2011. — № 4. — С. 286–291.
60. Вознесенская, Ю.В. Речевые стратегии конфликта в немецкой политической коммуникации (на материале парламентских дебатов в Бундестаге) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.В. Вознесенская. — СПб., 2010. — 18 с.
61. Воронцова, Т.А. Оценка коммуникативной компетентности в публичном диалоге / Т.А. Воронцова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013а. — № 1. — С. 183–186.

62. Воронцова, Т.А. Прагматические функции оценочной метафоры в публичном диалоге / Т.А. Воронцова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — № 13. — С. 35–37.
63. Воронцова, Т.А. Риторическая культура диалогического медиадискурса / Т.А. Воронцова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013b. — № 21. — С. 115–119.
64. Воронцова, Т.А. Речевая агрессия, толерантность, вежливость / Т.А. Воронцова // Язык СМИ и политика / под ред. Г.Я. Солганика. — М. : Изд-во Московского университета; Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2012. — С. 569–611.
65. Воронцова, Т.А. Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство / Т.А. Воронцова. — Ижевск : Удмуртский университет, 2006. — 252 с.
66. Ворошилова, М.Б. Когнитивный арсенал и коммуникативные стратегии современного националистического дискурса / М.Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. — 2014. — № 3. — С. 242–245.
67. Ворошилова, М.Б. Креолизованная метафора: первые зарисовки / М.Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. — 2012a. — № 4. — С. 94–99.
68. Ворошилова, М.Б. Черная чума: номинации врага в экстремистском тексте / М.Б. Ворошилова // Юрислингвистика. — 2012b. — № 1. — С. 67–72.
69. Гаврилова, М.В. Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В.В. Путина и Б.Н. Ельцина) / М.В. Гаврилова. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2004a. — 296 с.
70. Гаврилова, М.В. Лингвистические заметки о воздействии публичного слова: к столетию русской революции / М.В. Гаврилова // Политическая лингвистика. — 2017. — № 4. — С. 10–17.
71. Гаврилова, М.В. Метафора как способ реконструкции политических представлений / М.В. Гаврилова // Век информации. — 2018. — № 2. — С. 24–26.
72. Гаврилова, М.В. Парламентский дискурс / М.В. Гаврилова // Дискурс-Пи. — 2013. — № 3. — С. 113.

73. Гаврилова, М.В. Политический дискурс как объект лингвистического анализа / М.В. Гаврилова // Полис. Политические исследования. — 2004b. — № 3. — С. 127–139.

74. Горелова, А.А. Блоги о саморазвитии в коммуникативно-прагматическом аспекте на примере англоязычного блога Стива Павлины «Personal development for smart people» / А.А. Горелова // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2012. — № 4-3. — С. 139–142.

75. Граудина, Л.К. Функционально-смысловые типы парламентской речи / Л.К. Граудина // Культура парламентской речи / РАН, Ин-т рус. яз. ; С.И. Виноградов [и др.]. — М. : Наука, 1994. — С. 23–34.

76. Громыко, С.А. Зачем политику риторический вопрос? Особенности парламентской дискуссии начала XX века / С.А. Громыко // Русская речь. — 2010. — № 4. — С. 76–80.

77. Громыко, С.А. Речевая стратегия дискредитации в русской парламентской дискуссии начала XX века / С.А. Громыко // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2012. — № 41-3. — С. 97–100.

78. Громыко, С.А. Речь в российском дореволюционном парламенте: пути лингвистического исследования / С.А. Громыко // Современная филология : материалы междунар. заоч. науч. конф. / под общ. ред. Г.Д. Ахметовой. — Уфа, 2011a. — С. 151–154.

79. Громыко, С.А. Русский политический дискурс начала XX в.: на материале дискуссии в I Государственной Думе 1906 года : дис. ... канд. филол. наук / С.А. Громыко. — Вологда, 2007. — 235 с.

80. Громыко, С.А. Ирония как основа националистической риторики в дореволюционной Государственной думе (на материале выступлений Н.Е. Маркова) / С.А. Громыко // Велес. — 2016a. — № 8-1. — С. 138–141.

81. Громыко, С.А. Кооперация и конфронтация в парламентских речах русских националистов в начале XX века (на примере выступлений П.А. Крушевана) /

С.А. Громыко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016b. — № 6-2. — С. 70–72.

82. Громыко, С.А. Обращение к истории как риторический аргумент в русской парламентской речи (на материале выступлений депутатов-националистов в дореволюционной Государственной думе) / С.А. Громыко // Международный научно-исследовательский журнал. — 2017a. — № 7-1. — С. 112–115.

83. Громыко, С.А. Особенности речевой агрессии русских националистов в дореволюционной Государственной думе / С.А. Громыко // Политическая лингвистика. — 2016с. — № 4. — С. 217–224.

84. Громыко, С.А. П.А. Крушеван — думский оратор: риторико-прагматические особенности выступлений / С.А. Громыко // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2016d. — № 4. — С. 84–88.

85. Громыко, С.А. Рациональная аргументация в Государственной думе Российской империи (на материале выступлений русских националистов) / С.А. Громыко // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2017b. — № 6. — С. 80–84.

86. Громыко, С.А. Риторика русского национализма: воздействие, аргументация, образы (на материале публичных дискуссий начала XX века) / С.А. Громыко // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. — 2018. — № 2. — С. 84–85.

87. Громыко, С.А. Черносотенные листовки и воззвания начала XX века: риторико-прагматический аспект / С.А. Громыко // Политическая лингвистика. — 2017с. — № 6. — С. 64–69.

88. Громыко, С.А. Язык российского парламента: становление отечественной парламентской коммуникации в начале XX века / С.А. Громыко // Политическая лингвистика. — 2011b. — № 2. — С. 82–91.

89. Гудков, Д.Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса / Д.Б. Гудков // Язык средств массовой информации : учеб. пособие для вузов / под ред. М.Н. Володиной. — М. : Академический проект : Альма Матер, 2008. — С. 401–418.

90. Дарчиева, С.В. Модернизационные процессы в политической системе Российской империи в 1905–1907 гг. / С.В. Дарчиева // Власть. — 2012. — № 9. — С. 147–150.
91. Демьянков, В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии [Электронный ресурс] / В.З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. — № 3. — М., 2002. — С. 32–43. — Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/demyankov-02.htm>. (дата обращения: 01.06.2019).
92. Денисюк, Е.В. Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативно-прагматический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Денисюк. — Екатеринбург, 2004. — 24 с.
93. Дзюба, Е.В. «Бархатные» метафоры чешского политического дискурса / Е.В. Дзюба // Политическая лингвистика. — 2017. — № 1. — С. 31–41.
94. Долгов, В.В. Краткий очерк истории русской культуры с древнейших времен до наших дней : учеб. пособие для поступающих в вузы и студентов / В.В. Долгов ; отв. редактор В.В. Пузанов. — Ижевск : Удмуртский университет, 2001. — 196 с.
95. Журавлева, Е.А. Прагмалингвистические средства реализации категории автора в политических мемуарах [Электронный ресурс] / Е.А. Журавлева // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). — 2014. — № 6. — С. 15. — Режим доступа: <http://journals.org/index.php/sisp/article/view/6201415> (дата обращения: 01.06.2019).
96. Зарипов, Р.И. Метафорическое моделирование образа России в современном французском политическом дискурсе / Р.И. Зарипов. — М. : Р.Валент, 2016. — 220 с.
97. Зых, А. Интертекстуальность в парламентских дебатах (на материале стенограмм заседаний польского Сейма и российской Государственной Думы) / А. Зых, Э. Капела // Русистика и современность: старые вопросы, новые ответы / под ред. И. Любохи-Круглик, О. Малысы, Г. Вильк, А. Зых. — Катовице, 2017. — С. 395–414.

98. Иванов, А. «Россия для русских»: pro et contra / А. Иванов // Русская народная линия. Православие. Самодержавие. Народность. Т. 3. Общество / сост. М.В. Михайлова. — 2010. — С. 64–78.
99. Ильина, Е.В. Модальность как механизм консолидации смыслового стратума художественного текста : автореф. ... д-ра филол. наук / Е.В. Ильина. — Тверь, 2014. — 44 с.
100. Иссерс, О.С. «Посмотрите, на кого он похож!» (к вопросу о речевых тактиках дискредитации) [Электронный ресурс] / О.С. Иссерс // Вестник Омского университета. — 1997. — № 3. — С. 81–84. — Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/issers-97.htm> (дата обращения: 01.06.2019).
101. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. — М. : Издательство ЛКИ, 2008. — 288 с.
102. История России. XX век. Как Россия шла к XX веку. От начала царствования Николая II до конца Гражданской войны (1894–1922). Т. I / ред.-сост. А.Б. Зубов. — М. : Э, 2016. — 720 с.
103. Калыгина, М.Ю. Метафорическая репрезентация миграции в медиадискурсе России, Великобритании и США / М.Ю. Калыгина // Политическая лингвистика. — 2009. — № 29. — С. 109–113.
104. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. — М. : Эксмо, 2005. — 832 с.
105. Карасик, В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. — Волгоград, 2000. — С. 5–20.
106. Каслова, А.А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.) : дис. ... канд. филол. наук / А.А. Каслова. — Екатеринбург, 2003. — 208 с.
107. Кегеян, С.Э. Лингвориторические параметры политического дискурса (на материале текстов идеологов большевизма) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.Э. Кегеян. — М., 2009. — 29 с.

108. Керимов, Р.Д. Артефактная концептуальная метафора в немецком политическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук / Р.Д. Керимов. — Кемерово, 2005. — 186 с.
109. Керимов, Р.Д. Лингвокогнитивные аспекты изучения немецкой политической метафоры / Р.Д. Керимов // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение. — 2013. — № 4. — С. 155–164.
110. Киселева, С.В. Очерки по когнитивной теории концептуальной метафоры [Электронный ресурс] / С. В. Киселева // Ученые записки. Т. 19: Современные проблемы филологии, межкультурной коммуникации и перевода / под науч. ред. М.В. Ежова. — СПб., 2012. — С. 33–42. — Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2013/03/05/1292935303/статья_2012_ИВЭСЭП.pdf (дата обращения: 01.06.2019).
111. Китик, М.В. Снижение интенсивности высказывания в политическом дискурсе (на материале стенограмм заседаний британского парламента) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.В. Китик. — Волгоград, 2004. — 18 с.
112. Кишина, Е.В. Смысловая модель категории «Свое — чужое» на уровне политического дискурса / Е.В. Кишина // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2009. — № 1. — С. 47–52.
113. Кобозева, И.М. Лексикосемантические заметки о метафоре в политическом дискурсе / И.М. Кобозева // Политическая лингвистика. — 2010. — № 2. — С. 41–46.
114. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика : учеб. пособие / И.М. Кобозева. — М. : Эдиториал УРСС, 2000. — 352 с.
115. Кобозева, И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры [Электронный ресурс] / И.М. Кобозева // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. — 2001. — № 6. — С. 132–149. — Режим доступа: <http://otipl.philol.msu.ru/staff/people/kobozeva.php> (дата обращения: 01.06.2019).
116. Кондратьева, О.Н. Майдан в метафорическом зеркале российских масс-медиа / О.Н. Кондратьева // Политическая лингвистика. — 2017. — № 5. — С. 80–84.

117. Кондратьева, О.Н. Метафорика религиозного дискурса / О.Н. Кондратьева // Вестник Челябинского государственного университета. — 2015а. — № 10. — С. 101–106.

118. Кондратьева, О.Н. Метафорическая репрезентация олигархии в российском медиадискурсе XXI века / О.Н. Кондратьева // Научный диалог. — 2016. — № 9. — С. 47–57.

119. Кондратьева, О.Н. Диахроническая метафорология (когнитивно-дискурсивный аспект) / О.Н. Кондратьева. — Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2015b. — 238 с.

120. Кондратьева, О.Н. Метафоры с исходной сферой «Религия» в выступлениях Юлии Тимошенко (на материале официального сайта) / О.Н. Кондратьева // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления : материалы Международной научной конференции / гл. ред. А.П. Чудинов. — Екатеринбург, 2014. — С. 123–125.

121. Константинова, А.С. Публичная парламентская речь в современной Германии и России : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.С. Константинова. — Пятигорск, 2013. — 28 с.

122. Корелин, А.П. Реформы П.А. Столыпина: исторический опыт и уроки / А.П. Корелин // Труды Института российской истории РАН. — 2013. — № 11. — С. 88–115.

123. Коробкова, О.М. «Свои — чужие» в дореволюционном политическом дискурсе большевиков и советском тоталитарном дискурсе / О.М. Коробкова // Политическая лингвистика. — 2011. — № 4. — С. 97–103.

124. Косиков, Г.В. Идеология. Коннотация. Текст. (По поводу книги Р. Барта «S/Z») [Электронный ресурс] / Г.В. Косиков // S/Z / Р. Барт ; пер. Г.К. Косикова и В.П. Мурат. — М. : Ad Marginem, 1994. — С. 277–302. — Режим доступа: <http://forlit.philol.msu.ru/lib-ru/kosikov4-ru> (дата обращения: 01.06.2019).

125. Краснопольская, А.П. Софистическая аргументация: идеал и методы / А.П. Краснопольская // Мысль : журнал Петербургского философского общества. — 2006. — № 1. — С. 121–132.

126. Крюкова, Н.Ф. Метафоризация и метафоричность как параметры рефлексивного действия при продукции и рецепции текста : дис. ... д-ра филол. наук / Н.Ф. Крюкова. — Тверь, 2000. — 288 с.

127. Культура парламентской речи / РАН, Ин-т рус. яз. ; С.И. Виноградов [и др.]. — М. : Наука, 1994. — 359 с.

128. Лагута, О.Н. Метафорология: теоретические аспекты: в 2 ч. Ч. 1 / О.Н. Лагута ; Новосиб. гос. ун-т. — Новосибирск : Изд-во НГУ, 2003. — 114 с.

129. Лазуткина, Е.М. Парламентские жанры / Е.М. Лазуткина // Культура парламентской речи / РАН, Ин-т рус. яз. ; С.И. Виноградов [и др.]. — М. : Наука, 1994. — С. 34–45.

130. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; пер. с англ. А.Н. Баранова, А.В. Морозовой ; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. — М. : Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.

131. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; пер. с англ. Н.В. Перцова // Теория метафоры: сб. / вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой ; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журинской. — М. : Прогресс, 1990. — С. 387–415.

132. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. — М. : Гнозис, 2003. — 280 с.

133. Макарова, Т.С. Проблема интерпретации исторического политического дискурса / Т.С. Макарова // Политическая лингвистика. — 2018. — № 3. — С. 114–121.

134. Малахов, В.С. Национализм как политическая идеология : учеб. пособие / В.С. Малахов. — М. : КДУ, 2005. — 320 с.

135. Малышева, Н.В. Квантитативная лингвистика в современной научной парадигме [Электронный ресурс] / Н.В. Малышева // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2014. — Т. 20. — С. 546–550. — Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2014/54373.htm> (дата обращения: 01.06.2019).

136. Матвеев, А.В. Идеологема «русский» в думской риторике В.М. Пуришкевича (опыт контент-анализа) / А.В. Матвеев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2016а. — № 7-2. — С. 118–122.

137. Матвеев, А.В. Об особенностях речевого поведения В.М. Пуришкевича [Электронный ресурс] / А.В. Матвеев // Научное обозрение : электрон. журн. — 2017а. — № 3. — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

138. Матвеев, А.В. Прецедентные явления в риторике В.М. Пуришкевича (по материалам заседаний Государственной думы Российской империи II созыва) / А.В. Матвеев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017b. — № 10-2. — С. 111–115.

139. Матвеев, А.В. Этническая проблематика в риторике русских монархистов начала XX века (по материалам устных публичных выступлений В.М. Пуришкевича) / А.В. Матвеев, М.В. Игумнова // Проблемы современной науки и образования. — 2016. — № 30. — С. 47–53.

140. Матвеев, А.В. Идеологема «врага» в риторике русских националистов (на материалах думских речей В.М. Пуришкевича) / А.В. Матвеев // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2016b. — № 10-1. — С. 152–156.

141. Матвеева, Г.Г. Особенности жанровой системы парламентского дискурса / Г.Г. Матвеева, И.А. Зюбина, М.В. Лесняк // Политическая лингвистика. — 2016. — № 4. — С. 133–140.

142. Методика диахронического анализа политической метафорики / Э.В. Будаев, О.Н. Кондратьева, Е.А. Нахимова, А.П. Чудинов // Политическая лингвистика. — 2016. — № 6. — С. 18–31.

143. Милявская, Н.Б. К вопросу о концептуальной метафтонимии и когнитивном моделировании значения новых метафтонимических единиц / Н.Б. Милявская // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. — 2008. — № 2. — С. 91–96.
144. Минаева, Л.В. Британский парламентский дискурс как культурный феномен / Л.В. Минаева // Преподаватель XXI век. — 2015. — № 3. — С. 396–404.
145. Михалева, О.Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия / О.Л. Михалева. — М. : ЛИБРОКОМ, 2009. — 256 с.
146. Мишланов, В.А. Коммуникативные стратегии и тактики в современном политическом дискурсе (на материале политической рекламы предвыборных кампаний 2003, 2007, 2008 гг.) / В.А. Мишланов, Н.С. Нецветаева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2009. — № 6. — С. 5–13.
147. Мишланова, С.Л. Метафора в научно-популярном медицинском дискурсе (семиотический, когнитивно-коммуникативный, прагматический аспекты) : монография / С.Л. Мишланова, Т.И. Уткина; Перм. гос. ун-т. — Пермь, 2008. — 428 с.
148. Москвин, В.П. Русская метафора: очерк семиотической теории / В.П. Москвин. — М. : ЛЕНАНД, 2006. — 184 с.
149. Нахимова, Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации [Электронный ресурс] / Е.А. Нахимова. — Екатеринбург, 2007. — 207 с. — Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/nakhimova-07a.htm> (дата обращения: 01.06.2019).
150. Невельская-Гордеева, Е.П. Особенности применения умозаключений по аналогии в судебной аргументации // Е.П. Невельская-Гордеева, С.С. Шестопал // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. — 2016. — № 2. — С. 76–83.
151. Немытина, М.В. Суд в России: вторая половина XIX – начало XX вв. : дис. ... д-ра юрид. наук / М.В. Немытина. — М., 1999. — 403 с.

152. Опарина, Е.О. Концептуальная метафора / Е.О. Опарина // Метафора в языке и тексте / отв. ред. В.Н. Телия ; АН СССР, Ин-т языкознания. — М. : Наука, 1988. — С. 65–77.
153. Ортега-и-Гассет, Х. Две великие метафоры / Х. Ортега-и-Гассет ; пер. с исп. Н.Д. Арутюновой // Теория метафоры : сб. / вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой ; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журинской. — М. : Прогресс, 1990. — С. 68–81.
154. Паршина, О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России : дис. ... д-ра филол. наук / О.Н. Паршина. — Саратов, 2005. — 325 с.
155. Патрикеева, О.А. Депутаты-ораторы в I Государственной думе Российской империи / О.А. Патрикеева // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. — 2014. — № 3. — С. 36–41.
156. Патрикеева, О.А. Конституционные демократы в Государственной думе (1906–1917 гг.): зарождение парламентского ораторского искусства в России / О.А. Патрикеева // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. — 2013. — № 2. — С. 52–59.
157. Петров, В.В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу / В.В. Петров // Вопросы языкознания. — 1990. — № 3. — С. 135–146.
158. Плотникова, С.Н. Политическое дискурсивное пространство: принципы структурирования / С.Н. Плотникова, С.А. Домышева // Политическая лингвистика. — 2009. — № 1. — С. 103–108.
159. Полякова, С.В. Метафорическое моделирование в русском и американском медицинском дискурсе : дис. ... канд. филол. наук / С.В. Полякова. — Пермь, 2011. — 179 с.
160. Правикова, Л.В. Персуазивность как когнитивная стратегия в парламентском дискурсе / Л.В. Правикова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 1-2. — С. 359–362.

161. Правикова, Л.В. Язык парламентских дебатов (опыт системного описания дискурса по терроризму в Конгрессе США и Парламенте Великобритании) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Л.В. Правикова. — Пятигорск, 2005. — 48 с.

162. Резанова, З.И. Метафорическое моделирование в языковой картине мира (к обоснованию методов исследования) / З.И. Резанова, Д.А. Катунин, Н.А. Мишанкина // Вестник Томского государственного университета. — 2003. — № 277. — С. 164–171.

163. Резанова, З.И. Украина и Россия в условиях социального конфликта: метафорическое моделирование образа в российском медиадискурсе / З.И. Резанова, К.С. Шиляев // Русин. — 2015. — № 4. — С. 217–234.

164. Резанова, З.И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира / З.И. Резанова // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2010. — № 1. — С. 26–43.

165. Ремянникова, Д.О. Метафтонимия как механизм репрезентации знаний в рекламном дискурсе / Д.О. Ремянникова, С.Л. Мишланова // Евразийский гуманитарный журнал. — 2019. — № 1. — С. 25–29.

166. Ричардс, А. Философия риторики / А. Ричардс ; пер. в англ. Р.И. Розиной // Теория метафоры : сб. / вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой ; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. — М. : Прогресс, 1990. — С. 44–67.

167. Романова, Н.Л. Своеобразие религиозной метафоры в современной немецкой прессе (на материале прессы ФРГ рубежа XX–XXI вв.) / Н.Л. Романова // Политическая лингвистика. — 2011. — № 1. — С. 231–233.

168. Руженцева, Н.Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе / Н.Б. Руженцева ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2004. — 294 с.

169. Ряпосова, А.Б. Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе «Российские федеральные выборы» (1999–2000 гг.) : дис.... канд. филол. наук / А.Б. Ряпосова. — Екатеринбург, 2002. — 201 с.

170. Саиф, А.С.А. Политическая метафора: когнитивный и прагматический аспекты / А.С.А. Саиф // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 10-3. — С. 164–169.

171. Сапрыкина, Е.В. Способы репрезентации речевого действия «обвинение» в парламентском дискурсе (на материале парламентских дебатов бундестага ФРГ) : автореф. ... канд. филол. наук / Е.В. Сапрыкина. — Уфа, 2007. — 19 с.

172. Свирковская, С.В. Ксенофобический дискурс (лингвопрагматический аспект) : дис. ... канд. филол. наук / С.В. Свирковская. — Краснодар, 2005. — 211 с.

173. Сивенкова, М.А. Ответы на вопросы в британских и российских парламентских дебатах / М.А. Сивенкова // Политическая лингвистика. — 2009. — № 1. — С. 124–131.

174. Складневская, Г.Н. Метафора в системе языка / Г.Н. Складневская. — СПб. : Наука, 1993. — 150 с.

175. Сковородников, А.П. Языковое насилие в современной российской прессе / А.П. Сковородников // Речевое манипулирование : учеб. пособие / Г.А. Копнина. — М. : Флинта, 2012. — С. 158–170.

176. Скребцова, Т.Г. Когнитивная лингвистика : курс лекций / Т.Г. Скребцова. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2011. — 256 с.

177. Скребцова, Т.Г. Современные исследования политической метафоры / Т.Г. Скребцова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. — 2005. — № 1. — С. 35–46.

178. Скулимовская, Д.А. Стратегии и тактики в политическом дискурсе (на материале выступлений Б. Обамы) / Д.А. Скулимовская // Политическая лингвистика. — 2017. — № 1. — С. 106–112.

179. Сладкевич, Ж.Р. Организация семиотического пространства новогоднего поздравления президента (на материале новогодних обращений президентов России, Беларуси и Польши за 2000–2015 гг.) / Ж.Р. Сладкевич // Политическая наука. — 2016. — № 3. — С. 168–193.

180. Современная политическая лингвистика : учеб. пособие / Э.В. Будаев [и др.] ; отв. ред. А.П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2011. — 252 с.

181. Соловьева, Е.В. Кооперативная и конфронтационная речевые стратегии российских политиков (на примере текстов докладов депутатов Госдумы) / Е.В. Соловьева // Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация : материалы Междунар. науч. конф. / Урал. гос. пед. ун-т ; отв. ред. А.П. Чудинов. — Екатеринбург, 2018. — С. 240–245.

182. Солопова, О.А. Метафорическое моделирование образов прошлого, настоящего и будущего в дискурсе парламентских выборов в России (2003 год) и Великобритании (2001 год) : дис. ... канд. филол. наук / О.А. Солопова. — Екатеринбург, 2006. — 245 с.

183. Спиридовский, О.В. Парламентские дебаты как жанр политического дискурса [Электронный ресурс] / О.В. Спиридовский // Научный альманах. — 2015. — № 9. — С. 1556–1568. — Режим доступа: <http://www.huminf.tsu.ru/wordpress/wp-content/uploads/2015/na.2015.09.pdf> (дата обращения: 01.06.2019).

184. Степанов, Ю.С. Изменчивый «образ языка» в науке XX в. / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца 20 века : сб. ст. / РАН, Ин-т языкознания РАН, Рос. гос. гуманитар. ун-т ; под ред. Ю.С. Степанова. — М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. — С. 7–34.

185. Суворова, М.В. Трансдискурсивная модификация модели метафоры (на материале научного, научно-популярного и популярного дискурсов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.В. Суворова. — Пермь, 2019. — 19 с.

186. Телия, В.Н. Предисловие / В.Н. Телия // Метафора в языке и тексте / отв. ред. В.Н. Телия ; АН СССР, Ин-т языкознания. — М. : Наука, 1988. — С. 3–10.

187. Теория и методика лингвистического анализа политического текста / отв. ред. А.П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2016. — 303 с.

188. Феденева, Ю.Б. Моделирующая функция метафоры в агитационно-политических текстах 90-х гг. XX века : дис. ... канд. филол. наук / Ю.Б. Феденева. — Екатеринбург, 1997. — 184 с.

189. Филинский, А.А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999–2000 гг. : дис. ... канд. филол. наук / А.А. Филинский. — Тверь, 2002. — 163 с.
190. Флад, К. Политический мир. Теоретическое исследование / К. Флад ; пер. с англ. А. Георгиева. — М. : Прогресс-Традиция, 2004. — 264 с.
191. Фомина, А.В. Тенденции развития современного бизнеса: новые возможности / А.В. Фомина, С.Г. Авруцкая // Вестник Российского химико-технологического университета имени Д.И. Менделеева: гуманитарные и социально-экономические исследования. — 2016. — № 7. — С. 75–81.
192. Хазагеров, Г.Г. Политическая риторика / Г.Г. Хазагеров. — М. : Никколо-Медиа, 2002. — 313 с.
193. Хазагеров, Г.Г. Риторика / Г.Г. Хазагеров, И.Б. Лобанов. — Ростов н/Д. : Феникс, 2004. — 384 с.
194. Хашимов, Р.И. Семантическое поле слов и его элементы / Р.И. Хашимов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 4-2. — С. 209–213.
195. Царьков, П.Б. Языковой портрет думского политика-либерала (на материалах публицистики и стенографических отчетов заседаний Государственной Думы России) : дис. ... канд. филол. наук / П.Б. Царьков. — Тверь, 2012. — 226 с.
196. Чернявская, В.Е. Программа политической партии как персуазивный текст / В.Е. Чернявская, И.Ю. Логинова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2005. — № 11. — С. 64–75.
197. Чудакова, Н.М. Концептуальная область «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000–2004 гг.) : дис. ... канд. филол. наук / Н.М. Чудакова. — Екатеринбург, 2005. — 218 с.
198. Чудинов, А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А.П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003. — 248 с.

199. Чудинов, А.П. Очерки по современной политической метафорологии / А.П. Чудинов. — Екатеринбург, 2013. — 176 с.
200. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А.П. Чудинов. — М. : Флинта : Наука, 2006. — 256 с.
201. Чудинов, А.П. Постулаты Уральской школы политической метафорологии / А.П. Чудинов // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. — 2012. — № 2. — С. 85–93.
202. Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А.П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001. — 238 с.
203. Шамугия, Л.Г. Функционально-прагматические характеристики французского парентетического дискурса (на материале парламентских дебатов) : дис. ... канд. филол. наук / Л.Г. Шамугия. — Пятигорск, 2006. — 211 с.
204. Шаова, О.А. Россия и Франция: национальные стереотипы и их метафорическая репрезентация (на материале французских газет в сопоставлении с российскими) : дис. ... канд. филол. наук / О.А. Шаова. — Екатеринбург, 2005. — 210 с.
205. Швейцер, А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А.Д. Швейцер. — М. : Наука, 1988. — 215 с.
206. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук / Е.И. Шейгал. — Волгоград, 2000. — 431 с.
207. Шехтман, Н.Г. Сопоставительное исследование театральной и спортивной метафоры в российском и американском политическом дискурсе : дис.... канд. филол. наук / Н.Г. Шехтман. — Екатеринбург, 2005. — 219 с.
208. Ширяев, Е.Н. Общая характеристика парламентской речи и ее особенностей // Культура парламентской речи / РАН, Ин-т рус. яз. ; С.И. Виноградов [и др.]. — М. : Наука, 1994. — С. 8–22.
209. Ширяева, Т.А. Основные коммуникативные стратегии в британском парламентском дискурсе дебатов / Т.А. Ширяева, Ю.А. Черноусова, Л.И. Триус //

Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 12-1. — С. 204–207.

210. Ширяева, Т.А. Прагма-риторическая перспектива исследования англоязычного парламентского дискурса / Т.А. Ширяева, Ю.А. Черноусова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 1-1. — С. 211–217.

211. Шмелев, Д.Н. Современный русский язык. Лексика : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности «Рус. яз. и литература» / Д.Н. Шмелев. — М. : Просвещение, 1977. — 335 с.

212. Шмелев, Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д.Н. Шмелев. — М. : Просвещение, 1964. — 243 с.

213. Юрков, Е.Е. Метафора как модель национального мировидения / Е.Е. Юрков // Русский язык за рубежом. — 2011. — № 4. — С. 125–128.

214. Bayley, P. Introduction: The whys and wherefores of analysing parliamentary discourse / P. Bayley // Cross-cultural perspectives on parliamentary discourse. Discourse approaches to politics, society and culture / ed. by P. Bayley. — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2004. — P. 1–45.

215. Bevitori, C. Negotiating conflict: Interruptions in British and Italian parliamentary debates / C. Bevitori // Cross-cultural perspectives on parliamentary discourse. Discourse approaches to politics, society and culture / ed. by P. Bayley. — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2004. — P. 87–111.

216. Charteris-Black, J. Corpus approaches to critical metaphor analysis / J. Charteris-Black. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2004. — 263 p.

217. Charteris-Black, J. Politicians and rhetoric. The persuasive power of metaphor / J. Charteris-Black. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2011. — 370 p.

218. Chilton, P. Foreign policy by metaphor / P. Chilton, G. Lakoff // Language and peace / ed. by C. Schäffner, A. Wenden. — Dartmouth : Aldershot, 1995. — P. 37–59.

219. Chilton, P. Metaphor in political discourse: the case of the 'common European house' [Электронный ресурс] / P. Chilton, M. Ilyin // Discourse & society. — 1993.

— № 1. — P. 7–31. — Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/246811389_Metaphor_in_Political_Discourse_The_Case_of_the_Common_European_House' (дата обращения: 01.06.2019).

220. Cross-cultural perspectives on parliamentary discourse. Discourse approaches to politics, society and culture / ed. by P. Bayley. — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2004. — 392 p.

221. Edelman, M. Politics as symbolic action: mass arousal and quiescence / M. Edelman. — New York : Academic Press, 1971. — 188 p.

222. Edelman, M. The symbolic uses of politics / M. Edelman. — Urbana : University of Illinois Press, 1985. — 221 p.

223. Hülse, R. Imagine the EU: the metaphorical construction of a supra-nationalist identity [Электронный ресурс] / R. Hülse // Journal of international relations and development. — 2006. — № 4. — P. 396–421. — Режим доступа: http://www.gsi.uni-muenchen.de/personen/wiss_mitarbeiter/huelsse/5_publ_huelsse/pdf_huelsse/jird_2006.pdf (дата обращения: 01.06.2019).

224. Ilie, C. Insulting as (un)parliamentary practice in the British and Swedish parliaments: A rhetorical approach / C. Ilie // Cross-cultural perspectives on parliamentary discourse. Discourse approaches to politics, society and culture / ed. by P. Bayley. — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2004. — P. 45–87.

225. Jaworska, S. Anti-Slavic imagery in German radical nationalist discourse at the turn of the twentieth century: a prelude to Nazi ideology? [Электронный ресурс] / S. Jaworska // Patterns of prejudice. — 2011. — № 5. — P. 435–452. — Режим доступа: http://www.residenztheater.de/sites/default/files/Anti-Slavic_imagery_Patterns_of_Prejudice_Vol_45_Jaworska.pdf (дата обращения: 01.06.2019).

226. Lakoff, G. Metaphor and war: the metaphor system used to justify war in the Gulf [Электронный ресурс] / G. Lakoff. — Режим доступа: <https://georgelakoff.files.wordpress.com/2011/04/metaphor-and-war-the-metaphor-system-used-to-justify-war-in-the-gulf-lakoff-1991.pdf> (дата обращения: 01.06.2019).

227. Landau, M. “Undoing” a rhetorical metaphor: testing the metaphor extension strategy [Электронный ресурс] / M. Landau, L. Keefer, T. Swanson // *Metaphor and symbol*. — 2017. — № 2. — P. 63–83. — Режим доступа: http://lemmalab.com/wp-content/uploads/publications/2017_In_Press/Landau_Met_undoing_M_S_2017.pdf (дата обращения: 01.06.2019).

228. Landau, M. Epistemic motives moderate the effect of metaphoric framing on attitudes [Электронный ресурс] / M. Landau, L. Keefer, Z. Rothschild // *Journal of experimental social psychology*. — 2014. — Vol. 53. — P. 125–138. — Режим доступа: https://www.academia.edu/31680755/Epistemic_motives_moderate_the_effect_of_metaphoric_framing_on_attitudes (дата обращения: 01.06.2019).

229. Mio, J.S. Metaphor and politics [Электронный ресурс] / J.S. Mio // *Metaphor and symbol*. — 1997. — № 2. — P. 113–133. — Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/247503786_Metaphor_and_Politics (дата обращения: 01.06.2019).

230. Mio, J.S. Metaphor, politics, and persuasion / J.S. Mio // *Metaphor: implications and applications* / ed. by J.S. Mio, A.N. Katz. — Mahwah : Lawrence Erlbaum Associates, 1996. — P. 127–146.

231. Musolff, A. Metaphor and political discourse: analogical reasoning in debates about Europe / A. Musolff. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2004. — 211 p.

232. Musolff, A. Political imagery of Europe: a house without exit doors? [Электронный ресурс] / A. Musolff // *Journal of multilingual and multicultural development*. — 2000. — № 21. — P. 216–229. — Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/247201404_Political_Imagery_of_Europe_A_House_Without_Exit_Doors (дата обращения: 01.06.2019).

233. Musolff, A. What can critical metaphor analysis add to the understanding of racist ideology? Recent studies of Hitler’s anti-semitic metaphors [Электронный ресурс] / A. Musolff // *Critical approaches to discourse analysis across disciplines*. — 2008. — Vol. 2. — P. 1–10. — Режим доступа: http://cadaad.net/files/journal/CADAAD2-2-Musolff-2008-Critical_Metaphor_Analysis.pdf (дата обращения: 01.06.2019).

234. Paivio, A. Psychological processes in metaphor comprehension and memory / A. Paivio, M. Walsh // *Metaphor and thought* / ed. by A. Ortony. — Cambridge : Cambridge University Press, 1993. — P. 307–328.

235. Paris, R. Kosovo and the metaphor war [Электронный ресурс] / R. Paris // *Political science quarterly*. — 2002. — № 3. — P. 423–450. — Режим доступа: <http://aix1.uottawa.ca/~rparis/Metaphor.pdf> (дата обращения: 01.06.2019).

236. Ringmar, E. Metaphors of social order [Электронный ресурс] / E. Ringmar // *Political language and metaphor: interpreting and changing the world* / ed. by T. Carver, J. Pikalo — London : Routledge, 2008. — P. 57–68. — Режим доступа: https://www.academia.edu/2750754/Metaphors_of_Social_Order (дата обращения: 01.06.2019).

237. Santa Ana, O. “Like an animal I was treated”: anti-immigrant metaphor in US public discourse [Электронный ресурс] / O. Santa Ana // *Discourse & society*. — 1999. — № 2. — P. 191–224. — Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/233885203_Like_an_Animal_I_was_Treated'_Anti-Immigrant_Metaphor_in_US_Public_Discourse (дата обращения: 01.06.2019).

238. Santa Ana, O. Empirical analysis of anti-immigrant metaphor in political discourse [Электронный ресурс] / O. Santa Ana // *University of Pennsylvania working papers in linguistics*. — 1997. — № 1. — Режим доступа: <http://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1617&context=pwpl> (дата обращения: 01.06.2019).

239. Van Dijk, T.A. Text and context of parliamentary debates / T.A. Van Dijk // *Cross-cultural perspectives on parliamentary discourse. Discourse approaches to politics, society and culture* / ed. by P. Bayley. — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2004. — P. 339–373.

240. Van Dijk, T.A. What is political discourse analysis? [Электронный ресурс] / T.A. Van Dijk // *Political linguistics* / ed. by J. Blommaert, C. Bulcaen — Amsterdam, 1998. — P. 11–52. — Режим доступа: <http://discourses.org/OldArticles/What%20is%20Political%20Discourse%20Analysis.pdf> (дата обращения: 01.06.2019).

241. Vertessen, D. Metaphorical election style? Patterns of symbolic language in Belgian politics [Электронный ресурс] / D. Vertessen, C. Landtsheer // Metaphor in political science. — Granada, 2005. — Режим доступа: <http://eis.bris.ac.uk/~potfc/Granada/Papers/Vertessen.pdf> (дата обращения: 01.06.2019).

242. Zinken, J. Ideological imagination: intertextual and correlational metaphors in political discourse [Электронный ресурс] / J. Zinken // Discourse & society. — 2003. — № 4. — P. 507–523. — Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/246414644_Ideological_Imagination_Intertextual_and_Correlational_Metaphors_in_Political_Discourse (дата обращения: 01.06.2019).

Словари и справочная литература

243. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / гл. ред. С.А. Кузнецов. — СПб. : Норинт, 1998. — Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 01.06.2019).

244. Большой юридический словарь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/lower/> (дата обращения: 01.06.2019).

245. Краткая литературная энциклопедия [Электронный ресурс] : в 9 т. — М. : Сов. Энцикл., 1962–1978. — Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/default.asp> (дата обращения: 01.06.2019).

246. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. — М. : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. — 245 с.

247. Новейший политологический словарь / авт.-сост. Д.Е. Погорелый, В.Ю. Фесенко, К.В. Филиппов. — Ростов н/Д. : Феникс, 2010. — 318 с.

248. Славянские древности : этнолингвистический словарь в 4 т. Т. 1 / под общ. ред. Н.И. Толстого. — М. : Международные отношения, 1995. — 577 с.

249. Словарь библейских образов / под общ. ред. Л. Райкена, Дж. Уилхойта, Т. Лонгмана. — СПб. : Библия для всех, 2005. — 1424 с.

250. Словарь русского языка [Электронный ресурс] : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А.П. Евгеньевой. — М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. — Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 01.06.2019).

251. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. — М. : Сов. энцикл. : ОГИЗ, 1935–1940. — Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения: 01.06.2019).

252. Хазагеров, Г.Г. Риторический словарь / Г.Г. Хазагеров. — М. : Флинта : Наука, 2009. — 432 с.

253. Черная сотня : историческая энциклопедия / сост. А.Д. Степанов, А.А. Иванов; отв. ред. О.А. Платонов. — М. : Институт русской цивилизации, 2008. — 640 с.

254. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона [Электронный ресурс] : в 86 т. — СПб. : Семеновская типолитография, 1890–1907. — Режим доступа: <https://runivers.ru/lib/book3182/> (дата обращения: 01.06.2019).

255. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / авт.-сост. В. Серов. — М. : Локид-Пресс, 2005. — 880 с.

256. Энциклопедия мифологии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_myphology/ (дата обращения: 01.06.2019).

257. Эффективное речевое общение (Базовые компетенции) : словарь-справочник / под ред. А.П. Сковородникова. — Красноярск : Изд-во Сибирского федерального университета. — 2014. — 882 с.